

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт 3

1964

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СВЕРД-
ЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКИХ
ПРОМЫШЛЕННОГО И СЕЛЬСКОГО
ОБКОМОВ ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ -
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА

Участие женщин в партийной и советской работе приобретает гигантское значение...

В. И. Ленин.

Хозяйка погоды

Притих аэропорт...
Метнув по небу росчерк,
Плеснул сто молний норд,
Катнул сто ржавых бочек.
И крутят флюгера,
И бьются об антенны
«Сверхбалльные» ветра,
Раскачивая стены...
Синоптик —

ей до слез

Досадно и обидно.
И тучам бы разнос
Устроила, как видно!
Тогда б назвал пилот
Ее небес хозяйкой...
В оконный переплет
Дождя

стучит морзянка,
Грохочет и звенит.
И хлещут в стекла струи...
Но вот,

омыв зенит,

Умчался ливень:
струсил!

Пылает синева
Лучистая — в полнеба.
Скуп летчик на слова:
— Скорей погоду мне бы...
— Лети, орел, пора! —
Девчонка улыбнется.—
Ни пуха, ни пера!
И синевы, и солнца!

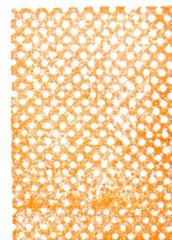
Ефим ЛИПОВИЧ

Газопровод Бухара — Челябинск вступил в строй. Тысячи километров прошли строители через пустыню, реки, каменистые отроги Урала. Еще один переход — и среднеазиатский газ достигнет Свердловска. Будет построен самый крупный газопровод мира.

Из Приполярья, из района знаменитого Березово, протянется на Урал еще одна мощная газовая артерия.

Сотни молодых строителей, закончивших работу на южной трассе, теперь переехали на север. Многие из них трудятся в районе Ивделя. Жара и безводье пустыни сменились для них теперь холодом, обилием болот и таежных рек.

РЕСПУБЛИКА НА КОЛЕСАХ

Из дневника
изолировщика

Владимир ТУБОЛЕВ

Рисунки В. Бубеницкова

рень, за сумасшедшего меня принимаешь?

— Журналист... — с отчаянием говорю я.

Начальник отдела кадров четвертого стройуправления треста «Востокнефтепроводстрой» безнадёжно машет рукой и спрашивает:

— Изолировщиком пойдете?

Пойду ли?! Я делаю умное лицо и, будто всю жизнь только и ждал этого предложения, заявляю:

— Чего проще!

Через пятнадцать минут выхожу из отдела кадров, наделенный шестой специальностью и запиской к хозяйственнику.

* * *

Адрес нашего вагонного городка — Туркменская ССР, город Ташауз, поселок Дружба. В городке десять жилых вагончиков, красный уголок, медпункт, столовая, магазин и радиостанция. Каждый жилой вагончик разделен коридором на

ЗНАКОМСТВО

— Хочу работать на строительстве газопровода Бухара — Урал.

— Специальность?

Я перечисляю свои специальности в порядке их приобретения.

— Землекоп...

Неодобрительное хмыканье.

— Кочегар...

Скептическая улыбка.

— Плотник...

— М-да...

— Летчик...

Изумленный взмах бровей, который можно расшифровать следующим образом: ты что, па-

СОЮЗ

две половины. В коридоре — водяной котел для обогрева. В обеих половинах, как в купе, — по четыре полки, стол, стулья, шкаф для одежды и второй, поменьше, — для посуды.

Я захожу в красный уголок. Присаживаюсь к шкафу с книгами. Библиотека у нас небольшая, но, против ожидания, книги замечательные. Здесь Ромен Роллан, Шолом Алейхем, Пришвин, Куприн, Томас Манн, Джек Лондон, Лев Толстой, Максим Горький, Джованьоли и многие другие.

Библиотекаря нет, каждый выбирает то, что ему по вкусу, и по прочтении возвращает книгу на место. Периодически, раз в месяц, книжный фонд обновляется где-то в Ургенче, в управлении.

Перелистываю первый том Алейхема. Четверо парней с увлечением стучат шарами на бильярдном столе, разговаривают.

— ...Володьку можно считать моим вторым отцом — он спас мне жизнь.

Я продолжаю машинально перебрашивать страницы.

Речь идет о каком-то Володе, который служит в армии.

— Это было еще за Аму, — медленно, растягивая слова, говорит парень, стараясь поудобнее пристроиться с кием между стенкой вагона и столом. — Да... В этих дурацких барханах какой только дряни не встретишь. Я как раз тогда был вместе с ним на разбивке пикета. Жарища сумасшедшая. Ну, пока Володька возился с рулеткой, я присел на песок отдохнуть. На мне были не сапоги, а ботинки. Сижу, отдуваюсь. Вдруг — хлоп! — какая-то тварь за ногу ухватила. Отдергиваю штанину — на ноге у меня, оказывается, удобно пристроился скорпион...

Я уже слышал о фалангах, скорпионах, каракуртах и знаю, что укусы их часто смертельны.

— Ну? — спрашивают рассказчика.

— А что «ну»? — ворчливо отзывается тот. — Живой вот. Володька разрезал мне ранку и кричит: «Высасывай!» — Но смотрит: не достать мне. Пристроился сам, высосал яд. Вот так-то оно...

Стучат шары. Кий переходит по кругу.

* * *

Едем на трассу. Григорий Парватов ворчит:

— То перегрета, то недогрета — черт поймет. А мы-то при чем?

Если расшифровать сказанное, это будет означать: и чего вы, братцы-механизаторы, пристааете к бедным изолировщикам! Позавчера орали, что битумная мастика холодная. Вчера дали горячей — так кричите: перегрета. А будь вы порядочными людьми, так изолировали бы такой, какая есть.

Алексею Пронину лет тридцать. Он — бригадир мехколонны, плотный, коренастый, очень сильный человек с удивительно голубыми глазами. Алексей недоволен Парватовым, морщится.

— Ну что ты ворчишь? Мы ведем усиленную изоляцию, значит, дай слой шесть миллиметров — хоть умри. Разве перегретым битумом такой сделаешь?..

Примерно через час подъезжаем к газопроводу. Здесь сходят механизаторы — машинисты трубоукладчиков, изолировочной и очистной машин. Мы, изолировщики, едем дальше.

Показываются громадные закопченные, дымящиеся котлы и горы битумной мастики. Я осторожно выясняю у ребят, в чем суть изолировочной работы.

— Очень просто и остроумно, — отвечают мне. — Бери больше, кидай дальше.

Действительно остроумно. Подъезжают автогудронаторы и начинают выкачивать из котлов расплавленную мастику. Мы рубим надвое пятидесятикилограммовые мешки битума, обрываем с них бумагу, а куски бросаем в котлы. Я успокаиваюсь: какая чепуха! А я-то думал, изолировщик — невесть что. Когда-то работал в Ленинграде на метрострое. Приходилось и землю копать, и грузы таскать.

Но уже через пару часов начинаю с грустью убеждаться, что прошлый опыт мне в этом деле решительно ничем помочь не может. Первые десятки кусков я забрасываю довольно легко, но потом руки начинают двигаться все менее уверенно, спина не хочет ни сгибаться, ни разгибаться.

Я смотрю на ребят. Они бросают битум как ни в чем не бывало, успевают перекинуться шуткой, посмеяться. М-да... Что ж, если могут они, могу и я. Мысль в

основе своей правильная и утешает, но не надолго. Еще пятнадцать минут, и я чувствую, что из моих «подъемных механизмов» больше ничего не выжать.

Гудронаторы уходят. К этому времени мы загружаем пять котлов.

— Перекур!..

Ребята вытаскивают бутылки с кефиром, колбасу, масло, хлеб.

«Шляпа!» — ругаю я себя мысленно, потому что не догадался взять даже корки хлеба, а есть хочу сильно.

Кто-то трогает меня за плечо и тычет рукой в сторону импровизированного стола.

— Пристраивайся...

Нас 33 человека. 33 разные судьбы,

33 разных характера. 18 национальностей. Здесь есть и башкиры, и татары, и русские, и белорусы, и украинцы, и узбеки, и чуваша, и многие-многие другие. Большинство молодежь.

По дороге вдоль трассы непрерывно идут тракторы — везут трубы монтажникам. Колонна монтажников идет километра на три впереди нас — они сваривают трубы. Вслед за ними — мы, изолирующие. Сзади нас — колонна землеройщиков, они засыпают трубу в траншею. Наша колонна уже завоевала звание коллектива коммунистического труда; монтажники и землеройщики борются за него.

— Самовар!
— Понял! — радостно кричит Матросов. — Это зонтик!
— Какой зонтик?
Матросов смущенно чешет затылок.
— Ну, не зонтик, так что-либо от дождя...

Парватов думает, что это часть какого-то не известного ему

Т Р А С С А

Дня два Иван Карманов бродил вокруг нас с убитым видом, встряхивая недовольно белобрысой челкой, печально качал головой.

— Ой-бой...

Сегодня часа три что-то резал, варил и, наконец, приносит замысловатое сооружение — не то стол, не то стул.

— Вот.

Мы внимательно осматриваем сооружение из десятимиллиметрового листового железа и трубок, щупаем.

— Прочно.

Карманов кивает: да.

— А что это такое?

— Угадывайте, — скромно отступает Карманов с переднего плана.

Мы не прочь погадать.

— Буфет.

противопожарного сооружения.

Карманов, пожалуй, уже и не рад, что предложил нам угадывать. Он смотрит на нас, как на помешанных, и качает головой.

— Ребята, да ведь это же подставка для чистки котлов! — говорит он с отчаянием.

— Ага. Понятно.

После плавления битума в котле остается шлак. Нам приходится забираться на котел и, стоя на стенках, рискуя сорваться в расплавленный битум, выбрасывать металлической сеткой шлак.

Мы с уважением смотрим на прочное сооружение и его изобретателя.

— Молодец, Ваня. Вот только... оно, пожалуй, будет тонны три весом, а от одного края стоянки до другого, по самым оптимистическим подсчетам, не меньше ста пятидесяти метров. Не сможешь ли ты заодно приделаться к своему

С
Ю
Г
А

этому... станку и двигатель? Ну, хотя бы ишака?

Карманов задумчиво чешет начинающий лупиться кончик носа.

— Оно бы, пожалуй, можно,— поясняет он,— да у меня здесь родилась идея, так что я, пожалуй, попробую.

— А что за идея? — осторожно спрашиваем мы.

— А вот...

Он тащит сооружение к сварочному аппарату — раз! раз! — отхватывает половину и приваривает другие ноги, потоньше.

— Сойдет?

Мы немедленно испытываем сооружение на маневренность. Результаты удовлетворяют, и мы одобряем изобретателя:

— Великолепно!

* * *

Машина подпрыгивает на ухабах. За бортом вьется густая коричневая пыль.

Еще издали видим над стоянкой клубы черного дыма.

— Горит битум,— тревожно говорит Парватов.— Ребята, битум горит!

— Быстрее! — кричит Алексей Пронин шоферу.

Машина рывком набирает скорость.

В небо врезаются зловецкие черно-

красные столбы пламени. Кажется, что буйным, ревущим смерчем охвачена вся стоянка от одного края до другого — метров сто пятьдесят огня.

Подъезжаем. Горит северный край стоянки. Торопливо снуют фигурки ночной смены...

Мы соскакиваем с машины и бросаемся к ведрам, хотя заливать ведрами такой огонь — все равно, что заливать лесной пожар стаканом воды. Да и вода здесь уже не поможет.

К огню невозможно подойти. А если его не остановить — сгорит вся стоянка, на которой находится около трехсот тонн битума.

Алексей бросается к бульдозеру. Трактор срывается с места и проходит у самой кромки огненной полосы. Дым и языки пламени скрывают его от нас.

— Ах, черт, еще сам сгорит! — тревожно говорит Карманов.

Но через мгновение трактор показывается снова — Алексей все дальше отталкивает еще не охваченный огнем битум. На только что очищенное место ползут черные ручьи.

И
С
Е
В
Е
Р
А

Крылатый ОТК

Самолет набрал высоту, и сразу же стала видна за Аральским морем бескрайняя песчаная равнина, которую бурили застывшие волны барханов. Вдруг самолет резко подбросило раз, другой, третий... Справа и слева замельтешили серо-желтые фонтаны песка.

Трасса линией фронта
Прочерчена...

Как орудия, сбросив чехлы,

Снизу бьют в нас барханы

Смерчами,

Сверху нас атакуют

Орлы...

— Совсем, как над линией фронта... — серьезно говорит заместитель начальника строительства газопровода Бухара — Урал.

...С высоты бреющего полета нитка газопровода просматривается отлично. На борту АН-2 — несколько человек с блокнотами в руках. Они внимательно смотрят вниз и изредка делают в записных книжках какие-то пометки. Эти люди выполняют очень важное задание: производят разведку

надежности монтажа и изоляции газопровода перед сдачей его в эксплуатацию.

Самолет идет строго по створу газопровода на небольшой высоте. Молодые летчики Уктусского аэропорта Геннадий Востряков и Геннадий Позднышев внимательно сверяют свои полетные карты с ориентирами на местности.

Наконец, позади свыше двух тысяч километров воздушного пути, за крыльями маленького самолета осталось более 600 рек и дорог, 320 тысяч сварных стыков. Полет прошел успешно.

Газопровод сработан отлично!

В. СИБИРЕВ

Алексей разворачивает трактор. Груда земли образует вал, преграждающий дорогу расплавленной огненной массе. Кроваво-красное пламя лижет трактор.

Бульдозер пятится, затем снова, опустив нож, идет к огню.

Мы льем воду, забрасываем огонь землей. Как только струя воды попадает в пламя, языки с шипом и свистом взмахивают вполнеба, и день мрачнеет от тяжело вращающихся черных сгустков дыма.

Борьба с огнем длится около получаса. Наконец пламя оседает, отступает под напором земли и воды, и хотя злобно шипит, выбивается кое-где с трескучими всхлипами, но ясно, что это — уже конец.

Алексей последний раз загоняет бульдозер туда, где только что яростно бушевал огонь, и спускается с другой стороны холма — закопченный и пропыленный. Лицо его красно от жара, брови и ресницы обожжены. Он тяжело отдувается.

— Нет ли воды? — спрашивает он.

Ему приносят воду, и он жадно падает к ведру.

— Мог бы сам сгореть и трактор бы сжег, — качает головой Карманов. — Надо и о себе немного думать.

Алексей ставит ведро на землю и отряхивает с фуфайки копать.

* * *

Нам нужно вручную заизолировать несколько кусков трубы — там, где была дополнительная сварка.

Очищаем трубу от ржавчины, выбрасываем из траншеи песок. Потом ждем гудронатор. Ждем час, второй, третий — гудронатора нет. В одиннадцать едем в городок. Идем к Алексею.

— Почему нет гудронатора? — спрашивает Мирхат Галимов.

— Как нет? — вскакивает тот.

— Так нет. Что за работа, черт ее поймет, что за организация! Заставляем людей топить котлы, везем людей на трассу, а потом — хлоп! — гудронатора нет. Что это такое по-твоему?

— Да я же вчера предупредил Левашева...

— Плохо предупреждал!

— Плохо предупреждал... — Алексей несколько минут смотрит на нас, покусывая губы. — Верно. Вот что, ребята. Садитесь на машину — и на трассу. Валерий! — кричит он Антипову, шоферу летучки.

— Здесь!

— Заводи!

Он вскакивает в кабину, и машина рывком трогает с места.

— Поехали, — машет нам рукой Мирхат.

Мы садимся в машину.

Поднимается ветер. С каждой секундой он становится все сильнее, и, когда мы приезжаем на трассу, это уже настоящий буран. Неба нет. Впрочем, может, оно и есть, но глаз открыть нельзя.

Я с Курьязом Разметовым устраиваюсь в кузове автомашины. Укрываюсь с головой курткой, и все-таки песок просачивается, течет по лицу струйками.

Остальные ребята залезли в обренок трубы, закрыли мешковиной оба конца.

Приходит гудронатор. Мы набрасываемся на Левашева. Если бы не он, мы бы уже кончили изоляцию, и не пришлось бы глотать песок.

Левашев приводит в оправдание веские доводы, но мы не очень к ним прислушиваемся.

Защищаться от песка уже нет смысла. Стараемся только, чтобы ветер не плеснул в лицо раскаленным битумом из лейки — иначе ожог неминуем. Часть из нас подносит битум к трубе. Матросов, стоя на ней, разливает ровный слой по поверхности. Разметов и Парватов растапливают его под трубой полотенцем — плотным материалом, к обоим концам которого привязаны ручки для удобства. Анвария Калимуллина и Рая Пронина обматывают трубу бумагой.

Песок режет лицо.

Заканчиваем и едем на другой участок — за арык. Машина вырывается на солончак, и сразу же, словно из-под струи, мы выскакиваем из песка. Даже небо становится видно — мутноватое, но все-таки небо.

Проезжаем солончак и снова ныряем в песчаную крутоверть. Снова барханы, иногда голые, иногда покрытые верблюжьей колючкой или саксаулом, снова мягкое, неуловимое покачивание машины, когда невозможно сказать наверняка: едет она или стоит,

Редко-редко встречаются одинокие кибитки, а рядом с ними неизменно одногорбые верблюды.

Песок летит в глаза, и я закрываю их. В спину мне уткнулся Шаповал и ругается: хочет закурить, но это безнадежно. Мне кажется, что мы стоим на месте. Сквозь вой ветра доносится далекий-далекий шум мотора.

Останавливаемся.

— Ребята, да это... это умирай будем! — кричит Курьяз Разметов. — Плохо нам, домой едем!

Что плохо — верно. Но, если мы сегодня не закончим изоляцию, будет еще хуже: к завтрашнему дню участок не будет готов, и монтажники не смогут прогнать по газопроводу «ерша» (ерш — железная болванка, которая напором воздуха прогоняется внутри трубы для удаления ржавчины и сора).

— Берись! Эй, тащи битум, народы!

Мы бросаемся к лейкам.

Быстрее!..

Мы тонем в песке, задыхаемся. Прогибаем все... и ведем изоляцию. Парватов обжег битумом руку, его заменяет Матросов.

Хаджиев вместе с лейкой скатывается с бархана, чихает, поднимается и снова бежит к гидронатору за битумом.

Быстрее!

Раз изоляция начата — остановиться нельзя ни на секунду: в такой буран битум мгновенно застывает, его не разольешь по трубе нормальным слоем. Торопись, товарищ! Быстрее!

Остаются метры... сантиметры.

Быстрее!

И вот — последняя лейка битума, последний рулон бумаги. А пустыня шипит, воет, стонет.

— Ребята! Барханы движутся, глядите! — тревожно кричит Матросов.

Может, это оптический обман, может, еще что, но барханы действительно идут на нас и довольно быстро.

— По машинам! По машинам! Эй!..

И
С
Е
В
Е
Р
А

Н О Ч И

Григорий Парватов, Мадамин Хаджиев и я едем сегодня в ночь топить котлы.

Предыдущая смена не вычистила топки, шлак застыл, и его ничем не выковыряешь. Мы ругаемся, но, так как дело от этого не двигается ни на шаг, Парватов предлагает подогреть топки.

В общем, минут через пятнадцать в топках появляется огонь, и по всем законам физики битум должен плавиться. Во всяком случае, так Парватову подсказыва-

ет предыдущий опыт (у нас с Хаджиевым такого нет).

Двенадцать ночи. Вопреки законам физики, битум не плавится, и, чтобы как-то помочь делу, мы решаем подзакусить. Заходим в вагончик. Не успеваем выпить и по глотку

чая — у Парватова вспыхивает котел: горит битум. Кричу:

— Котел горит!

Гриша продолжает спокойно пить чай.

— Гриша, — укоризненно говорю я, — ты же пожарник!

— Закоренелый пожарник, — поправляет он и отхлебывает чай.

Я собираюсь высказать несколько ценных мыслей, но у меня вспыхивают сразу два котла. Я хватаю ведро и бегу за водой.

Выливаю в котел одно ведро, второе, третье. Пламя взлетает до неба, битум разгорается все ярче, злее.

Одиннадцатое ведро...

Двенадцатое...

Пламя бьет вверх метров на десять. По лицу у меня струится пот, а по спине бегут мурашки в предчувствии пожара на всю стоянку.

Пятнадцатое...

Пламя мгновенно падает, оседает с шипом, из котла через края льется расплавленный битум. Но мне не до льющегося битума: второй мой котел ревет и стонет, вся стоянка озарена пламенем.

Я беспрерывно таскаю воду, лью в котел и в душе проклиная своих товарищей — они спокойно сидят в вагончике.

Второй котел сдается на семнадцатом ведре.

Я возвращаюсь в вагончик, сажусь на скамейку, отираю пот и злорадствую: котлы Парватова горят по-прежнему. Уж ты, братец, хоть на колени становись передо мной — пальцем не шевельну.

Гриша допивает чай, потягивается, скучающе смотрит на свои горящие котлы.

— Весело горят!

«Погоди, погоди!» — думаю я.

Гриша черпает в бутылку из-под кефира воду, моет ее, заталкивает в сетку.

— Ну, идем, — говорит он мне.

— Куда?

— Тушить.

— Дудки!

— Идем, идем, — смеется он.

Я поднимаюсь с твердым намерением только посмотреть, как будет тушить котлы Григорий Парватов.

Он зачерпывает полведерка воды, подходит к котлу, останавливается, поправляет шапку на голове, потом веером льет воду по всему котлу.

Пламя взматывается вверх и вдруг падает, как подрубленное. Над котлом поднимается белый пар.

— Великое дело — собственный опыт, — счувственно треплет меня по плечу Парватов.

Видимо, у меня довольно идиотский вид, потому что Мадамин Хаджиев ка-

тается по земле и буквально стонет от хохота.

— А я... а я... — говорю, заикаясь, — вылил почти сорок ведер!

— Правильно, — кивает Парватов. Он щурит глаза, скучающе трет пальцем щеку. — Все дело в паре и пене, — поясняет он. — Если уж котел загорелся, нужно подождать, пока на битуме обгорит бумага и он немного расплавится. Тогда достаточно вылить в котел пару кружек воды — и огонь потухнет. Дошло?

— Дошло.

— Пробуй, — протягивает он мне ведро.

Я приношу воду и тушу Парватову второй котел, тот самый, к которому я поклялся не подходить.

— Правильно, — одобряет Парватов.

Котлы стоят топками на восток. Ветер западный. Мы ходим в клубах дыма, задыхаемся, кашляем.

Утром Парватов подходит ко мне, разглядывает со всех сторон мою прокопченную физию и с улыбкой спрашивает:

— Из Африки дал деру?

— А ты из Америки! — огрызаюсь я.

* * *

Приезжают механизаторы и изолировщики. Мы садимся в машину.

Дядя Саша останавливается через каждые сто метров — подбирает пешеходов. Ругаемся. Каждая остановка — секунды уворованного у нас сна.

А дядя Саша упрямо качает головой.

— Непорядок, — говорит он. — Машина идет пустая, почему не подвезти людей? Никому от этого плохо не будет. Люди должны помогать друг другу.

Спать... Ох, как хочется спать! Никогда в жизни я так не хотел спать.

* * *

Вторая ночь.

Ветер с востока. Огонь в топках горит хорошо, весело. И даже Парватов ходит вокруг котлов какой-то пританцовывающей, счастливой походкой. До меня доносится:

Эх, Анюта,

Нам не до печали...

Впрочем, только это и доносится: видимо, из этой песенки он больше не знает ни слова.

Поднимается громадная оранжевая луна, добродушная, как и Парватов.

С полчаса она пристально наблюдает за тем, что вытворяют на земле эти три прокопченные фигуры (а они развели в топках такой огонь, что вокруг светло, как днем), и начинает неудержимо бледнеть.

Видимо, она боится, что мы сожжем землю.

Вдали взახлеб воют шакалы.

— Мадамин,— спрашиваю я Хаджиева опасно,— эти твари кусаются?

— И не думай,— восклицает он,— они не подойдут к человеку. Они жадные и трусливые!

— Охо-хо-хо-хо-о-о...

К шести утра в котлах плещется жидкий, как вода, битум. То, что необходимо для изолировки.

НЕУДАЧИ И ДОСТИЖЕНИЯ

Как мы ухитряемся ежедневно проходить по шестьсот-семьсот метров — этого не дано понять даже нам. Битума нет уже нигде — ни на складах в Ташаузе, ни в Ургенче. Но мы наскребли три машины и все-таки ведем изоляцию. Вчера, например, послали несколько машин на старые стоянки — свои и колонны Лебедеико. По кусочкам собрали около восьми тонн. Сегодня ребята поехали в сторону Хазараспа — по слухам, там можно наскрести пару машин. Крохи. А управление утешает по-прежнему: вот-вот подойдет четыре вагона из Ташкента...

Мы остались без битума...

Лицо у Тухватшина осунувшееся, усталое. Он, как челнок, несколько дней подряд сновал из городка на склады, из Ташауза в Ургенч в поисках битума. Ему приходилось ругаться, кричать до хрипоты, умолять, требовать. Ему нужен битум. Но битума нет. Все три колонны не сегодня-завтра станут. Все сочувствуют, обещают помочь, утешают, что битум на подходе...

— Может, из вас кто-нибудь дельное посоветует? — он обводит нас сонным взглядом. Передергивает плечами.

— Так... — крикает Карманов.

Мы смотрим в пол, сопим и думаем.

— Так...
Карандаш в руке Тухватшина ломается, он смотрит на него с недоумением, осторожно складывает обломки вместе и машинально засовывает их в карман.

— Стоять нельзя...

То, что стоять нельзя, каждый из нас пони-

зает. Но и выхода из положения не видно.

— Стоп! — говорит вдруг Карманов. — Есть битум!

Мы смотрим на него с недоверием.

— Где?!

— Ребята, да это же проще простого!.. Нужно взять у Тэна!

Константин Тэн — начальник строящейся возле Ташауза компрессорной станции. У него есть около ста тонн битума.

— Фьюить! — Тухватшин хлопает себя по лбу и вскакивает со стула. — Как же мы не сообразили!

Сон мгновенно слетает с его лица, оно становится осмысленным и решительным.

— Алексей, скажи изолировщикам: пусть одеваются, — говорит он, направляясь к выходу. — Я — к Тэну.

— Четырех человек хватит? — спрашивает Алексей.

— Хватит.

* * *

Машины приезжают на стоянку с первым рейсом. Мы загружаем все котлы, но, так как битума мало, мы хотим, что-

И
С
Е
В
Е
Р
А

бы каждая машина сделала хотя бы по два рейса. Осточертел голодный паек.

Один из шоферов приезжает, ставит машину возле котла и с облегчением вздыхает:

— Все. Последний мой рейс. А вечером улетаю на родину.

— Куда? — спрашиваю я.

— В Белоруссию. Отпуск.

— Да ну! — говорю я. — Так мы с тобой земляки. А какой области?

— Могилевской.

— Дважды земляки. Может, ты и в районе Климовичском живешь?

Он качает головой:

— В Кричевском.

— Во сколько улетаешь?

— В шесть вечера.

— Слушай, друг, — говорю я. — До шести вечера — масса времени! Съезди еще раз за битумом.

— Чудак. — Он смотрит на меня с удивлением. — У меня билеты в кармане.

— Съезди. Мы в катастрофическом положении.

— Не могу.

— Один раз. Ради землячества.

Он долго смотрит на меня, трет подбородок, заросший рыжей щетиной.

— Ладно, земляк. Съезжу, хотя и в отпуске уже.

— Вот спасибо!

— Э, не за что, — отмахивается он, вскакивая в кабину. — Все одно делаем.

* * *

До обеда Степаненко, Шаповал и я укладывали пригрузы.

Надо уезжать, но машин нет. Хочется пить.

— Идем? — спрашивает Шаповал.

— Ждать нечего, — кивает Степаненко. — Машину обещали прислать к двенадцати. Была бы вода, подождали бы.

Мы поднимаемся.

Белесый песок пересыпается струями, затягивает ноги в щиколотку. Барханы, барханы, барханы — без конца и края, до самого горизонта, и ощущается, что и за горизонтом им нет конца. Чахлые корявые заросли верблюжьей колючки и саксаула делают пейзаж еще более безжизненным.

Иногда вскочит, как на пружинах, на дрожащих ногах

ящерица и, задрвав полосатый хвост и раскачивая им, как маятником, рванется на верхушку бархана, замрет и смотрит на нас любопытным глазом.

Пустыня дышит смесью песка и расплавленного воздуха. И вместе с ней дышишь ты — смесью песка и расплавленного воздуха.

Голос в пустыне разносится свободно, и уже никакое эхо не вернет его обратно. Он тонет, как камень, брошенный в бездонный колодец. Бледно-желтые пески поглощают его так же равнодушно, как стирают его след ноги человека.

— Глоток воды...

Человек задыхается двумя словами, воздух вырывается из легких со свистом, тяжело.

Мы как во сне. Сколько мы идем? Неизвестно. Много ли прошли и далеко ли еще идти? Неизвестно. Нас не занимает экзотика. Нас не занимает дорога. Мы не можем говорить.

— Глоток воды...

Мы уже не в силах переставлять ноги. Мы высушены, как сползшая весной со змеи шкура, и пропитаны потом, как губка. Ноет сердце.

Я гляжу на часы. Мы идем третий час. Мы двигаемся со скоростью гусеницы.

Возле нас останавливается машина. Мы припадаем к шлангу и сосем, сосем, сосем теплую, липкую, как пот, воду. Какое это счастье, какое блаженство, что за чудо эта липкая вода! Мы задыхаемся в ней, мы готовы в ней потонуть. Мы подставляем под тощую струю лица, вода бежит по груди, по рукам, ее много, ей нет конца! Перед нами река! Озеро! Море!

— Хватит, — говорит шофер, закрывая кран.

Мы отрываемся от шланга. Мы провозжаем его голодными взглядами.

Шофер отворачивается, морщится, переступает с ноги на ногу.

— Ребята, до дороги недалеко, — оправдывается он, — вы доберетесь. А мне нужно отвезти воду еще в три места... И ее почти нет...

Мы понимаем. Мы не протестуем.

— Езжай быстрее, иначе мы опрокинем твою машину, — хрипит Степаненко и, качаясь, делает шаг в сторону от водовоза.

Снова песок, снова расплавленный воздух и тяжелое, убийственное солнце.

Мы пройдем по жаре, по пескам, по безводью. Мы знаем, что будет нас жечь солнце, высушат ветры, заскрипит на зубах песок. Мы пройдем. Может, мы не романтики. Но это жизнь. Это борьба. Это наше.

* * *

Заканчиваем свой участок трассы. Изолируем шестидесятиметровую плетъ, делаем футеровку — вокруг трубы по всей ее длине укладываем доски, привязываем их проволокой. Потом механизаторы одевают на трубу патрон. Патрон — это труба диаметром 1100—1150 миллиметров. Обычно она надевается на газопровод на опасных участках — на дорогах, где большое движение. Мы сейчас как раз укладываем газопровод под шоссе.

Когда патрон повисает на середине плети, все четыре трубоукладчика поднимают многотонную машину и осторожно отвозят ее к траншее. Так же медленно и осторожно опускают ее вниз.

Сварщики начинают варить стыки.

Пока нам делать нечего, Тухватшин посылает нас вдоль газопровода: там осталось заизолировать две небольшие катушки, в общей сложности метров пять.

Рашид Имамутдинов, Иосиф Матросов, Курьяз Разметов и я устраиваемся на крыльях гудронатора, остальные ребята — на цистерне, на кабине — в общем,

там, где можно за что-нибудь уцепиться. Нас человек десять.

Возвращаемся к механизаторам. Через двадцать минут сварщики соединяют стыки. Мы изолируем их, бульдозер засыпает траншею. Движение по шоссе открыто.

Тухватшин стоит на трубоукладчике и читает телеграмму.

— «Правительственная, Уфа. Восток, Супарчину, Тагирову, Тихонову.

Коллегией Газпрома СССР и Президиума ЦК профсоюза по итогам социалистического соревнования за первый квартал коллективу треста присуждено переходящее Красное знамя ВЦСПС. Сердечно поздравляем коллектив наступающим праздником Первое мая. Желаем здоровья, дальнейших производственных успехов.

Председатель Газпрома СССР Картунов, председатель ЦК Нефтехимпрофсоюза Кривич».

— Ура!

— Давлетшин, Давлетшин! — блестя глазами, кричит Петр Пронин. — Так сколько осталось до Урала?

— Одна опрессовка, — невозмутимо сообщает тот.

О П Р Е С С О В К А

Строительство закончено, но надо еще испытать газопровод под давлением газа в шестьдесят с половиной атмосфер.

Весь день мы только и делаем, что ругаемся. Жители кишлаков не обращают внимания на запрещающие знаки. Объяснения и угрозы не действуют: стоит убе-

День солнечный, но не жаркий. Небо синее-синее. Алексей и Рая Пронины дежурят на правом берегу Палвана, мы с Шумовым — на левом. В нашу задачу входит: не разрешать людям подходить к воздушному переходу газопровода через канал ближе трехсот метров и закрыть проезды для транспорта.

даться, что человек наконец-то понял тебя и пошел в обход, вздохнуть с облегчением и отойти, как этот же человек разворачивается и бросается бегом прямо по дороге под воздушкой.

Шумов говорит:

— Я лучше десять лет буду строить газопровод, чем один день быть дежурным на опрессовке.

Я согласен строить двадцать лет.

К вечеру становится поспокойнее. Движения почти нет, мы собираемся все вместе. К нашему лагерю из кишлака приезжают жители. Толкуем о том, о сем и одновременно разъясняем, что останется от человека, если он окажется возле газопровода, когда тому придет фантазия взорваться. Качают головами, говорят испуганно:

— Уй-баай!..

* * *

Ночью я не смог уснуть ни на секунду. Пытаюсь сделать это днем. Удастся на пятнадцать минут. Надо мной раздаётся громовой голос Шумова:

— Володя! Володя! Вставай!

Я встаю.

— Что там?

Шумов показывает мне рукой в сторону воздушки: наши вчерашние гости и друзья, которые с таким сочувствием качали головами в знак того, что уяснили все, спокойно двигаются к самому опасному месту.

Мы мечемся, как сумасшедшие, страшно грозя всем и каждому. Толку ни на грош. Наконец — о, эврика! — сторож плотины и наш друг Джуманияз советует:

— Напишите на табличках вместо «Опасно, может убить» «Штраф пять рублей». Ни один не пойдет.

Мы срочно открываем художественную мастерскую. Через два часа все запрещающие знаки скромно грозят штрафом в размере пяти рублей. Мы спокойно сидим под тутовыми деревьями, едим приторно сладкие ягоды и с удовлетворением наблюдаем, как то один, то другой прохожий останавливается перед знаком, переступает с ноги на ногу, нерешительно оглядывается по сторонам и поворачивает обратно.

Я ложусь спать.

* * *

Колонна собирается на берегу арыка. На траве разостлана громадная полоса бумаги. Это стол. Рая Пронина, Анвария Калимуллина и Нина Пронина приступают к обязанностям хозяек.

— За Бухару — Урал! — говорит Тухватшин. — За то, что сдали участок досрочно! За новые стройки!

— Ребята, да здравствует Урал!

— Даешь Урал!..

Гармошка заливается лихим переpleсом.

Становится немножко грустно: вот и кончилась стройка. Кончились ранние побудки, бессонные ночи возле котлов, напряжение трудовых дней. Под стать настроению и грустная песня:

Степь да степь кругом...

У Раи Прониной и у Карманова просто замечательные голоса. Они ведут песню, и ее подхватывает хор в тридцать с лишним голосов.

— Послушай-ка, — говорит вдруг Гай Давлетшин, выпрямляясь и взмахивая рукой в мою сторону, — послушай-ка, Володя... Тебе не хочется закончить всю трассу, ну, скажем, через месяц, передать изолированную, котлы и битум в распоряжение Тухватшина, а потом... потом...

Он щурит глаза и облизывает потрескавшиеся губы. Руки тоже потрескались от раскаленного майского солнца. Соломенная шляпа с широкими обтершимися полями пропускает свет, как решето воду, и нос, обмытый солнцем, отсвечивает синевой. Белый платок на шее, расстегнутая рубашка и брюки с покатыми коленями придают его фигуре довольно экзотический вид. Он щурит глаза, смотрит далеко-далеко, за песчаные барханы, на горизонт и медленно проводит языком по шершавым губам.

Он щурит глаза еще больше и заканчивает:

— ...А потом уехать снова вдаль, туда, где сказка. Интересно, что мы будем делать там, в стране сказки, а? Как ты думаешь?

Он сдвигает шляпу на затылок и поворачивается ко мне.

— Не-не знаю... — задумываюсь я. — Почему — страна сказки?

— Вот и я всегда думаю: почему? — обрадованно подхватывает он. — Знаешь, это даже как-то странно. Вот живешь-

живешь на одном месте, потом вдруг увидишь, что небо дрожит над горизонтом, и покажется, что сказка — там, за этой линией, за дрожащим воздухом. Собираешься и едешь. И всегда находишь ее. А потом, в другой раз, всегда почему-то утром, когда еще не взошло солнце, но, бывает, и не только утром, встанешь — и снова увидишь страну сказки, и снова потянет далеко-далеко... Почему так?

Он уже отвернулся от меня и смотрит на горизонт.

— Вот закончим газопровод...

Так у нас всегда начинается. «Вот закончим...» Вот закончим газопровод — и кончится страна сказки, все будет обжито и найдено, а человеку непременно

что-то нужно неизведанное. Он сдаст трубоукладчик или изолировочную, возьмет в руку фибровый чемоданчик, с которым никогда не расстается, несмотря на то, что углы пообивались в дорогах, с ручки слезла мягкая бархотка, дно протерлось до дыр, и выйдет на дорогу. Поднимет руку первой встречной машине и поедет искать страну сказки.

А потом Гай снова взглянет однажды на горизонт и скажет: — Вот закончим...

1963 год

Ташауз — Свердловск

И
С
Е
В
Е
Р
А

СКВОЗЬ ТАЙГУ И БОЛОТА

Владимир ЕРЕМЕНКО
Рисунки В. Бубенщикова

С П О Р

Всю долгую осеннюю ночь по железным крышам узких голубых вагончиков с надписями «Главгаз СССР» надсадно барабанил дождь. Не прекратился он и утром, когда ребята, перебрасываясь шутками и крепкими тирадами в адрес «провалившегося неба», шли к своим машинам.

водную преграду, были не только водолазы. Были трактористы, экскаваторщики, шоферы, водители вездеходов-амфибий, машинисты трубоукладчиков. Но все они именовали себя подводниками.

— Если дело подводников — бултыхаться в реках, а эпроновцев — плюхаться в болотах, — мрачно острил начальник

— Выше головы, эпроновцы! — подбадривал всех высокий плечистый парень. — Подводники, а воды испугались!

Люди шагали по раскисшей, хлюпающей земле к руслу Ивделя, через которое они прокладывали газопровод. В экспедиционном отряде подводно-технических работ, штурмовавшем эту первую

отряда Геннадий Борисович Омидекке,— то все в порядке. Называем мы себя правильно.

Действительно, подводники воевали главным образом с непроходимыми топями и непролазной грязью. Вот уже несколько дней подряд, от зари до зари, они борются с болотом. А сегодня еще и дождь.

Экскаваторщики Николай Антонов и Петро Швецов на своем «ковровце» углубляли траншею в пойме реки. Край траншеи обрушился за ночь, а вода так высоко поднялась, что ковш по самую рукоятку уходил в рыжеватую жижу. Экскаватор без конца черпал и бросал эту жижу в сторону. Кругом вода, трясина. Рядом натужно стрекотал бульдозер Арсентия Маркова, отодвигал вынутый из траншеи грунт.

Арсентий— медлительный, широкоскулый парень, родом из здешних таежных мест. Всем приезжим он говорил свысока:

— Здесь не Крым. Здесь тайга.

А если приезжий отвечал: «Знаю», Арсентий долго смотрел на него немигающими, чуть заплывшими глазами и повторял:

— Здесь тайга, а у нее— свои законы.

Слова эти не его. Наверное, он слышал их от отца или деда. Когда-то они имели смысл, но Арсентий упрямо повторяет их теперь, стараясь подчеркнуть, что он— таежник. И по лицу его видно, что людей, не живших в тайге, он относит ко второму сорту.

За это Арсентия недолюбливали в отряде. Однако уважали. И не только потому, что он знал каждую лесную птицу по голосу, безошибочно называл каждый гриб, ягоду и даже каждую травинку, но больше за то, что он умел работать как никто другой. Когда все уже выбивались из сил, он по-прежнему делал все легко и ловко. Снимая с тракторной тележки двухпудовые седло-видные грузы из чугуна, какие одевают на трубы, когда опускают под воду, он как бы говорил: «Вот ты уже устал, а я— нет. А все потому, что ты— кетаежник».

О прошлом Арсентия в от-

ряде знали немного. Он валял лес на Пелыме, Северной Сосьве, Лозьве и других здешних реках. Однако из своих краев никогда не выезжал дальше Серова. Тринадцать лет назад в родной Толокнянке он, как шутили ребята, «обременился приходским образованием», да так с тех пор и не брал в руки учебников.

Дождь не прекращался. Когда бульдозер Арсентия, отодвинув от экскаватора раскисший грунт, пятился назад, косые мутноватые струи хлестали прямо в кабину.

Экскаватор обработал участок траншеи, и ему нужно было перебраться на новое место. По такой грязи сам он, конечно, не мог продвинуться и на метр, и Арсентий, зацепив его своей могучей машиной, потащил вперед. Колеса «ковровца» по ступицы увязли в темной клейкой жиже. Скоро и бульдозер беспомощно заелозил гусеницами и застрял. Позвали на выручку бульдозериста Сашу Шубина, шумного и очень подвижного паренька, которого никогда ничем нельзя было удивить. Тот обошел утопшие почти на метр в грязи машины и сказал:

— Ерунда. Я вас сейчас обоих выхватчу. Только бы трос выдержал.

Пересиливая шум надрывающегося мотора, Арсентий обиженно крикнул:

— Мой трос— не твоя печаль. Ты сам не сядь!

Зацепили. Саша лихо крикнул:

— Пошел!..

Дернул раз, дернул два, потом его бульдозер потянуло в сторону, и он тоже увяз в грязи.

Арсентий вылез из кабины и зло угроził кулаком.

— Убить тебя мало, трепло несчастный! Иди сейчас же за «спасителем».

Александр спрыгнул с гусеницы прямо в грязь, обошел бульдозер и, многозначительно свистнув, пошел прочь.

— Не ходи!— немного подобревшим голосом окликнул его Арсентий.— Он сам идет...

Из-за реки направлялся сюда болотный трактор, прозванный «спасителем». Метровой ширины гусеницы позволяли ему пробираться даже через топи и вырывать застрявшие машины.

Работал на нем Виктор Сухановский. Был он очень остер на язык, и Арсентий с ним вел себя настороженно.

— Наш Арсентий не держал в руках газеты с тех пор, как бросил курить ма-

СОЮЗГА

хорку,— язвил Виктор. Арсентий скупой улыбался:

— Меня этими интеллигентными штучками не проймешь.

Однако Арсентий в глубине души догадывался на то, что он до сих пор не мог доказать этому упрямому и как-то очень легко и беззаботно живущему парню свою, как он любил выражаться, «жизненную установку». Наседая, как медведь, на сухощавого и гибкого Виктора, он басил:

— Ты вот говоришь: у меня приходское образование. Хорошо. У меня три класса, а четвертым уже был коридор. А ты кончил десять да год в школе механизации. А кто мы с тобой? Оба трактористы.

— Так его, крой, Арсентий, интеллигентную, ломай ее под себя,— хохотал здоровый на горло Петро Швецов.

— А чего? — Арсентий поворачивал мясистое, вечно перепачканное в солярке лицо.— Я говорю, как оно есть, по справедливости.

— Давай, давай! — грохотали ребята так, что ходуном ходил вагончик.— Всыпь ему!..

— На одной ноге мы с тобой,— стараясь побольше вложить в слова ехидства, продолжал Арсентий. И уже под сплошной обшей хохот добавил: — А завтра пойдем с тобой за получкой, так мне еще на тридцатку больше выдадут.

— Так это по твоей жадности,— смеялся со всеми Виктор.

— Ты брось крутить,— наконец начал злиться тот.— А лучше скажи, кто мы в данный момент с тобой? Кто я и кто ты?

— Ты — Ар-р-се-ний... — отвечал Виктор. Произносил он это имя без «т», на свой неподражаемый манер, и хохот опять потрясал дощатые стены. Но теперь уже хохотали над Арсентием. Он несколько раз порывался что-то сказать, а потом, чтобы сгладить впечатление от неудач, тоже смеялся.

Не удавалось Арсентию подавить Сухановского и знанием тайги. Во-первых, Виктор в свои двадцать шесть лет побывал на стройках в Сибири и неплохо знал тайгу, а, во-вторых, если он чего и не знал, признавался в этом легко и просто:

— Спасибо, Арсений. Теперь я буду знать.

Потерпела поражение и старая

арсентьевская политика давления на Виктора «с позиции силы».

Как-то заправляли они тракторы. Наливать солярку из бочки, которая лежала на земле, было неудобно. И тогда Арсентий, ухватившись за край бочки, крикнул Сухановскому:

— А ну, давай махнем ее на козлы!

Это был провокационный вызов: в бочке более 200 килограммов. И Арсентий знал, что в отряде, кроме него, никто не может справиться с таким грузом.

— Ну что же ты, давай! — все больше отрывая край бочки от земли, вызывающе кричал Арсентий.

Ребята смолкли и выжидающе глянули на Виктора. Сухановский, как туго сжатая пружина, присел у бочки и, ухватившись за ее края, стал выпрямляться. Неимоверная тяжесть рвала вниз руки и ломала спину. Арсентий хитрил. Он держал свой край выше, так, что в неполной бочке солярка стекала на сторону Виктора. Но тот нашел силы выпрямиться и раньше положить свой конец на козлы. Теперь Арсентию стало гораздо тяжелее. И без того всегда красное лицо налилось кровью. На скулах камнем застыли желваки. Он как-то неестественно крякнул, рывком бросил бочку на козлы и, пошатываясь, отошел от нее.

— Ты что же, медведь,— закричал на него начальник отряда,— надорвать мне парня вздумал?

— Такого лося надорвешь,— дрожащим от перенапряжения голосом сердито ответил Арсентий.— Его вместо трактора впрягать можно.

— Так у меня же, Арсений, первый разряд по штанге,— стараясь придать больше независимости своим словам, сказал Виктор. Но голос его также срывался.

— Вы у меня бросьте! — на обоих прикрикнул начальник отряда.— Марш все по местам!..

Трактор Сухановского подошел к уязвимым машинам. Высокий и гибкий, как кошка, Виктор легко вынырнул из кабины.

— Как живете, караси?

— Ничего себе, мерси! — в тон ему ответил Александр Шубин. Он уже успел натаскать к своему бульдозеру кучу свежесрубленных сосенок и сейчас разбрасывал их перед гусеницами. Тем же занимался и Арсентий Марков.

— Давайте швартуйтесь, — крикнул Виктор и, сев к рычагам, стал сдавать назад трактор.

Он без особого труда вытащил сначала машину Арсентия, затем перетянул на новое место экскаватор, а когда взялся за сильно увязший бульдозер Александра, то залез в такую топь, что его еле вытащил трактор Арсентия.

Но, вытащив Сухановского, Арсентий так увяз, что его пришлось вновь вытаскивать.

Так они таскали друг друга, проклиная все на свете, а больше всего тех, кто наметил трассу по этому гибельному месту. Уже давно прошло время обеда. Александр несколько раз предлагал бросить все, пойти «рубануть» по три вторых и начинать все сначала. Но Арсентий и слушать его не хотел.

— Давай свалим еще пару сосен, — уговаривал он всех, — бросим их под гусеницы, и трактор, как пробка, выскочит.

Они валили деревья, потом тащили их волоком, по грязи, подкладывали. Трактор действительно выбирался, но застревал другой, и всем приходилось браться за него.

Александр уже два раза выпрыгивал из кабины и зло кричал:

— Я ухожу! Хватит!

Но, видя, как ребята садятся за рычаги, ругался и тоже лез в кабину или шел рубить деревья.

Когда, выбиваясь из сил, они подтащили к трактору березу, Александр лег на ее ветви. Сразу же рядом сели Арсентий и Виктор. Все дышали, как загнанные кони. Дрожавшей рукой Сухановский достал из кармана пачку «Беломора», положил ее на колени, но папиросу не стал вынимать. То ли раздумал курить, то ли у него уже не было сил, чтобы поднести ее ко рту. Пачка намочла, он шевельнул коленом, и она упала в грязь.

— Мучение, — прохрипел лежавший вниз лицом Александр.

— Да, уж работа, вилы ей в бок, не для комсомольцев, — глухо отозвался Арсентий и полез в нагрудный карман за папиросой. Все знали, на кого он намекает, и потому молчали. Три месяца назад в отряд приехали четверо ребят по комсомольским путевкам. Трех уже не было — выбыли по разным причинам, а попросту сбежали из отряда. Четвертый еще работал, но тоже, как говорит Арсентий, «наострил уши» и ждет момента.

— Они некомсомольцы, — устало бросил Виктор.

— Почему? — возразил Арсентий. — У них путевки.

— Их дают и некомсомольцам.

— Нет, — вмешался в разговор Петро Швецов, — у Мишки Грача я видел комсомольский билет.

— Все равно некомсомолец, — сказал Виктор.

— Ты чего рот затыкаешь всем? стал подниматься на ноги Арсентий. — А кто ж, по-твоему, комсомольцы?

— Павка Корчагин — комсомолец, — спокойно ответил Виктор.

— Слыха-а-л... — растерянно протянул Арсентий, и круглое лицо его даже вытянулось. — Даже в кино видел. Ловко шашкой рубал! Да и дорогу они строили вроде по такой же грязи, как и мы. — Но тут, как будто вспомнив что-то, уже другим, наступающим голосом продолжал: — Так его ведь нет! Ты мне из живых назови!

— Из живых? Из живых — я. — Виктор распрямился во весь рост. Он не поднялся, а именно распрямился, точно кто его подбросил с земли. Арсентий недоуменно посмотрел на него, потом перевел глаза на ребят и, видя, что те серьезные, еще более растерянно спросил:

— Ну, допустим... А еще кто?

— Для начала и двух хватит.

И тогда словно ударил гром. Ребята грохнули раскатистым смехом. Александр повалился на спину и, подняв вверх ноги, сквозь хохот выкрикивал:

— Ар-р-сен-тий, сколько раз я слезно просил тебя не связываться с этим молотком. Он же тебя на всю жизнь может заикой сделать!

Но Арсентий уже пришел в себя и тоже залиvisto смеялся.

— Идемте обедать, — бросил Виктор, и все, продолжая хохотать, пошли через лужи к голубым вагончикам...

П О Д Н У И В Д Е Л Я

К этому дню готовились несколько месяцев. Не только потому, что переход через Ивдель был первым, но и потому, что осуществить его задумали необычным способом. Везде и всегда, чтобы газопровод проложить через реку, протягивают дюккер. Сваривают на берегу трубы в огромную плеть, испытывают ее под давлением, изолируют и вешают на нее грузы. Весит дюккер сотни тонн. Всю эту махину трубоукладчики опускают в канал, прорытый от реки. На противоположном берегу в кильватерном порядке выстраиваются тракторы-тягачи и тросами тянут отрезок готового газопровода через реку. Затем водолазы проверяют, как дюккер лег в траншею. Если правильно, то засыпают траншею, а если нет, то вытаскивают его назад и все начинают сначала.

Дюккер на Ивделе, по подсчетам, должен был весить не менее 180 тонн. Для его протягивания требовалось двенадцать болотных тракторов. Их не было. И тогда начальник отряда предложил воспользоваться трубоукладчиками. Произвели расчеты по переходу реки новым способом, проверили технические средства, распределили людей, выполнили основные подготовительные работы. Из Москвы приехал представитель Главгаза. Он должен был дать заключение.

Инженер из Москвы сновал между землеройными машинами, легко вскакивал на плети сваренных труб, не обращая внимания на грязь, шлепал в начищенных остроносых туфлях по раскисшему берегу Ивделя и торопливо говорил:

— Ну и наворочали, ну и наворочали...

кращаются. Да и экономия средств немалая...

У начальника отлегло от сердца.

— Но как же вы без чугунных грузов обойдетесь? — спросил эксперт. — Вы думаете, газопровод может лечь на дно реки по одному вашему любезному приказу?

— Нет. Не думаю. Но почему грузы обязательно должны быть из металла, а не из железобетона?

— Всею свое место. Железобетон идет в пойменную часть реки, в русло — металл.

— А почему?

— Таков расчет.

— Так что же тогда, пусть гибнет металл?

— А он не гибнет. Еще не известно, что мы тут выигрываем, а что проигрываем...

Помрачнев, начальник отряда замолчал, глубоко задумавшись. А эксперт, стараясь развеять впечатление от своих слов, спросил:

— Кстати, вы оформили свой новый переход как рационализаторское предложение? Тут скромничать не надо. Выберите всех, кто имеет к нему непосредственное отношение, и подавайте. Поддержим.

— Плохо вы о нас думаете, — напрягая голос, ответил Геннадий Борисович. — От того, что нам положено, мы не откажемся. Но мы не отступим и от того, что выгодно для государства.

По его тону и выражению лица нельзя было понять: осуждает он или одобряет работу.

Начальник отряда Геннадий Борисович, потеряв терпение, спросил его напрямик:

— Как?

— Самое большое оправдание вашему проекту — это то, что у нас нет болотных тракторов. — И добавил: — А вообще вы молодцы! Главное — в духе времени, смело. Сроки со-

И
С
Е
В
Е
Р
А

Осадок от этого разговора у Геннадия Борисовича остался неприятный. Эксперт явно отговаривал его от затеи с железобетонными грузами...

И вот сегодня решается судьба перехода через первую водную преграду, проверяется то, к чему столько месяцев упорно готовились строители.

Две гигантские плети — каждая длиною более километра — лежали готовые к укладке в подводные траншеи. «Переход» через реки на случай аварии всегда делается двухниточным. Трубы укладываются на расстоянии 50 метров друг от друга.

Бульдозеры и экскаваторы, насколько это было возможно, сдвинули берега Ивделя, соорудив с двух сторон земляные насыпи. По ним навстречу друг другу протаскивали плети труб, а затем лучшие сварщики уже над водой соединили стыки. Когда трубы были сварены и висели над бурным потоком, их стали испытывать. В газопровод закачали воду под давлением в 70 атмосфер. Окажись хоть где-либо крохотная трещина, вода разорвала бы металл. Испытания прошли успешно. Как выразился Виктор Сухановский, «трубы даже не вспотели».

В середине реки насыпали земляной остров. На него перебрался трубоукладчик. Он и должен был опустить газопровод на дно реки.

Водолазы Виктора Калюжного вошли в реку и метр за метром ощупали дно русловой траншеи. Из нее выбросили камни и гальку. Но вот водолазы, разгребая звенящий лед, выходят на берег.

Траншея готова.

Начальник отряда подает знак машинистам трубоукладчиков.

Разом взревели моторы, дрогнула темная нить газопровода и медленно, словно нехотя, стала отрываться от земли, зависать над пойменной траншеей и бурлящей стремниной реки. Когда газопровод коснулся воды, поток угрожающе взревел, ударил страшной силой напора в плеть трубы, натягивая ее, как тетиву лука. До предела напряглись и запели на ветру стальные тросы. Трубоукладчики, похожие издали на фантастических птиц, заклевали носами. Тяжесть поднятого на воздух газопровода, усиленная бурным потоком, тянула их к земле.

Был такой момент, когда грозной стихии оставалось всего одно усилие, чтобы сбросить с себя стальные удила и опрокинуть все в реку.

Но это лишь казалось со стороны. Строители трассы были спокойны и четко, как наметили по графику, выполняли свое дело.

Нить газопровода скрылась под водой, напряжение ослабло. Машинисты трубоукладчиков почувствовали, как трубы коснулись краев траншеи, а затем и ее дна. Водолазы опять спустились в ледяную воду и проверили всю нить. Газопровод лежал правильно.

Началась укладка второй нитки газопровода.

...Два дня продолжалась схватка с горным потоком, и люди вышли из нее победителями.

Трасса газопровода Игрим — Серов

Если портится зуб, врачи сверлят его и кладут в отверстие цементный раствор—пломбу. Почти так же в последнее время североуральские шахтостроители борются с подземными водами.

При проходке ствола на шахте № 9 через трещины в известня-

ках вода хлынула в забой. Откачав ее, проходчики пробурили скважины и под большим давлением стали нагнетать в них цемент. Приток воды прекратился.

Продвигаясь вперед, шахтостроители бурили опережающие скважины и таким образом «пломбировали» известняки.

Три года назад на строительстве шахты № 14—14-бис в ствол тоже прорвался мощный поток воды. Насосы не справлялись с ней, и проходку приостановили.

Инженеры из треста «Бокситстрой» в содружестве с учеными из Свердловского горного института разработали метод подводного бетонирования. В затопленную шахту спустили гравий, а затем, через определенное время, цементный раствор в саморазгружающихся контейнерах. В стволе образовалась огромная «пломба». Она преградила путь воде.

А. МАЛЬЦЕВ

ШАХТНЫЕ «ЗУБОТЕХНИКИ»

МЕТЕОРИТ «КАРГОПОЛЬЕ»

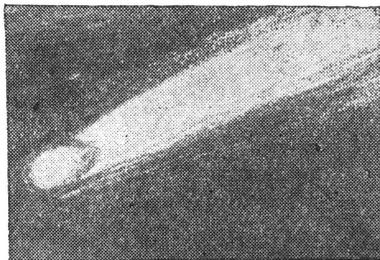
12 марта 1961 года, в 9 часов вечера жители Курганской области наблюдали необычное явление природы.

В этот темный вечер местность вдруг осветилась ярким мерцающим светом. По небу, в направлении с юго-востока на северо-запад, летел огненно-белый шар. Размер его достигал половины диска луны.

Болид промчался над Чашинским, Каргопольским и другими районами Курганской области в течение немногих секунд и рассыпался на несколько частей.

После исчезновения болида несколько секунд на ночном небе оставался светящийся след, а через полторы-две минуты жители Каргополя, Чаши и других сел услышали звуки, похожие на раскаты грома. В Каргополе даже ощущалось сотрясение почвы.

Начались поиски «небесного гостя».

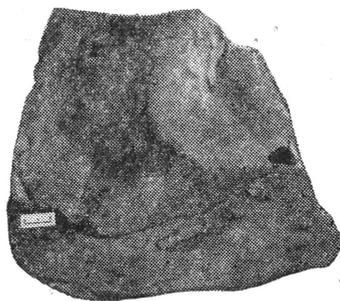
Летом 1961 года житель Каргопольского района Александр Охупкин на покосе, в неглубокой, уже заросшей травой ямке обнаружил необычный камень с оплавленной поверхностью, темнобурого, почти черного, цвета. Находку перевезли в поселок и из любопытства расколрили на две части.

Метеорит весил 21,8 килограмма. На поверхности его были заметны ямки — лопнувшие пузырьки газов, выделявшихся при плавлении во время полета в атмосфере.

Летом 1963 года я обследовал посланца космоса. Он получил имя «Каргополье».

Но тот ли это метеорит, что видели жители Курганской области в марте 1961 года?

Предварительные минералогические исследования показали,

что некоторые минералы в нем, например, самородное и сернистое железо, частично перешли во вторичные — земные: от воздействия воды и воздуха. Процесс протекал десятки лет, поэтому метеорит «Каргополье» едва ли тот самый, что упал 12 марта 1961 года.

Дальнейшие исследования, которые продолжат уральские ученые, покажут состав и строение метеорита, установят, когда он прилетел к нам.

А. ЮДИН,
ученый секретарь
Уральской комиссии
по метеоритам

РУДЫ- «ОБМАНЩИКИ»

Когда говорят о руде, у нас возникает представление о чем-то тяжелом, твердом и уж, во всяком случае, непрозрачном.

Это справедливо в отношении большинства минералов, которые носят название рудных. Их узнает даже негеолог. Но нет правил без исключений. Есть руды, совершенно «не похожие» на самих себя.

На одном из старых уральских рудников, расположенных к северу от Нижнего Тагила, добывался медный и железный колчедан. А в породные отвалы вместе с кварцем и сланцем выбрасывали какой-то прозрачный минерал, окрашенный в светлые — желтого и красного тона — цвета. Эту примесь принимали раньше за полевую шпат.

Такая же история происходила чуть ли не на столетие раньше в германских рудных горах. Там этот минерал горняки называли «обманкой». Они считали, что жила тут кончается и вместо полезного ископаемого приходится выдывать на-гора пустую породу.

Но позднее оказалось, что это — первосортная руда: цинко-

вый колчедан. Так и утвердилось за минералом сфалеритом второе название: цинковая обманка.

Она часто встречается и на рудниках Урала. Цвет ее меняется, но прозрачность сохраняется всегда.

Во время туристского похода на товарной станции нам встретился состав платформ, следующий к большому химическому комбинату. Везли полупрозрачные камни, напоминающие осколки цветного стекла. Ребята заспорили, что это такое. Оказалось, руда фосфора, хорошо известная под названием апатит, что по-гречески значит «обманщик».

Однажды в лагерь геологосъемочной партии студенты-практиканты притащили кусок гранита. Самый обыкновенный — красный, состоящий из кварца, розового полевого шпата, из слюды и черной роговой обманки. Но эта обманка еще раз «обманывает»: ее можно принять по цвету за какую-нибудь руду, хотя это всего лишь неинтересный силикат.

Молодой геолог партии осмотрел камень в лупу и, не найдя в нем никаких рудных минералов, оставил на ночь в палатке. А утром неожиданно испортился прибор, определяющий радиоактивность. Его увезли на базу чинить. Там выяснилось, что он получил сильную дозу облучения от куска гранита, в котором была примесь рудного, дорогого минерала — тория.

На следующий день старший геолог определил, что в граните есть полупрозрачный стекловидный минерал ортит. Он очень похож на полевую шпат и поэтому легко обманул своим видом.

Непохож на руду и оловянный минерал касситерит. Он тоже светло окрашен и полупрозрачен, как кварцевая галька в речном песке. Но вес у него изрядный, поэтому обмануться в наличии металла очень трудно, и вряд ли кто-нибудь захочет выбросить такую гальку в отвал.

В природе можно найти еще немало «обманщиков». Ведь минералов-то более тысячи. Кстати, половина из них встречается на Урале.

К. ФЛУГ

Нина Страхова

В разгар Великой Отечественной войны Нина Страхова закончила десятилетку в городе Тюмени и сразу же поступила на курсы медицинских сестер. В 1943 году она попала на Ленинградский фронт.

После войны Нина Страхова заочно закончила Московский библиотечный институт и стала работать по специальности.

Писать стихи она начала еще на фронте.

Мой Урал

Далеко тайга протянулась,
Укрывая древние горы.
Нет, не здесь прошла моя юность.
Вспоминаю кубанский город —
Городок, утонувший в акациях,
В звонкой грусти девичьих песен...
Почему же теперь мне кажется:
Нет на свете Урала чудесней?
Мир немислим без этих далей,
Этой поступи молодой.

Здесь мы вместе рассвет встречали
Над окутанной дымкой водой.
Здесь мы брали такие кручи —
Белый свет мутился в очах...
Видно, правда: нет счастья лучше,
Чем добытое в этих краях.
А Кубань? — мне читатель заметит:
Но упрек не заслужен, поверь:
Как родителей взрослые дети,
Я Кубань навеваю теперь.

Есть мальчишка...

Так несхожи мы с этим мальчиком,
Эта разница явно видна:
Обожает он математику,
Я — немецким увлечена.
У меня в училище лекции,
У него на заводе практика.
Я спешу в волейбольную секцию,
А ему по душе акробатика.
Но само собой получается,
Как в знакомой лирической песне:

Наши тропки всегда встречаются,
Мы все чаще и чаще вместе...
Смотрит молча, пытливо мама.
А девчата наперёбой:
— Это дружба? Скажи нам прямо!
— Нет, пожалуй, у них любовь...
А меня смешат эти споры:
Так ли важно название найти?
Просто, есть мальчишка, с которым
Очень-очень мне по пути.

Встреча сестер

Горячим лбом к стеклу прильнуть —
Мелькает за окном
Из памяти воскресший путь,
Знаком и незнаком:
Все те же елки по бокам,
Знакомый перегон.
Но где ж с зениткою вагон?
А, это было там...
А вот и маленький вокзал!
Ты помнишь ли, вокзал,
Как вместе с нами в первый раз
От взрывов задрожал?
Ты стал наряднее, прочней...
Но мне идти пора;
Смотри: бежит навстречу мне
Родная — нет ее родней —
Не медицинская, моя
Любимая сестра.
Ей тоже двадцать лет сейчас,
Как было мне тогда.
И надо ж было ей попасть
Вот именно сюда!
Но только здесь мою сестру
Встречает поутру
Не блиндажей морозный пар,
Не стоны двухэтажных нар,
Где даже раненый солдат
Всегда в строю — с друзьями в ряд,
Сестру гудком к себе зовет
Вновь выросший завод.
И после смены, ровно в пять,
Мы с ней идем гулять,
Где лес развел зари костер
Для встречи двух сестер.

„ЗЕМЛЯК ИЗ ОСТРОВНОЙ“

Вторую «захалавную» книжечку¹ Тарас Шевченко начал в Орской крепости. Вместе с ним она совершила долгий и трудный путь через казахские степи, пески Каракумов. Вольнолюбивый поэт, «сосланный под строжайший надзор, с запрещением писать стихи и рисовать», украдкой поверял маленьким листочкам свои мысли и впечатления.

Одно из стихотворений, написанных в это время, посвящено встрече с песней и «земляком из Островной».

23 сентября 1848 года шхуна «Константин» бросила якорь у острова Кос-Арал на Аральском море. На ее борту находились члены гидрографической экспедиции и среди них «рядовой Оренбургского отдельного военного корпуса» Шевченко.

Однажды поэт долго не уходил с палубы. Уже давно прозвучал сигнал ко сну, а он стоял и задумчиво смотрел на яркую полную луну. И вдруг послышалась песня. Чуть слышный вначале, голос звучал все сильнее.

Ну что, казалось бы, слова?

Слова и голос — что такое?..

Но вот услышишь их едва —

¹ Такое название получили самодельные тетрадки, в которые поэт тайком заносил свои стихи; книжки он прятал в голенища сапог (по-украински — халавы).

*И сердце оживет. Знать, слово
И голос тот от божества
Явились в мир!..*

.....
...Матрос,

*Земляк из Островной, тоскуя,—
В ту ночь глухую*

*Он, подневольный, вахту нес,—
Вдруг начал петь. И пел покуда*

*Негромко: не было бы худа,—
Строг капитан, хоть наш земляк.*

Он пел про то, как жил казак,

Как рос в неволе сиротою,

Как вырос — и солдатом стал!..

Знакомые с детства слова хватали за самое сердце. Казалось, в них была запечатлена не только судьба казака-горемыки. Обычно не дававший страданиям прорываться наружу, Шевченко на этот раз не смог сдержать слез.

Так что ж теперь заплакал ты?

О чем грустишь, старик? Седого

Какие думы тяготят?

Что счастье от тебя сокрыто?

Что ты и сам теперь солдат?

Что сердце вдребезги разбито?

Что расплескалось без следа

Все доброе, что в сердце было?

Что вот и старость наступила?

Не так ли, голубок мой?.. Да.

Записывая это стихотворение — одно из пятидесяти трех, созданных в 1848 году на Кос-Арале, Шевченко сделал сноску: «Островная — Оренбургской губернии».

Но почему «земляк»?

Это произошло годом раньше, в 1848 году, когда Шевченко направлялся к месту расположения пятого линейного батальона — в Орскую крепость.

Свои путевые впечатления он описал несколько лет спустя в повести «Близнецы», ведя повествование от лица вымышленного героя — лекаря Савватия Сокиры.

Вот некоторые места из этой повести.

«До станицы Островной он только любовался окрестностями Урала и заходил только в почтовые станции, и то, когда хотелось пить, но, подъезжая к Островной, он вместо серой обнаженной станицы увидел село, покрытое зеленью, и машинально спросил ямщика:

— Здесь тоже оренбургские казаки живут?

— Тоже, ваше благородие, только что хохлы.

Он легонько вздрогнул.

...Подъезжая ближе к селу, ему действительно представилась малороссийская слобода: те же вербы зеленые, и те же беленькие в зелени хаты, и та же девочка в плахте и полевых цветах гонит корову. Он заплакал при взгляде на картину, так живо напоминавшую ему его прекрасную родину.

У первой хаты он велел остановиться и спросил у сидящего на призьбе усача, можно ли будет ему переночевать у них?

— Можно, чому не можна, мы добрым людям рады.

...Здесь он впервые в Оренбургском крае отвел свою душу родною беседою...»

Нет, нет, жизнь в Островной далека от идиллии! Чем дальше находился он в первой хате, тем больше бросалась ему в глаза бедность ее хозяев. Она — и в изумлении маленького Ивася, получившего «невиданный гостинец» — кусочек сахара, и в стыдливом признании хозяйки, что живут они тяжело, и во многом другом.

Великому поэту навсегда запомнились украинское село среди бескрайних оренбургских степей, сердечный разговор на родном языке, гордая нищета

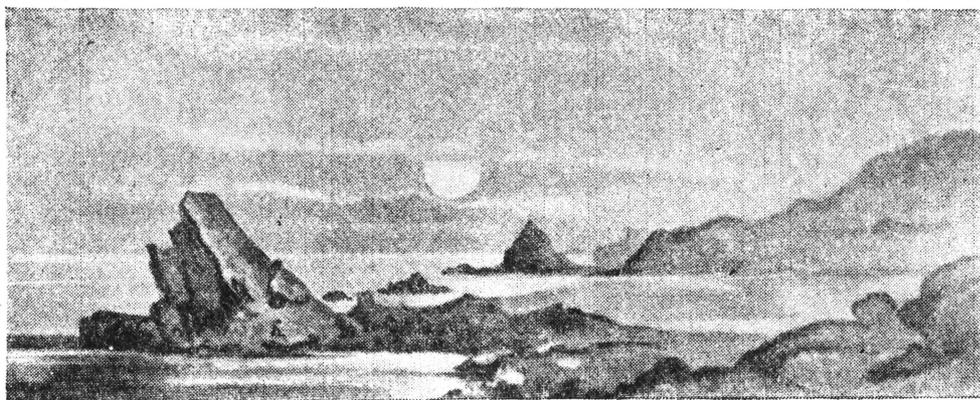
нежданно повстречавшихся приветливых земляков.

Кто же он, этот «земляк из Островной»?

В Оренбургском областном архиве мне дали папку, на которой написано: «Переписка с канцелярией военного министерства и предписания начальнику экспедиции о снаряжении экспедиции для обзора Аральского моря». Среди документов я нашел «Список нижних чинов команды шхуны «Константин», болевших в продолжение плавания по Аральскому морю в навигацию 1848 года». С волнением читаю: Аверьян Забродин... Тарас Фукин... Никита Даниленко... А вот и фамилия поэта. Стараюсь определить, кто из «нижних чинов» так взволновал Тараса Григорьевича песней в ту осеннюю ночь на

Автопортрет Т. Шевченко с киргизскими детьми. 1853—1857. Сепия.

Мыс Тюк-Карачай. 1853—1856. Сепия и гуашь.

Аральском море. Останавливаюсь на Даниленко (он привлекает меня своей типично украинской фамилией) и собираюсь на родину матроса — в Островную.

В шевченковские времена в Оренбурге, там, где скрещиваются Пушкинская и Студенческая улицы, находились Орские ворота, то есть был край города. Отсюда до современной восточной городской границы теперь ехать и ехать! Мимо сельскохозяйственного института с целым городком студенческих общежитий, вдоль «Оренбургских Черемушек», где большие, светлые дома растут, как грибы после дождя. И вот Неженка — первое пригородное село. В свое время она поразила Тараса Григорьевича зелеными лугами, затонами, а еще больше тем, что ее жители за луком ездили... в город.

У въезда внимание привлечен шит. Слова, начертанные на нем, сообщали, что неженские труженики сдали государству четверть миллиона пудов хлеба. Длинная вереница машин, двигавшихся навстречу, везла в Оренбург картофель и овощи. Неженцы давно уже снискали у горожан добрую славу мастеров-огородников.

На пути к Островной Шевченко любовался природой и «заходил только на почтовые станции, и то, когда хотелось пить». Природа здесь и ныне очаровательна, но глаз невольно привлекают внушительных размеров хозяйственные помещения, добротные жилые дома.

Машина останавливается у совхозной новостройки.

Директор объясняет, кивая в сторону человека на тракторе:

— Для него строим! Не знакомы? Наш свинарь-механизатор Заборский!

Это, оказывается, был тот самый Заборский, который один откармливает четыре тысячи свиней в год.

«Фабрика мяса» — так называется новостройка. Когда корпуса будут готовы, Заборский, по-прежнему один, сможет выращивать дополнительно не одну тысячу животных.

А как не остановиться у колхозного Дома культуры, у строящейся школы, у сельского магазина?

Как не пройти по лесной полосе! Пока деревца невысоки, по-детски робки. Но пройдет немного времени — и зеленая стена, растянувшись на сотни километров, уйдет от горы Вишневой к Каспию.

К исходу дня показалась Островная. С холма она была видна как на ладони. С зеленью улиц и вербами над прудом, с гусиными стаями на тихой речушке, с заповедным лесом невдалеке.

Такой, наверное, увидел ее Шевченко.

Такой?

Нет. Тогда не было вон того городка. Тракторы, комбайны, косилки... Это — ремонтные мастерские совхоза «Красногорский»...

Не было вот этих линий. Откуда они начинаются? От электростанции, той, что стоит на пригорке. Не было клуба, антенн телевизоров, просторных домов, библиотеки, школы...

В школе как раз закончились уроки, и ребята шумной гурьбой высыпали на

главный тракт. Вот они какие, сегодняшние «Иваси» Островной! Живые, веселые. Они знают все: и марки автомашин, и последние «космические новости», и какую картину привезли в клуб, и результаты очередной футбольной встречи в Москве.

Я обратился к ним с тем, что меня интересовало прежде всего.

— Скажите, ребята, много дедов в вашем селе?

— Много.

— А кто из них самый старый?

Наперебой посыпались ответы:

— Самый старый у нас — дед Иван... Коханов, Иван Егорыч.

— Ни, дид Литвинов стариш за всих! И балакаты про цэ нэ треба!

— А чего спорить? У аксакалов и спросите. Рядом живут. Айда, доведу!

Мальчишка с казахскими чертами лица бросил хитрый взгляд на друзей и бодро зашагал рядом.

Победителя в споре не оказалось. Как выяснилось, старики были ровесники: обоим по восемьдесят. Иван Егорович Коханов и Петр Иванович Литвинов — коренные земледельцы. Поход на целину в Оренбуржье проходил при их активном участии, о чем свидетельствуют награды — медали «За освоение целинных земель».

Родословные Коханова и Литвинова начинаются от тех украинских крестьян, которые еще в середине восемнадцатого века переселились на заволжские просторы, в район Кинеля, а лет через пятьдесят были причислены к казачьему сословию.

В начале девятнадцатого столетия — как раз во время Отечественной войны 1812 года — часть жителей Кинель-Черкасской слободы перебралась на правый берег реки Урал. А так как облюбованное ими место по капризу реки и ее своенравных притоков напоминало остров, то и станица стала называться Островной.

— Проходил тут Тарас Григорьевич, слышал, — рассказывал Петр Иванович Литвинов. — Много через наше село раз-

ных людей проходило. И на моей памяти было. То в Орск гнали, то из Орска в Оренбург. В Островной ночевку делали. И у моих стариков останавливались. Рассказывали, хворым был тогда Тарас Григорьевич. А поговорил с народом — и будто из ключа целебного напился.

— А то еще слух ходил, — вступил в разговор Иван Егорович, — будто у одного из станичников приключилась беда. Ну и попросил он Тараса написать прошение. Тот с великой охотой согласился. Душевный, говорят, был человек, за просто держался с сельчанами.

Литвинов согласно кивнул головой.

— Земляками называл островнянских. Земляки, мол, мы с вами и, значит, помогать должны друг другу.

Я раскрыл томик «Кобзаря», положил на стол и прочитал вслух:

*...Земляк из Островной, тоскуя,—
В ту ночь глухую
Он, подневольный, вахту нес,—
Вдруг начал петь...*

У стариков на глазах показались слезы. Коханов взял в руки книжку, любовно погладил ее натруженными, узловатыми пальцами и произнес:

— Вспоминал, значит...

Наша беседа затянулась. Передо мной прошли родословные Бурлуцких, Черкасовых, Полторадневых, Скрыпниковых... Они дали героев гражданской войны, Великой Отечественной. Пожалуй, в Островной нет семьи, которая не посылала бы война на битву с фашистами. Островнян можно было встретить в пехоте и артиллерии, среди танкистов и летчиков. Были и моряки. Многие из них дошли до Берлина. Но о том, кого Шевченко назвал земляком, старики, к сожалению, ничего сказать не смогли.

— Даниленко, говорите? Нет, не слышали.

Хотя поездка в Островную не оправдала всех моих надежд, я не испытывал разочарования.

Право же, то, что я увидел и узнал, стоило многого.

Л. БОЛЬШАКОВ

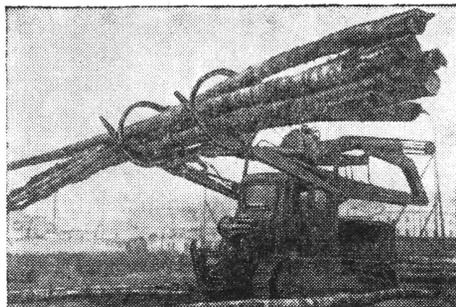

Комбайн- Экскаватор

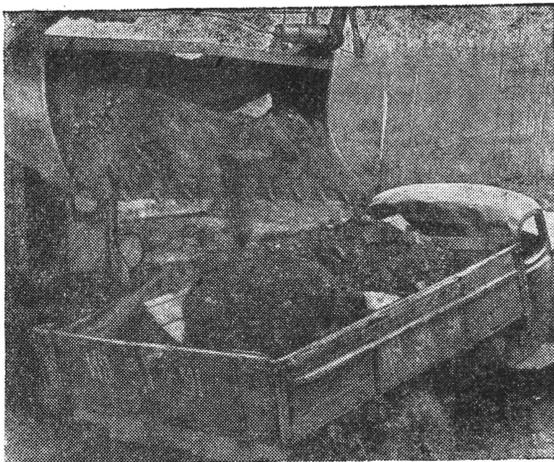
Кто бывал на заготовке леса, видел груды бревен по обочинам лесовозных дорог. Иной раз они тянутся на целые километры, загромождая подьезды.

Еще до 1948 года древесину грузили чаще всего вручную. Потом на помощь пришли лебедки и автокраны. Но и при этом человеческая сила играла, пожалуй, главную роль. Тогда заготовители обратились к инженерам: «Создайте нам удобный погрузчик».

Над изобретением новой машины стали работать одновременно несколько институтов и конструкторских бюро. Появились первые ласточки —

Стрела с хлыстами движется в любую сторону, а погрузчик остается на месте.

Если ему придать ковш, он становится экскаватором.

фронтальные гидропогрузчики. На обычный трактор установили стрелу — навесное погрузочное устройство. Она поднимает хлысты и грузит их на машину.

Но трудность была в том, что погрузчик поворачивался всем корпусом. Захватит пачку хлыстов — повернется к машине. Опустит их — повернется обратно за новой пачкой. И так всю смену. Перепашет землю под собой вдоль и поперек, зароеется носом в нее и останавливается.

Заготовители снова обратились к инженерам: «Выручайте!».

Тогда коллектив Свердловского института лесной промышленности разработал проект и создал опытный образец гидропогрузчика. Испытания его прошли в Бисертском леспромхозе.

Стоит ли говорить о том, как волновались авторы?

Лесники и хозяйственники сразу в один голос заявили:

— Вот такая машина нам и была нужна.

Название ей дали по первым буквам: УТПГ-5, что значит — универсальный тракторный погрузчик с гидроприводом, грузоподъемностью 5 тонн.

Основное отличие нового погрузчика от своих собратьев заключается в его поворотливости. Стрела с хлыстами движется в любую сторону, а он остается на месте. Командует погрузчиком один человек.

Кубометр хлыстов теперь обходится на 15 копеек дешевле, вагон дров — на девять рублей, а целый железнодорожный состав из ста вагонов дает 900 рублей чистой прибыли.

Новый погрузчик назвали универсальным не случайно. Если ему придать ковш, он становится экскаватором.

Сейчас по заданию Средне-Уральского совнархоза изготавливаются еще две такие машины. Жаль, что всего лишь две: в адрес института из разных районов страны приходят письма-запросы. Слава о новом погрузчике уже шагнула далеко за пределы Урала.

Г. СТОРОЖЕНКО

О Н И ПРОДОЛЖАЛИ СРАЖАТЬСЯ

В феврале 1962 года в газете «Советская Россия» была опубликована документальная повесть И. Лещевского «Безумству храбрых». Едва ли найдется человек, которого не взволновало бы это правдивое повествование о героях-подпольщиках Международного антифашистского комитета в Лейпциге.

В повести автор писал:

«Где же сейчас эти герои? Юлия Кирилловна Румянцева живет в Первомайске, Николаевской области, Мария Владимировна Кабанова (Павлова) — в Сатке, Челябинской области... К сожалению, некоторые страницы деятельности лейпцигского подполья еще не известны. Может быть, читатели «Советской России» помогут их полностью восстановить?»

«В Сатке? — подумал я. — Значит, одна из героинь — наша землячка?»

Поиски привели меня в «Южурал-металлургстрой». Здесь Мария Владимировна работала воспитательницей в группе школьников. Между нами завязалась переписка, потом мы встретились...

Много нового, волнующего узнал я от бывшей узницы фашистских лагерей.

В повести описано, как Маша Кабанова, будучи служанкой в доме рыботорговца Андресена, по заданию подпольного комитета укрывала двух русских военнопленных — Володю и Стасика — организаторов саботажа на фашистском заводе.

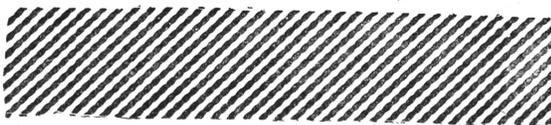
Но это был не единственный подвиг смелой советской девушки. У Марии Владимировны хранится листовка. Вот ее содержание:

«Товарищи военнопленные! Приближается час, когда вам придется принять активное участие в борьбе за освобождение

Родины от оккупантов-захватчиков вместе с товарищами, которые ведут сейчас борьбу на фронте. Помните, что вы в тылу врага представляете большую силу и должны в любую минуту быть готовы к грядущим делам... От вас требуется только единство и готовность к борьбе каждую минуту. Будьте готовы! Час борьбы наступает!»

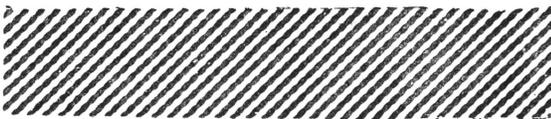
Листовка напечатана на пишущей машинке, по-русски. Появление этой листовки — целая история, связанная с риском для жизни.

В Лейпциге насчитывалось до семидесяти лагерей, где за колючей проволокой находились десятки тысяч граждан Советского Союза, Чехословакии, Польши,

Мир не отнять у тех, чьи руки держали оружие и воспаленные губы осушали слезы на щеках осиротевших детей, чьи глаза видели и навсегда запечатлели в памяти ужасы прошлой войны.

М. Шолохов.

Болгарии, Франции, Бельгии, согнанных фашистами на принудительные работы. Подпольный антифашистский комитет постепенно начал издавать литературу на многих иностранных языках. И только выпуск литературы для советских граждан задерживался: не было русского шрифта. Но вот стало известно, что единственная пишущая машинка с таким шрифтом есть в православной церкви. Подпольщики решили заполучить ее во что бы то ни стало. Наступил день, когда заключенных отправили под конвоем «на молитву». Маша, — она должна была отвлекать внимание попа, — выбрав удобный момент, обратилась к священнослужителю:

— Расскажите, батюшка, как возникла здесь эта церковь.

Священник был явно польщен и начал пространный рассказ. А Маша задавала все новые и новые вопросы. Тем временем ее друзья пробрались в церковную канцелярию и унесли машинку.

Так появились в лейпцигских лагерях листовки, напечатанные на русском языке.

Вспоминает Мария Владимировна и такой случай.

В лагерях боевые группы, готовясь к восстанию, накапливали оружие. Но как вынести взрывчатку и гранаты с территории военного завода?

— А что, девочки, если использовать наш «продукт питания»? — предложила одна из подруг. — Спрячем в брюкву.

Охранники в проходной равнодушно взирали на брюквинки, что несли девушки.

В повести «Безумству храбрых» описывается, как были арестованы двадцать шесть мужчин и семь женщин — активистов Лейпцигского подполья. В течение всего лета 1944 года фашистские палачи изощрялись в пытках. Маше Кабановой, как и многим другим, они загоняли иглы под ногти. Но ни один из арестованных не проронил ни слова. Начальник Лейпцигского гестапо вынужден был признать, что подполье — «отлично организованная группа». Гиммлер приказал отправить всех обвиняемых в концентрационные лагеря.

На руке у Марии Владимировны сохранилось клеймо узницы Освенцима — выжженная каленым железом цифра 82 989. Под этим номером она числилась в известном ныне всему миру лагере смерти,

«Три богатыря» Поро

В 1944 году доцент Свердловского сельскохозяйственного института Зоя Алексеевна Кольцова решила вырастить новый сорт озимой пшеницы, которая хорошо переносила бы все капризы уральской природы и давала высокие урожаи. Исходным сортом для своего будущего детища она избрала яровую пшеницу Мильтурум-321.

Засев опытный участок Мильтурум-321, Зоя Алексеевна сняла с него урожай. Часть осыпавшихся из колосков зерен дали всходы. Они остались на «зимовку».

Пригрело солнце. Стаял снег. Отзвенели ручьи. Буйная весенняя зелень украсила сначала пригорки, а затем и лощины. Зоя Алексеевна с тревогой следила за тем, как пробуждаются к жизни всходы-зимовщики. А пробуждались они медленно. Из сотни растений выжили всего восемь. Потом погибло пять. Осталось три. И эти «три богатыря» осенью дали урожай семян, как говорят специалисты, «с расшатанной наследственностью». Началась кропотливая работа. Надо было «воспитать» их, побороть нежелательные свойства неженки яровой.

Зоя Алексеевна отбирала семена только самых сильных растений.

Все мужчины погибли в Освенциме в первый же день. Такая же участь должна была постигнуть и девушек, но в лагере появились вербовщики: гитлеровским заводам позарез была нужна рабочая сила, так как всех немцев, способных носить оружие, отправляли на Восточный фронт, который трещал под ударами Советской Армии. Благодаря случайности Маша Кабанова, Юлия Румянцева и Таня Каверя оказались под Дрезденом.

Вскоре фашисты стали перегонять заключенных к чехословацкой границе. Тех, кто не мог двигаться, расстреливали. В Праге Мария Владимировна бежала. Ее укрыли чехословацкие патриоты Микешовы.

Но что случилось с теми четырьмя девушками, подругами Маши, которые остались в Освенциме?

— После опубликования повести «Безумству храбрых», — рассказывает Мария Владимировна, — нашлась Надя Науменко. Она живет сейчас на Украине.

А где же остальные? Что с ними? Надемся, читатели помогут нам ответить на эти вопросы.

Л. АХМИН

Бесснежная зима 1955 года чуть не погубила многолетние труды: вымерзло почти все. Сохранилась лишь незначительная часть опытных посевов, защищенных кулисами кукурузы.

Наконец, урожайный и морозоустойчивый сорт озимой пшеницы был создан и получил название «Свердловского».

Но вывести сорт зерновых — мало. Нужно разработать его агротехнику. Раньше озимую пшеницу сеяли по черному пару, то есть по земле, вспаханной весной и оставленной на лето без посевов. Метод был неудачным. Академик Трофим Денисович Лысенко, который постоянно интересовался работой Зои Алексеевны, посоветовал поискать что-либо новое, применительное к Уралу.

И здесь помогла кукуруза. Она оказалась лучшим предшественником. Сеять озимую пшеницу стали сразу после уборки, без вспашки, только с культивацией и боронованием почвы. Урожай кукурузы снимался неполностью, оставались рядки, создающие так называемые кулисы, которые хорошо задерживали снег.

Теперь колхозы и совхозы Камышловского, Талицкого, Арамилевского, Белоярского и других районов Свердловской области, успешно сеют Свердловскую пшеницу. «Три богатыря», которые остались когда-то на опытном поле, дали отличное потомство. С гектара, засеянного новой озимой, сейчас убирают по 32 и больше центнеров зерна.

* * *

Н емногие знают, что мягкие и изящные модные туфельки и обувь для детей сделаны из грубой козлиной кожи.

А знает ли кто-нибудь (кроме специалистов, конечно!), как эта грубая кожа приобретает те качества, за которые ее так ценят. Заглавную роль в этом удивительном превращении играет химический продукт — дубитель.

Процесс его изготовления сложен и долгов. Не раз кожевники обращались к ученым с просьбой:

— Создайте универсальный дубитель. Освободите нас от трудоемкой и вредной работы. Хорошо бы получить такой дубитель, который мы могли бы разводить как краску.

И свердловские химики из лаборатории хромовых и фтористых соединений Уральского научно-исследовательского химического института — кандидат химических наук Матрона Тимофеевна Серебренникова, Инна Михайловна Пономарева, Эмма Александровна Торокина, Татьяна Хисамовна Иванова — разработали технологию непрерывного процесса получения хромового дубителя в виде порошка, хорошо растворимого в воде.

Промышленные испытания дубителя проходили на кожевенном заводе имени Коминтерна в Ленинграде. И показали они отличные результаты.

Уралгипрохим сейчас спроектировал цех порошкообразных дубителей.

Одновременно в лаборатории велась и другая работа. Матрона Тимофеевна с Эмилией Владимировной Портнягиной, Евдокией Ивановой Толстиковой и Татьяной Хисамовной Ивановой исследовали отходы горнорудной и химической промышленности, определяли содержание в них микроэлементов — таких, как медь, цинк, марганец, молибден.

Выяснилось, что пиритные огарки сернокислотных заводов содержат медь, цинк; шламы от переработки молибденовых руд — молибден и медь; гранулированные шлаки медной плавки — медь, цинк; отходы обогащательных медных и молибденовых фабрик, кроме меди и молибдена, имеют кальций, магний, кремний, полезные для удобрения почв под зерновые, бобовые и кукурузу. Причем достаточно внести их в почву раз в три года или пять лет. На это время они обогатят ее микроэлементами, нужными для питания растений.

* * *

В ы увидели дом, весь убитый зеленью, встретили в лесу орешник с вкусными плодами.

Хорошо?

Отлично! Правда, такого у нас пока еще нет, но будет. Непременно!

Сотрудник ботанического сада Института биологии УФАНа кандидат биологических наук Ирина Петровна Петухова ездила нынешним летом в Приморский край. Она изучала растительность, подбирала то, что можно акклиматизировать на Урале. Собран 91 образец. Среди них лианы (они со временем украсят наши дома), лещина, много аралиевых (дикий перец предполагают использовать для приготовления лекарств), актинидия (ягоды ее богаты витамином «С»), лимонник (он обладает тонизирующими свойствами) и многие другие.

Орех маньчжурский хорошо растет в наших условиях, но оболочка его плодов очень толста. Грецкий же орех с тонкой корой вымерзает. Ученые предполагают скрестить их.

Акклиматизирована каприфоль — жимолость душистая. Цветет она красиво, а красные ягоды среди зелени выглядят эффектно.

Для испытания новых растений на Урале создана цепь пунктов в Перми, Челябинске, Свердловске, Ильменском заповеднике и других городах.

Э. ЕРМАКОВА

Нохо с «паспортом» на шею

Долгим был путь охотника. Позади двухсоткилометровое странствие по тундре, ночевка в снегу, затвердевшая на морозе еда. Его счастье — олени еще бегут, не выдавая усталости. Скоро и жилье ненца, а там — семья, тепло, горячая пища... И добыча хорошая: осмотр капканов дал восемь белоснежных песцов — нохо. Хороший зверь нохо: он кормит охотников Севера, а государству дает драгоценную пушнину.

Тушки за ночь оттаяли, пора и разделявать. Но что это? На шею зверя какой-то прямоугольный медальончик на крепкой сатурновой леске. Удивлению ненцев не было предела. Кто надел на нохо эту странную вещь? Для чего? Внутри плексигласового медальончика — полоска бума-

ги, на которой тушкой написано: «2441. Салехард. УФАН. Бирку и голову песца сдать со шкуркой. Указать время и место добычи».

А судьба этой бирки, как и многих других, неизвестна. Зоолог В. Смирнов и его помощники М. Махалев и В. Сосин в тундрах Ямальского и Гыданского полуостровов провели маркировку песцов. Сложно и трудоемко метить зверей, если ловить их или выкапывать из нор. Нельзя ли придумать что-нибудь более совершенное? И зоолог

Смирнов предложил иной способ (о нем мы рассказывали в седьмом номере «Уральского следопыта» за 1963 год).

На огромных пространствах тундр Ямала и Гыдана сотрудники Института биологии Уральского филиала Академии наук расставили более 2500 петель в новых и старых норках, а также в искусственных. Провели, например, такой опыт: вырыли неглубокие ямки там, где отсутствовали норы, и решили проверить, посещают ли их и кто? Поставили петли. И что же? Зоологам вернули несколько бирок с песцов, «окольцевавшихся» на таких фальшивых норах.

Пока получено немногим более 30 бирок. Это, конечно, мало. Часть не удалось собрать, хотя хорошо известно, что песцы эти убиты. А какое-то количество меченых зверей продолжает странствовать по просторам Севера и сейчас. Удалось подметить и такую деталь: песцы, с которых сняты бирки, оказались преимущественно взрослыми. Почему? Ведь и молодых в тундре много.

Возникло подозрение: а не помогают ли молодым песцам освободиться от петель родители? Удалось увидеть, как два молодых нохо вышли из норы в тот момент, когда петли только что были поставлены и люди не успели уйти. И оба «закольцевались». Но их бирок мы не получили. Куда эти песцы исчезли? Может быть, все еще здравствуют, а, возможно, петли на их шеях перегрызли родители.

Какое-то количество петель пропало из-за того, что часть нор оказалась забитой землей (почему это делают песцы — не ясно).

Но и те данные, которые уже удалось получить, очень интересны. Кстати, петля с биркой № 2441, так удивившая ненцев, была поставлена на фальшивой норе 2 сентября 1962 года в северной части Ямала, а через три месяца с этой биркой убили песца в 150 километрах южнее места маркировки. А еще двух зверьков поймали через полтора года после расстановки петель, в сотнях километров от нор (на побережье Карского моря).

Особое удивление вызвала встреча нохо в устье Енисея. Он «отметился» биркой не ранее начала августа 1961 года на западном берегу Гыданского полуострова. Расстояние (по прямой) между этими пунктами, примерно 350 километров, зверек прошел за четыре месяца.

Дело даже не в расстоянии, хотя по нему можно судить о скорости, с которой идут кочующие песцы. Важнее другое: первое доказательство миграции песца с Ямало-Гыданской территории и в восточном направлении.

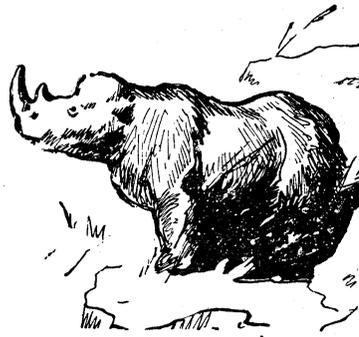
Материалы пополняются. Они дадут новые данные о животном мире сурового Севера.

В. ПАВЛИНИН,
кандидат
биологических наук

Башкирские носороги

В реке Белой, против устья Демы, купались мальчишки. Неожиданно на песчаном берегу они нашли окаменелый зуб крупного животного. Что это? Решили показать ученым. Оказалось, верхний коренной зуб вымершего гигантского носорога.

На дне Демы была обнаружена еще одна интересная находка: нижняя челюсть носорога с хорошо сохранившимися зубами. Сейчас ее можно видеть в Башкирском краеведческом музее. Здесь же берцовая кость носорога, на которой явно видны следы режущего инструмента. Ее принесли недавно в музей следопыты Первой средней школы города Белорецка.

Как рассказывает профессор Г. В. Вахрушев, за последние 10—15 лет в Башкирии обнаружено более сорока мест с костными остатками вымерших гигантских животных. Видимо, в доисторическом прошлом на территории республики их было немало.

Ископаемые носороги принадлежали к нескольким видам. Внешний облик их удалось восстановить по костным остаткам. В более позднюю ледниковую эпоху жил шерстистый носорог. Трупы этого животного найдены в мерзлых грунтах Сибири.

Шерстистый носорог — современник людей древнекаменного века. Они оставили в пещерах изображение этого животного. Можно предположить, что это — большой и неуклюжий зверь четырех метров длины и до двух высоты.

До исторического времени дожили очень немногие экземпляры этих гигантских носорогов, и поэтому их костные остатки очень нужны палеонтологам для изучения истории Земли.

Когда заговорит камень

Стеллажи лаборатории геохимии редких элементов тесно уставлены камнями.

— Для непосвященных это только «серый камень сто пудов», — говорит *руководитель лаборатории Павел Владимирович Покровский*, — а для нас — предмет исследования со многими неизвестными. Из этих камней мы должны выжать все, вплоть до минералов и элементов, содержащихся в малых количествах.

Атакуем мы такого молчаливого собеседника всем коллективом. Один изучает камни в поле, другой выделяет из породы чистые минералы, третий — главные минералы, четвертый — второстепенные, в которых обычно содержатся редкие элементы,

пятый — элементы-примеси, шестой... У каждого на вооружении своя методика исследования, своя аппаратура. Каждому образец «говорит» всего несколько слов. Трудное — составить из этих «слов» нечто целое. В 1962 и 1963 годах сотрудники лаборатории обследовали десятки массивов, собрали сотни проб. Материалы эти будут полностью обработаны через несколько лет.

Исследования геохимиков очень трудоемки. «У нас, — говорят они, — месяц в поле — два года камеральных работ».

Кропотливый труд, применение новейших методов исследования оправдывают себя. В старом, давно изученном открывается новое. Например, в месторождении, которое известно более ста лет, сотрудники лаборатории обнаружили очень редкие минералы — морозсит, крандоллит. В 1962 году Николай Алексеевич Григорьев открыл два не известных науке минерала. Один он назвал глюцином, а второй минерал, славя наш край, — ураловитом.

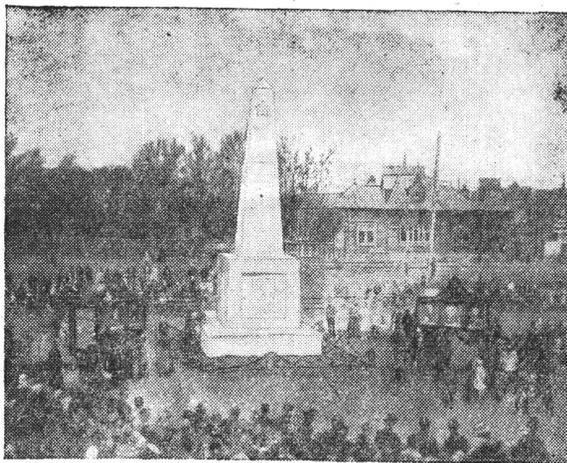
В 1921 году отмечалось пятидесятилетие Парижской Коммуны — первого в истории правительства пролетарской диктатуры. В Екатеринбурге (так до 6 ноября 1924 года назывался Свердловск) как раз в то время происходило переименование многих улиц и площадей. Специальная комиссия, созданная при Екатеринбургском Совете, указывала, что необходимо «...переименовать все главные улицы города в честь вождей пролетарской революции и наиболее видных екатеринбургских товарищей. Кроме того, решено переименовать некоторые площади...»

Вот тогда-то площадь возле оперного театра и стала называться именем Парижской Коммуны. На фотографии, полученной «Уральским следопытом» из архива первого комиссара финансов Уралсовета Федора Федоровича Сыромолотова, изображен момент, когда трудящиеся Екатеринбурга открывают деревянный обелиск в память французских коммунаров. На портретах, выставленных по бокам обелиска, — Огюст Бланки, Рауль Риго и другие руководители Коммуны.

Правда, даже свердловские старожилы вряд ли теперь узнают на этой фотографии площадь Парижской Коммуны. В наши дни она выглядит совершенно по-иному.

Л. С.

В ПАМЯТЬ О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

„ЗОЛОТАЯ КНИГА“ ЗАВОДА

Это — книга-гигант: метр высотой и весом 48 килограммов. Она названа «золотой» потому, что в коротких, скупых строчках рассказывает о самом ценном, самом дорогом — людях. О рабочих династиях Пермского машиностроительного завода имени В. И. Ленина. Их семь трудятся здесь из поколения в поколение.

Откроем первую страницу. Династия Петровых. Глава — Василий Васильевич Петров — был мастеровым Мотовилихинского медеплавильного завода. Бывший крепостной графа Шувалова. Работал на заводе с 1863 года, 48 лет.

Второе поколение — три сына, три токаря. Третье — шесть внуков. Среди них Владимир Иванович Петров — первый комсомолец завода. Сражался на фронтах гражданской войны. Из токаря вырос до мастера. Потом стал председателем райисполкома, Коммунист.

Шли годы. Династия Петровых разрасталась. Четвертое поколение представляет двадцать

один правнук бывшего крепостного. Тут и инженеры, и мастера, и теплотехники, и конструкторы, и врачи. Два токаря: Александр Павлович, Евгений Павлович и слесарь Валентин Павлович добровольцами Уральского танкового корпуса ушли на фронт и пали смертью храбрых во время Великой Отечественной войны.

Юрий Владимирович Петров — один из первых ударников коммунистического труда. Сейчас на завод имени Ленина идет пятое поколение Петровых.

В «Золотую книгу» занесены пятьдесят восемь рабочих династий. В каждой есть свои особо известные люди.

Андрей Иосифович Аспидов — сын горнового медеплавильного завода. Сначала работал мастеровым, потом его произвели в смотрители по снабжению. За добросовестный труд наградили серебряной медалью и почетным кафтаном из синего сукна. А представитель третьего поколения этой фамилии Петр Андреевич первый в 1884 году стал к электроплавильнику — сварочному аппарату, изобретенному Н. Г. Славяновым. Он был учеником этого выдающегося ученого, первым электросварщиком России и мира.

Три брата Вагановых — участники трех русских революций. Вместе с матерью они сражались на баррикадах Мотовилихи. Владимира Дементьевича в 1919 году казнили белогвардейцы. Николай Дементьевич и Константин Дементьевич проработали на заводе вместе около века. Труд их отмечен орденами Ленина.

В лаборатории формовочных земель трудится Алексей Вениаминович — из третьего поколения Гашковых. Во время Великой Отечественной войны коммунист, гвардии майор, штурман бомбардировщика Алексей Гашков совершил восемьсот боевых вылетов и получил звание Героя Советского Союза.

Каждые две-три фразы, написанные под фотографией рабочего, — целая жизнь, биография человека. Читаем:

«Виктор Акимович Ильин. Столяр, конструктор, заместитель главного конструктора. Лауреат Государственной премии. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Знак Почета.»

Это не только путь к знанию, умению, мастерству, трудовой славе. Это рассказ о нашей стране, где человек — заглавная фигура, где высоко ценятся его золотые руки.

Тысячи таких замечательных людей составляют трудовую славу завода. Недаром их имена занесены и заносятся в «Золотую книгу рабочих династий».

Хорошо сказано об этом в песне, написанной к столетию завода:

В самом сердце России великой,
Где лесов неоглядный простор,
Возвели корпуса заводские
Наши деды у каменных гор.
В руки врезалась пыль многолетняя,
На висках оседают снега,
Но на смену идут наши дети,
Юность века светла и строга.

Е. КОНСТАНТИНОВА

Мороз старался что есть мочи,
Белел испытанный металл,
А Машу в ватнике рабочем
Мороз ничуть не запугал.

Владыке холода обидно,
И проворчал он, что она
Не просто девушка, а, видно,—
Переодетая Весна!

*Ревда. Сернокислотный
комплекс. Март, 1964 г.*

Мы торжественно обещаем родной партии — молодое поколение страны Советов не подведет, с честью выполнит это новое почетное поручение. Задачи, поставленные декабрьским Пленумом ЦК КПСС, имеют прямое отношение к каждому из нас, независимо от того, в какой отрасли народного хозяйства мы трудимся.

Никто из нас не пожалев сил и энергии для выполнения грандиозной программы химизации народного хозяйства. На сооружение

химических гигантов, на рудники и в карьеры, где добывается химическое сырье, на любое другое дело, нужное народу, мы идем с таким же энтузиазмом, с каким наши отцы и матери шли на труд и на подвиг, закладывая фундамент социализма, отстаивая великие завоевания Октября.

(Из письма Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, товарищу Никите Сергеевичу Хрущеву от комсомольцев, всех юношей и девушек Советского Союза).

ВЫПОЛНЯЯ СЛОВО, ДАННОЕ ПАРТИИ

На Стройке Сернокислотного
РЕПОРТАЖ ХУДОЖНИКОВ А.КАЗАНЦЕВА и Г.МЕТЕЛЕВА

Ревдинский сернокислотный комплекс. Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Штаб. Здесь как на фронте. Час становится равен двум, трем, порой четырем: почти каждая бригада выполняет ежедневно по несколько сменных норм.

Комсорг ЦК на стройке — секретарь Ревдинского горкома комсомола Владимир Еремин. Взять у него интервью не так-то просто. В штаб постоянно приходят люди: докладывают, советуются, спрашивают, просят и требуют. Без конца звонит телефон, а через полчаса комсоргу нужно быть на строительной площадке.

И все-таки ненадолго нам удалось заполучить Володю. Вот что он рассказал:

— Строительство сернокислотного комплекса началось в январе прошлого года, а 24 сентября стройка была объявлена Всесоюзной ударной комсомольской.

Что значит ударная? Вот первый пример. В октябре, ноябре, декабре — каждый месяц дела-

лось столько, сколько за первые девять месяцев.

По путевкам комсомола к нам приехала молодежь из Москвы, Челябинска, Липецка, Саратова, Кемерово, из 21 города Свердловской области. И мне хочется сказать несколько слов об этих замечательных парнях и девушках, для которых не существует слова „невозможно“.

Есть у нас на стройке бригада бетонщиков Виктора Москвина. Получили задание — проложить за десять дней 500 блоков набельного тоннеля и перекрытий. Работали днем и ночью, в холод, но задание выполнили за пять дней.

Бригада Петра Штанчеева вела кладку 45-метровой трубы. Это примерно высота девяти-десятиэтажного дома. Кладка — полтора метра в смену — хороший результат. Но ребята решили: мало! Три метра в смену!

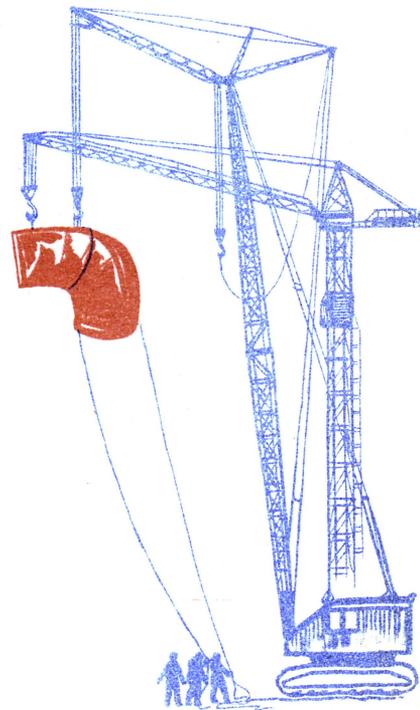
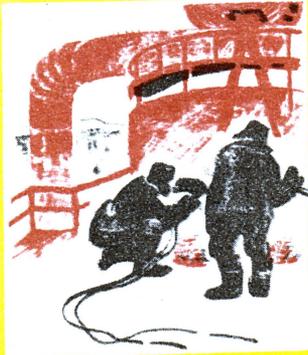
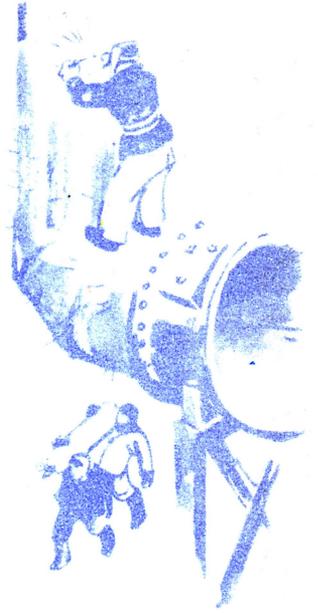
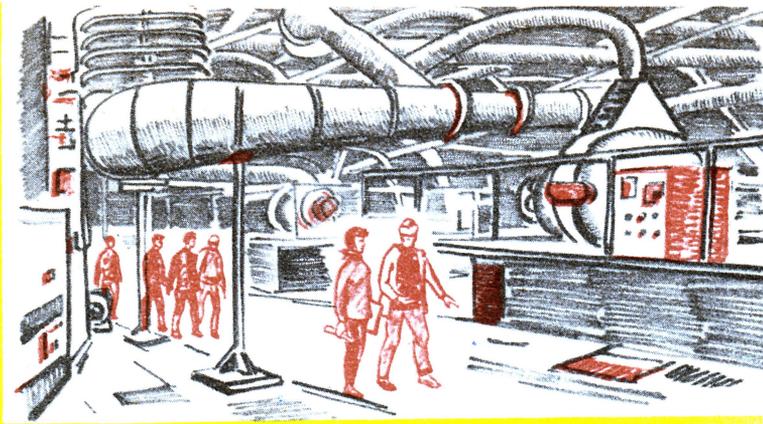
Переходящее Красное Знамя приходилось поднимать к ним на тридцатиметровую высоту...

Первые кирпичи на стройке положила бригада каменщиков Владимира Никитина. У нее уже стало обычным идти туда, где

требуется сработать особенно быстро и притом добротнo.

А футеровщики из бригад Урала Нургалиева и Гунара Крейцберга! У них многое не клеилось: ведь ребята впервые столкнулись с химзащитой. Но это только сначала. А потом эти же парни делали самую ответственную работу на четырнадцатиметровых башнях и электрофильтрах. И учились, и трудились, как говорится, на высоте.

Можно многое рассказать не только о наших ребятах, но и о тех, кто помогает нам. О комсомольцах и молодежи Свердловского насосного завода, которые работали круглые сутки и в срок дали нужные насосы. О бригаде монтажников Бориса Пунгина, которая пришла к нам с Ревдинского завода обработки цветных металлов. О школьниках Ревды, которые по собственной инициативе проводят на стройке субботники. О замечательных людях, которые знают, что серная кислота — хлеб химии, что серная кислота — это минеральные удобрения, миллионы тонн дополнительного урожая.

УЛЫБКА МОРЯ

Григорий ПЯТКОВ

Рисунки Н. Мюса

Поэма

Поэт Григорий Пятков — сибиряк. Он родился в Омской области. Но из-за тяжелого ранения, полученного на фронте, остался жить в Ялте.

Однако он часто ездит в родное село и с разными экспедициями исходил весь север Западной Сибири.

Стихи его по-настоящему лиричны и романтически. Пробует он писать и прозой.

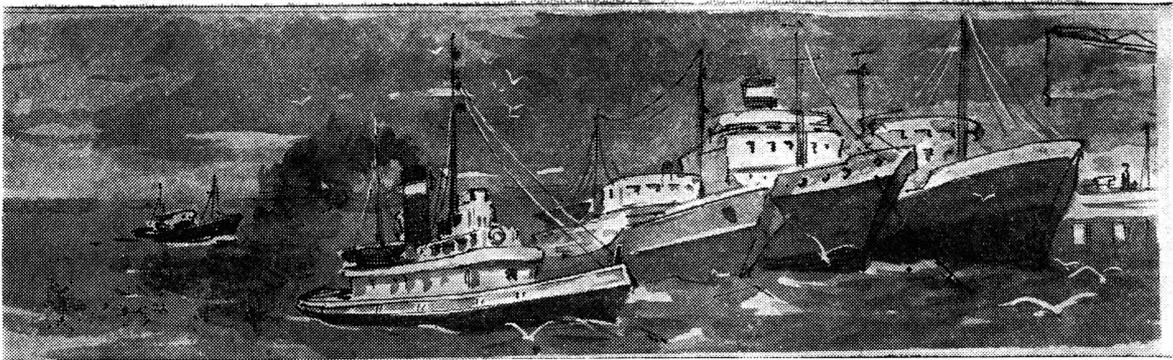
Григорий Пятков живет у Черного моря и, естественно, много пишет о нем. Он состоит на учете в парторганизации рыболовецкого колхоза «Пролетарский луч» и вместе с рыбаками провел не одну путину вдали от берегов.

Его новая поэма — как раз об этих мужественных и строгих тружениках. И по-новому начинаешь представлять себе Черное море, после того как прочтешь ее. Не только санаторными пляжами, красивыми берегами и виноградниками славен Крым, но и людьми — самоотверженными, трудолюбивыми, теми, кто уходит в штормовое море.

Судьба ты моя рыбацкая,
Без тебя
Я — не я, малек.
Ты, ни капли со мной не цацкайся,
Вдоль ломаешь и поперек.
Только мы, рыбаки, двужилые,
Просоленные до костей.
И качают нас волн пружины,
Как хозяев, а не гостей.
Пусть другие стихии молятся.
Море — хлеб наш, а не гульба.
И скупая улыбка моря
В крепкой дружбе с тобой,
Судьба...

Нет, мы — не гонцы за славою,
Хотя и со славой ходить не прочь...
Вчера
Ручьевцы под Балаклавую
Ставриду взяли в шальную ночь.
Бригада Ручьева...
Обидно, братцы.
А на собрании кто кричал?
— За план надо крепко драться!
И вот — позор нам на весь причал.
Правда, мы далеко не последние.

Если хотите, идем впереди.
Николка Ручьев,
Слышишь, частый бредень,
И до тебя доберусь, погоди!..
Николка, дружище отчаянный,
Самый хваткий,
Везущий моряк,
Ох, и здорово мы качали
Вчера на рассвете тебя, чудак.
Качали крепко мы по заслугам,
Чуть душу не вытрясли из тебя...
Ты мне с детства
Приходишься другом,
Вернейшим самым из всех ребят.
Было все:
Неудачи, радости.
Все поделено пополам...
Двести лет на двоих
До старости —
Как ты думаешь,
Хватит нам?
Ну, а в труде мы еще поспорим.
Каждый из нас
В этом деле крут.
Жизнь рыбацкая — песня над морем.
Там, где песня, —
На совесть труд!

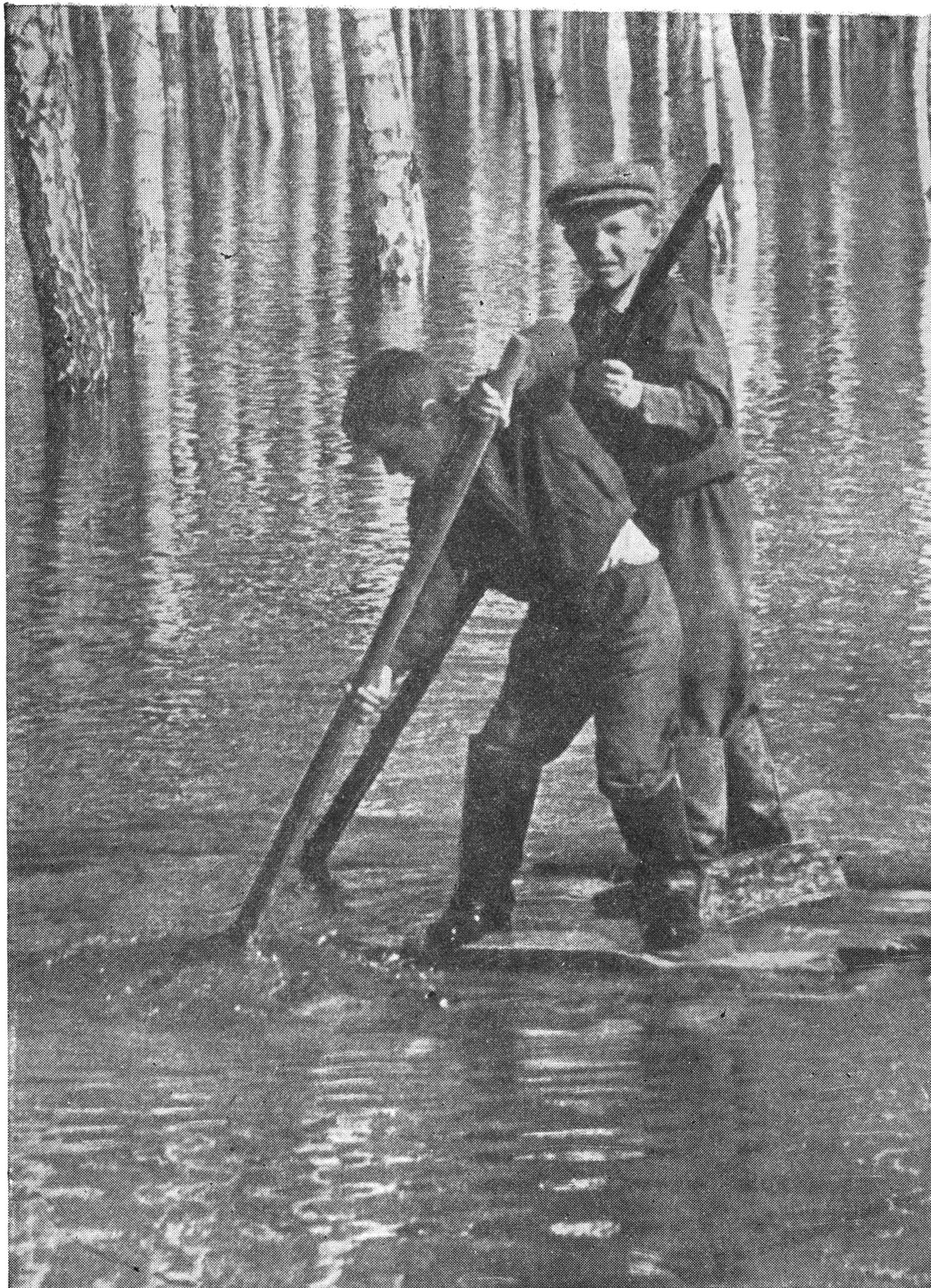
В мире
Есть океаны просторные,
Блюдца-лагуны чужих морей.
Но для нас
Нет дорожке Черного:
Оно от рождения нам родней.
Нами
Вдоль-поперек исхожено,
В наших сердцах —
Все как есть, до дна.
Следы от шторма — рубцы на коже
Мы носим гордо, как ордена.
Все как есть.
Пацанами голыми
Толпятся камни на берегу.
Чайки — наши морские голуби
Море Черное берегут.
Вот они здесь проносятся.
Сколько их — не пытайся счесть!
Кричат, будто с нами просятся
Защищать рыбацкую нашу честь.
Мы берем их с собой, крылатых,
Они — проверенные друзья...
Где ты ждешь нас, улов богатый?
Нам без рыбы домой нельзя!
Наш радист — у включенной рации
Ловит каждую в море весть.
Но тревожна волна рыбацкая:
Рыбы нет...

И вдруг: рыба есть!
Сразу все полетело к черту,
Лишь азарта крутая дрожь.
Рыба!
Вот она тут, по борту,
Будто в море ударил дождь!
Пузырится, кипит и пенится
Взбудораженная рыбой гладь.
Главное сейчас — терпение.
Нужно с толком ставриду брать,
Не вспугнуть ее,
Не рассеять...

Взмах руки
И команда:
— Сыпь!..

Третий раз мы
Во всей красе ее
К рефрижератору на весы
Доставляем живой, упругой,
Самой лучшей, какая есть...
И опять
Сеть смыкаем кругом,
И опять
Дружно сыплем сеть.
И сейчас
Напрягаем плечи.
Каждый мускул — стальной желвак...
Утро. День. Черноморский вечер.
В небе
Звезды в мужской кулак.

Началось все
С простой понизовки.
И пошла нарастать волна:
То до звезд нас поднимет ловко,
То опустит почти до дна.
То с налета волной ошарашит
И положит легко на борт...
Нам приказывают
«Шабашить.
Курс держать на ближайший порт»...
Только
Как уходить от рыбы? —
В том
Любой нас рыбак поймет.
Хоть из сил мы почти что выбились,
Но еще на один замет
Хватит их,
Этих сил рыбацких.
— Приготовиться!..
— Сыпь! Валяй!..—
И насадно лебедки клацают.
Шлюпки черпают через край.
Желтой птицей прожектор мечется.

ПОЛОВОДЬЕ.

Фото И. Тюфякова

РИТА-ФАРИДА

Владимир НОВОСЕЛОВ

Очерк

Враскройно-заготовительном властвует металл. Сочным набатом гудит он под сводами громадного цеха; диковинные машины с очень будничным названием—ножницы, играючи, как лист бумаги, кромсают стальные полосы, любую из которых хоть сейчас пускай на танковую броню. А когда открываются заслонки нагревательных печей, весь цех озаряется тревожным — нет, скорее радостным, сиянием пламени.

Найти бригаду Александра Медведева не составляет труда. И не только потому, что она работает на самом видном месте, на самом мощном прессе. Ее знают многие в стране. Это новаторский опыт таких, как медведевцы, имел в виду Никита Сергеевич Хрущев, когда произнес ставшую крылатой фразу: «У каждого рабочего есть свой личный резерв».

...Пока в печи греется очередная порция заготовок, Александр рассказывает:

— Сегодня у нас ударная продукция. Давим днища аппаратов для производства удобрений. Не удивляйтесь, так уж повелось в бригаде: непременно интересуемся, куда и для чего идут наши изделия. Оттого, наверное, и работа веселее движется. Мы ведь вот-вот, буквально через несколько дней, завершаем свою бригадную семилетку... Эти днища,— Медведев указал в сторону малиновых, еще не потерявших жара двухметровых чаш,— станут частью машин цеха плодородия на Ново-Московском горнохимическом комбинате. Каждый вакуум-фильтр комбината сможет выдавать в час пятьдесят тонн суперфосфата. Представьте, что это значит, если сто килограммов удобрений дают на гектаре прибавку урожая в два — два с половиной центне-

ра пшеницы, а кукурузы и того больше — девятнадцать центнеров!

— Бригадир у нас — поэт статистики,— включается в беседу Александр Паршин.

Он улыбается, хочет еще что-то сказать, но перед самым носом его, безмятежно покачиваясь, внезапно вырастают пудовые крючья крана.

— Извините, пора! — Медведев смотрит на часы и направляется к печи, куда плывут крючья крана, готовые к нелегкой огневой работе.— Мы — что, вот Рита — это да! — кричит он мне.

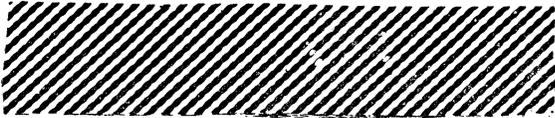
Рита? Какая Рита? Я не заметил в бригаде Медведева ни одной женщины...

Реактивно гудят мазутные горелки, и печь, словно сказочное чудовище, пытит, изрыгает пламя. Тридцать минут греется заготовка. Семь минут отпущено на ее обработку. В бригаде Медведева научились прессовать днища вдвое быстрее.

Вот кран подхватил раскаленный стальной диск и понес его к прессу. Стоит посмотреть, как работают парни! Уверенно, без суеты, но очень сосредоточенно. То и дело прикрывая лица дымящимися рукавами, они снова и снова устремляются, как в атаку, вперед. Тут не зевай — куй железо, пока горячо!

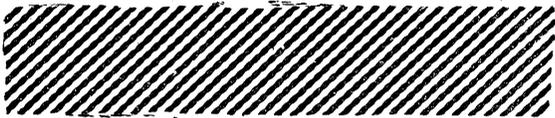
— Здорово это у вас получается! — не могу удержаться от похвалы, когда бригадир снова подошел ко мне.

— Не знаю. Может быть,— соглашается Медведев.— Но если бы не Рита... — Теперь бригадир говорит уже с воодушевлением: — Видите, с какими деталями дело имеем? Заготовка — четыре тонны, а оправка и того больше. Как в частушке поется, помните: «Потеряла я колечко, а в колечке — восемь тонн»...

В игре её конный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Н. Некрасов

Кто-то деликатно тянет меня за рукав. Оглядываюсь: парторг цеха Шахворостов.

— Беседуете?

— Беседуем, — отвечаю, — пока время есть.

— Я вот про Риту говорил, Владимир Павлович, — сообщает бригадир.

— А-а! Правильно, конечно. Вы без нее, как без рук.

— Да, уж это точно...

Заметив какую-то, одному ему понятную, заминку у прессы, бригадир уходит. А Владимир Павлович, изредка поглядывая в ту же сторону, говорит:

— У Риты отец здесь, на заводе, с первого кирпича начинал. Вот в Болгарии учреждена новогодняя награда — медаль «За добра службу». Имей и мы такую, да будь моя власть — все два десятка лет подряд вручал бы медали Мавлиту. А теперь и его дочери...

«Хоть раз бы встретиться с этой загадочной Ритой», — думаю я.

— Вчера, — продолжает Владимир Павлович, — мы ее в партию принимали. И первое поручение — доклад: «О преодолении возможности возникновения войн на современном этапе». Тема диплома у нее такая. Очень актуальная тема...

Шахворостов заспешил к прессу, на котором, яростно отбиваясь, скрежетала упрямая заготовка. Я понял: мне, гостю, лучше подождать в стороне.

Рита... Возле печи на стульчике — женщина с книжкой в руках. Глянет на приборы, проверит горелки — и снова носом в страницу. Может, это она? Хотя по возрасту эту женщину следовало бы вели-

чать по имени-отчеству. А впрочем, сколько сейчас студентов, у которых дети — студенты!

Тем временем женщина легонечко потянула рукоять, и массивная заслонка печи поползла вверх.

Возможно, что она. Только диплом у нее ведь не технический. О войнах...

Одну за другой кран побросал заготовки в прожорливую пасть печи.

Перекур.

— Видал-миндал, — смеется Саша Паршин, — как Рита ловко орудует. Без выдвигной подины что тебе блины в печь сажает! Будь-будь! Недаром университет заканчивает...

— Это которая? С книжкой? — киваю в сторону печи.

— Бери выше! — Саша показывает под потолок, где неясно маячит красный, в горошек платок крановщицы.

— Я в бригаде с момента ее основания, — подхватывает прессовщик Виктор Федотовских. — Всякие работали крановщицы. Такая — первая. Иная и поопытней вроде, но тянется, тянется за тобой, ждет команды. Эта же сама темп задает. А угнаться за Ритой, доложу я вам...

— Классик! Снайпер!

— А что? И снайпер! — продолжает Виктор. — Поставь ей на кран стакан с водой — не расплещет и точно на пятак опустит.

— Ну, насчет пятака ты, Вить, загнул, конечно, — авторитетно поправляет бригадир. — Но мяч в баскетбольную корзину положит — кольца не заденет. Тут ручаюсь. Она у нас мастер и спорта, к тому же. По конькам. Разве не знаете?

Нет, конечно. Не знал! Откуда мне было знать, например, что у нее — диплом учителя истории и второй (выше — только третий) разряд крановщика, что Фарида Мингазетдинова (парням бригады больше нравится называть ее Ритой) пользуется трогательным вниманием всего коллектива прессовщиков. И в этом нет ничего удивительного: кто-кто, а рабочие люди умеют ценить трудолюбие и талантливость в других.

Мы познакомились в перерыве...

Гляжу на нее. Маленькая, по-спортивному худощавая, даже, пожалуй, сверх меры. Скуластая, лоб скрывает пышно взбитая челка. Вздернутый носик. Про такую не скажешь: красавица. И речь скороговоркой. Вот разве только голос. Низкий, грудной и глубокий необычайно.

— Никакой я не мастер спорта,— говорит Фарида.— Всего-навсего второй разряд... Что? Ну пусть первый. Просто ребята немножко идеализируют меня. Им кажется: вот здорово! Крановщица, а ко второму диплому подбирается! Без пяти минут историк, так сказать... А сами ведь тоже учатся. Толя Ашимов поступил в техникум при заводе, Валерик Маргасов — уже на третьем курсе... Ильяса Шарипова у нас стрелочником называют: железнодорожный институт одолевает парень. Трое — Саша Баранов, Коля Нехода, Голендухин Леонид — десятилетку закончили... Почему во мне видят что-то особенное, а в себе не замечают? Возьмите, например, Баранова. Чем не гармоничная личность? Работник что надо, а спортсмен — диву даешься его способностям. Второй разряд по лыжам, легкоатлет, баскетболист, не новичок и в настольном теннисе. С мастерами на равных играл...

— Вы говорили, Фарида, о втором дипломе...

— Да, я закончила педагогический техникум. А теперь готовлюсь к защите в университете.

Девушка быстро оглянулась по сторонам и заговорщически лукаво спросила:

— Сказать по секрету? Мечтаю заняться когда-нибудь научной работой. Старшая сестра моя, Зюмабеке, в мои двадцать пять была уже кандидатом биологических наук.

— И много у вас таких сестер?

— Четыре...

Отрывисто рявкнула сирена: быстро кончился обеденный перерыв. Фарида встала.

— Значит, о семье в другой раз.

По-мальчишески ловко она стала карабкаться вверх по лестнице, к своему крану. В синем тренировочном костюме Фарида и впрямь похожа на озорного мальчишку.

Примерно через час случилась непредвиденная остановка: заело соседний кран, и Фарида спускается вниз. Обычно бледное лицо ее сейчас разгорячено работой.

— Вы знаете,— сыплет она своей скороговоркой,— кажется, я очень счастливый человек. Единственное, что отравляет мне существование, в буквальном смысле отравляет, это — смотрите.— Фарида указывает под потолок, где несколько мощных вентиляторов мужест-

венно, но не очень успешно борются с едкой гарью мазута и металла.

Мы отходим в сторону, и Фарида продолжает свой рассказ.

— У моей мамы, Фарзаны, нас шестеро. Зюмабеке — первая. Что сказать о ней?... Училась она, между прочим, в нашем Свердловском сельскохозяйственном институте... Потом еще академию закончила. Во Владивостоке. Сейчас заведует кафедрой в Уссурийском сельскохозяйственном. Готовит докторскую диссертацию. Имеет несколько монографий. Она у нас очень способная и неутомимая. Вот о ком писать-то нужно!..

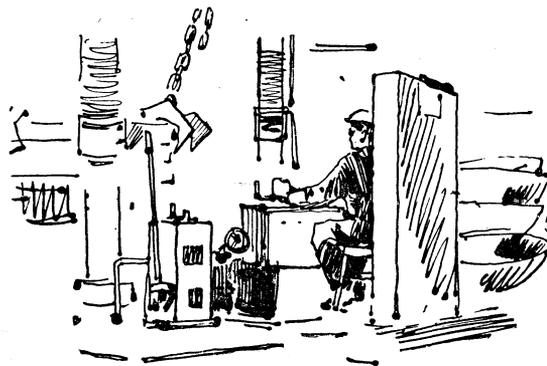
— Удивительно все, знаете, как-то,— мечтательно продолжает она после минутной паузы.— Вот наша семья. Обычная, правда? Таких много. А как книга она! И что ни страница, то судьба целого поколения... Извините, не могу подобрать другого сравнения. Я часто думаю об этом. Вот разбросала нас жизнь по стране из конца в конец. Но все мои родственники твердо стоят на ногах. И всем нам хорошо.

Девушка глянула на безжизненный кран, где копошились ремонтники, и заговорила вновь:

— Помните, у Лермонтова? «Люблю отчизну я, но странно любовью!»

— «...Не победит ее рассудок мой...»

— Вот-вот, — подхватила Фарида. — И дальше: «Но я люблю — за что, не знаю сам!» А я знаю: за то, что у меня все хорошо в жизни, что любое мое желание сбывается, каждой мечте — простор. А разве не так? Так! Где еще такое встретишь, чтобы дети кочегара, нацмена, как раньше говорили, в науку шли? Конечно, всяко приходилось. Часто трудно. Но ведь тем, что трудно достается,

вдвойне дорожишь... Теперь возьмите Деляфрось,—Фарида загнула палец.— Это вторая моя сестра. Она сотрудница газеты «Приморский комсомолец». Довольна выбором профессии, счастлива. Ее муж — штурман дальнего плавания...

— А единственный братец наш? — еще один палец согнулся рядом с первым.— Давлят-Гирей... Звучит почти по Пушкину. Только вместо Бахчисарая он здесь в Свердловске, работает инженером в научно-исследовательском институте. Жена его, Гальсине, учительствует...

— Следующая — Альфинур. Эта сестричка со мной на кране работала. Я ее обучила. А нынче уехала она в Киев, в институт физкультуры... Ну, и самая младшая — Фагиля — пока с нами. В восьмом учится... Вот так,—добавила Фарида, как бы размышляя вслух.— Вот так мы и живем.

Проходивший мимо мужчина, перебивая шум, крикнул:

— Сегодня в шесть, Рита. Помнишь?

— А как же! — радостно откликнулась она и, уже обращаясь ко мне, пояснила, что это — их тренер-общественник Герман Цыбин и что в шесть часов у них занятия конькобежной секции.

Нельзя сказать, чтобы я тоже несказанно обрадовался такому обороту дела. Именно на это время мы с Фаридой условились встретиться, чтобы наконец-то побеседовать в спокойной обстановке.

* * *

Сегодня у медведевцев горячий денечек. Осваивается небывалая еще продукция — днища выпарочных котлов для целлюлозно-бумажных гигантов.

Конечно, сейчас им не до меня. Стою в сторонке и поражаюсь: будто сто лет прессуют эти трехметровые в диаметре пиалы. Без сучка, без задоринки идет работа, разве что в несколько замедленном темпе. Не приспособились еще к новинке.

Любуюсь ими и вспоминаю утренний разговор, что состоялся в бригаде перед запуском нового изделия. Как всегда, его начал неистощимый балагур Саша Паршин. Подражая какому-то разбитному репортеру, он затараторил:

— Внимание, внимание! Начинаем вечер вопросов и ответов для молодежи

«Знаете ли вы?». Дедушка, садитесь, пожалуйста. Что? Отказал слуховой аппарат? Отлично! Буду кричать громче.

Пока в печи греется первая садка заготовок, вокруг Саши собирается вся бригада. А парень в ударе:

— Знакомьтесь, друзья: товарищ Медведев. Давайте поаплодируем ему. Товарищ Медведев — знатный бригадир, большой любитель математики, Пифагор двадцатого века.

Все хохочут, а Саша не унимается:

— Скажите, Пифагор, что мы будем иметь с новой установкой?

Бригадир, втянувшись в забавную игру, вторит ему:

— Целлюлозу.

— Поразительно остроумный ответ, не правда ли, друзья?

Новый взрыв смеха.

— А сколько целлюлозы, товарищ Эвклид... э-э... виноват, Пифагор?

— Четыреста пятьдесят тонн в сутки,—отвечает Медведев.

— Отлично! А кто из вас скажет: что дает одна тонна целлюлозы? — спрашивает Саша и обращается к Фариде: — Вы, гражданочка? Прошу!

— Сорок пять тысяч пар чулок,—отвечает она.

— Правильно! — захлебывается от удовольствия Паршин.— Узнаю ваши наклонности!..

Но, как говорится, делу время, потехе час. Заготовки поспели, и пора начинать прессовку. Все расходятся по местам. Замер на своем рабочем месте и Саша. Он первый. Огромным крючком с помощью лебедки он станет сейчас выдергивать из печи огнедышащие стальные диски и передавать их дальше, Виктору. Это труд, и пока нелегкий.

Задумался весельчак Саша. Я знаю, о чем. Есть мысль автоматизировать эту операцию. Да вот знаний маловато. Сам думал. А тут еще Рита свое: учись, Сашок, видишь, жизнь заставляет... Права ведь, ничего не скажешь.

А сама Рита-Фарида — там, наверху. Ездит туда-сюда на своем кране и позванивает: раскаленные, мол, заготовки, по пять тонн каждая! Берегитесь!..

Свердловск, Уралхиммаш

Конкурс
научной фантастики

Я. ЛЕВАНТ

Рисунки Ю. Ефимова

— Здесь,— указал Карлос на темную воду за бортом.— Вот здесь. Очень хорошее... место.

Говорил он, запинаясь, не без труда подбирая русские слова, но избегал перехода на английский, которым все трое владели не так уж плохо.

— Надо ждать... осень. Тогда хорошо, очень хорошо ловить... конгрио.

— Конгрио — по-испански угорь, — перевела Галя.

— Угорь, угорь,— радостно повторил Карлос, и Виктор, глядя на него, тоже невольно заулыбался.

Катер обогнул нависшую над морем скалу, и открылась бухточка. Отливающая перламутром водяная гладь, узенькая, снежно-белая оторочка прибоя, за ней — желтизна песков и темная зелень широколистных пальм. А над всем этим синее, без единого облачка небо.

— Чудный уголок,— сказала Галя.— И совсем пустынный.

— Похоже, что нет,— возразил Виктор, вопросительно взглянув на рулевого.

Карлос только присвистнул и покоился на автомат, лежавший на палубе, у ног.

На берегу, среди полусасыпанных песком базальтовых обломков темнела лодка. Двое мужчин в широкополых шляпах разглядывали приближающийся катерок.

— Что-нибудь не так? — осведомился Виктор. Он сидел верхом на своей «Акуле», занимавшей почти всю палубу крохотного суденышка. Галя, устроившаяся на носу, обменялась с ним тревожным взглядом.

Карлос не ответил. Придвинув ногой автомат, он решительно повернул штур-

ВОЛШЕБНЫЕ ЗВУКИ БАНДЖО

вал и повел катер прямо на лодку незнакомец.

— Хелло, Карлос! — приветливо улыбнулся один из них, черноусый красавец в короткой нарядной курточке и широкополой соломенной шляпе. Второй, краснолицый, приземистый толстяк, одет был гораздо проще — в мешковатый холщовый костюм, какие носят на Кубе грузчики и рыбаки. Только шляпа его была новенькая, точно такая же, как и на стройном кабальеро.

Карлос выключил мотор. Катерок с разбега уткнулся в берег и закачался на разведенной им волне.

Минуто все молчали, настороженно приглядываясь друг к другу. Первым заговорил молодой незнакомец. Продолжая улыбаться приветливо и непринужденно, он сказал несколько слов на звонком испанском языке.

— И я не ожидал вас встретить здесь, Рамос Кандидо, — Карлос произнес это по-английски, чтобы речь была понятна товарищам.

Однако кабальеро продолжал упорно сыпать испанскими словами, картинно жестикулируя и сверкая ослепительной улыбкой. Вот рука его вытянулась по направлению к «Акуле», на которой все еще восседал Виктор. В последней фразе прозвучал вопрос.

— Новый аппарат для подводных съемок, — по-прежнему по-английски ответил Карлос, и Виктор в душе одобрил осторожность юного кубинца. Оптическое устройство, смонтированное на носу «Акулы», делало такое объяснение вполне правдоподобным.

Рамос кивнул, в последний раз сверкнув ослепительными зубами. Видимо, любопытство его было удовлетворено. Он что-то негромко сказал напарнику, и они быстро собрали расправленную на песке снасть. Погрузив ее в лодку, Рамос Кандидо снова обернулся к Карлосу. Казалось, он хотел еще о чем-то спросить, но колебался.

Наконец решился.

— Благодарю вас, — выслушав его, вежливо ответил Карлос. — Все идет великолепно. Члены кооператива рассчитывают собрать рекордный урожай тростника.

Рамос больше не произнес ни слова. Вмeste с краснолицым толстяком он подхватил лодку, стаскивая ее с отмели.

Когда моторный рыбацкий бот порав-

нялся с катером, Виктор заглянул в него. Лодка была почти пуста. Мачта со свернутым парусом лежала на дне. Гарпун, несколько мотков прочной бечевы для ловли крупной рыбы, балластные камни — вот и весь груз. Из-под кормовой банки выглядывал ящик с пивом, а на носу лежали туристский радиоприемник и портативная кинокамера.

— Аста маньяна, сеньорес!¹ — галантно приподнял шляпу кабальеро.

Толстяк запустил подвесной мотор.

— Это ваш друг, Карлос? — спросила Галя, провожая взглядом удаляющуюся лодку.

— Друг? Нет, нет. Просто... пейзажно². Как это сказать?.. Земляк. Сосед...

Лодка огибала уже базальтовую скалу. Нарядный кабальеро приподнялся на корме и помахал на прощание своей широкополой шляпой.

— Какой-то странный, — заметил Виктор. — Он больше не вернется?

— Понимаешь, Карлос, — объяснила Галя, — у нашей «Акулы» очень чуткие уши. Они будут впитывать живые звуки моря. Шум винта, даже на расстоянии нескольких миль, все заглушит.

— Понимаю, — ответил кубинец. — Они ушли...

Он поискал нужное русское слово, но, не найдя его, коротко заключил:

— Порядок.

Галя и Виктор с улыбкой переглянулись. Они уже знали, что это универсальное словечко Карлос позаимствовал у своего учителя, бывшего танкиста, когда изучал тракторное дело в далеких Кубанских степях.

— Порядок, — еще раз повторил Карлос и тоже заулыбался.

Облюбовав себе местечко под пальмами, в сотне шагов от линии прибоя, молодые ученые и Карлос приступили к выгрузке.

Когда нехитрое снаряжение было аккуратно сложено, Виктор бросил нетерпеливый взгляд на «Акулу».

— Приступим?

— Вы пойдете с нами, Карлос? — спросила Галя.

Было видно, что юноша борется с искушением.

— Нет, — наконец сказал он, поправив

¹ — Прощайте, сеньоры! (исп.)

² Односельчанин (исп.).

на плече автомат.—Этот раз нет. Спасибо.

Оглянувшись, он указал на выступающую в море базальтовую скалу, ту, что огибали они перед входом в бухту. С этой стороны скала напоминала зубчатую башню замка. Цепочка неровных камней лесенкой тянулась к ее вершине.

— Я буду там.

Галя достала из тюка со снаряжением две маски и ласты, Виктор проверил акваланги. Переодевшись, укрепив на спине баллоны, они приподняли «Акулу» в гнездах. Большущий, добрых шесть метров в длину, рыбообразный аппарат был удивительно легок.

— Раз... Два... Три!

«Акула», перемахнув низенький фальшборт катера, плюхнулась на воду, окатив их брызгами. Виктор пристегнул ласты и прыгнул следом.

— Мы обращаемся с ней слишком грубо,— заметила Галя.— Ты не опасаться за механизмы?

— «Акула» не боится ничего,— заверил Виктор. По пояс в воде, он неуклюже переступал ластами, подбираясь к кормовой части, где находилось управление.— Не забывай, кто ее монтировал!

— Как же! Главный конструктор, лично,— рассмеялась Галя.— Между прочим, удивительно скромный человек!

Она осторожно спустилась с катера: вода доходила до шеи. Прямо на нее смотрело плоское, скошенное книзу рыло пластмассовой рыбины. «Акула» покачивалась, как буй, почти не погружаясь в воду. Мелкая зыбь плескалась в расположенной снизу широко раскрытой пасти.

— Включаю погружение,— предупредил Виктор.

Из чрева «Акулы» донеслось тихое жужжание. Обрывок желтой водоросли, мирно плававший у разинутой пасти, вдруг стремительно нырнул в нее. «Акула» набирала балласт.

Через минуту аппарат целиком погрузился в воду. Сквозь нее просвечивали фиолетовые «тигровые» полосы на его боках.

— Пошли? — Виктор надвинул маску на лицо, с силой толкнул «Акулу» перед собой и нырнул за ней. Галя поплыла следом.

Под водой они быстро нагнали двигавшийся по инерции аппарат. Виктор,

жестом пригласив Галю, ухватился за ручки. Поворот рычажка — и «Акула» устремилась в глубину, увлекая за собой исследователей.

Песчаное дно бухты заструилось под ними. Пестрые пятна водорослей проносились мимо хлопьями цветного дыма.

Галя жестом попросила замедлить ход, и Виктор послушно тронул рычажок. Скорость упала. Теперь уже хорошо можно было различить постоянных обитателей морского дна. Красные и темно-синие морские звезды и морские ежи, роскошные актинии, опаловые и нежно-розовые асцидии... Врасплох застигнутые крабы спасались бегством, а те, что поотважнее, угрожающе поднимали клешни.

Двигатель «Акулы» работал по принципу водомета. Вода засасывалась широко раскрытой «пастью» и с силою выбрасывалась назад из «жаберных щелей» — боковых отверстий, расположенных перед плавниками.

Виктор повернул другой рычаг — перед пловцами вспыхнул большой экран прямого видения. Панораму, скрытую от

пловцов массивным телом аппарата, передавал на экран телеглаз аппарата.

Прильнув к экрану, Галя с волнением всматривалась в прозрачный подводный мир тропиков, впервые представший перед нею в неповторимой игре солнечных лучей. Как раз в этот момент они пересекали рифовый барьер, поднимающийся со дна при выходе из бухты. Среди оранжевых и кирпично-красных и желтых кораллов виднелись бесчисленные рыбки, похожие на бабочек. Обьедавшие коралловые веточки забавные рыбы-губаны при виде «Акулы» стремительно бросались прочь.

За сплошным барьером открылась просторная равнина, медленно опускавшаяся на восток. Здесь и там виднелись на ней разбросанные коралловые образования в виде отдельных башенок и небольших цепочек. Дно покрывали густые заросли желтоватой талассии. «Отличное место для зеленой черепахи», — подумала Галя.

Сверившись с компасом, Виктор направил «Акулу» на норд — норд-ост. Вскоре на экране обозначился базальтовый утес, вода потемнела, когда они вошли в его тень. Развернув «Акулу» под скалой, Виктор выключил двигатель. Наступила тишина.

Оглядевшись, Галя подала знак товарищу, и они, приподняв нос «Акулы», вручную повели ее к поверхности.

Море было спокойно. Зеленоватые волны тихо плескались о нависшую над ними скалу. Устроившись на скрытой под водой «Акуле», молодые ученые внимательно оглядели горизонт.

— Чисто, — сказал Виктор.

— Они появятся не позже как через минуту, — уверенно произнесла Галя.

— Посмотрим.

Виктор соскользнул в воду и скрылся под аппаратом. Через мгновение он вынырнул у хвоста, вопросительно глядя на девушку. Галя поднесла к глазам ручные часы, следя за секундной стрелкой. Потом махнула рукой.

— Давай!

— Готово! — Виктор нажал нащупанную им под водою кнопку и с маху оседлал «Акулу». — Будем ждать.

Они замерли в тревоге. Сейчас должно было все решиться!

Здесь, в тени утеса, вода отливала холодным темно-зеленым блеском, но дальше, на всем необозримом просторе

моря, она сверкала и плавилась в солнечных бликах.

— Галанос! Галанос! — внезапно донесся сверху громкий голос Карлоса.

И в тот же миг они увидели плавники. Темные треугольники, вспарывая серебристую поверхность моря, неслись прямо на них!

— Двадцать пять секунд, — торжественно объявила Галя и посмотрела вверх. Карлос, распластавшись на вершине скалы, свесил вниз голову. Девушка помахала ему рукой.

— Галанос — это белопарая акула, — объяснила она Виктору. — Сравнительно безопасное существо.

— Еще галанос, много! — крикнул Карлос, указывая на юг. — И одна мако, смотрите, смотрите! Мако!

— Так зовут голубую акулу, — продолжала переводить Галя. — Это будет посерьезнее. А Карлос молодец. Я бы никогда не определила по плавнику.

— Один, два, три, четыре... — считал Виктор. — Уже девять плавников! Не пора ли... — он нерешительно посмотрел на Галю.

— Нет, нет, — запротестовала она. — Ни в коем случае. Пусть подойдут. Надо записать их голоса.

Зловещие треугольники замедлили свой бег, свернули, пошли по дуге вокруг «Акулы». Только огромный аспидно-черный плавник мако упорно резал воду напрямую.

— Осторожно! — крикнул сверху Карлос. — Мако — опасно. Очень опасно!

Виктор нырнул. Маленькая серая акула, подкрадывавшаяся из глубины, трусливо метнулась в сторону. Всмотревшись, он различил быстро мчавшуюся на него мако. «Вот оно!» — подумал Виктор, чувствуя, как холодеет в груди. Выдернув копьё из гнезда в плавнике «Акулы», он охватил указательным и большим пальцами упругое красное кольцо. На мгновение взгляд его остановился на такой же ярко-красной кнопке «химической защиты». «Нет!» — сказал себе Виктор и коротким движением ластов послал свое тело навстречу хищнице. Гибкий шланг, соединяющий копьё с гнездом, потянулся следом.

Огромная голубая акула замедлила свой бег, но продолжала надвигаться на него с тупым упорством. «А говорят, они нападают только на раненых или беглецов», — успел подумать Виктор, и тут

акула стремительно, снизу вверх, бросилась на него.

Откинувшись назад, он разглядел мелькнувшее мимо темное полукружие раскрытой пасти, белесое брюхо чудовища и, не целясь, ткнул копьем вперед. Ощувив на руке многопудовую тяжесть, что есть силы, сжал пальцами упругое кольцо. Послышался щелчок электрического разряда. Копье вырвалось у него из рук, тело мако взвилось, будто подброшенное чудовищным ударом, и стало медленно тонуть. Помня о сверхъестественной живучести этой голубой великаныши, Виктор отскочил — он был сейчас совершенно безоружен. Но хищник, не подавая признаков жизни, продолжал опускаться в глубину. Виктор увидел, как несколько серых веретен метнулось наперехват и там расплылось темно-бурое облако. Белоперые остервенело рвали мако, облако густело и росло.

Двухметровая песчаная акула прыгнула рядом с его лицом. «Сравнительно безопасные существа»... — усмехнулся Виктор и с тревогой вспомнил о Гале, сидевшей в воде по пояс. «Хватит! — решил он. — Включаю «химическую защиту».

Галя его опередила. Он увидел, как скользнула к аварийной кнопке тоненькая фигурка в акваланге. Из корпуса «Акулы» под большим давлением ударили в разные стороны рыжеватые струйки. Беснующихся хищников как ветром сдуло.

Виктор посмотрел вниз, туда, где в облаке крови повис растерзанный белоперыми труп мако. Он с силой дернул за натянувшийся шланг. Копье не поддавалось.

Оглянувшись на Галя, Виктор показал, что хочет спуститься вниз, но девушка, подхватив его за руку, увлекла на поверхность.

Взобравшись на «Акулу», они подняли маски. Лицо Гали было бледно.

— Я была непостижимо легкомысленна. Даже глупа. Следовало отогнать их раньше. Когда мако атаковала тебя...

— Пустяки, — пробормотал Виктор. — Зато испытали электрозащиту.

— Порядок? — раздалось сверху.

— Порядок, полный порядок, Карлос, — крикнула Галя. — Первая разведка прошла удачно. Сейчас возвращаемся.

— Надо только освободить копьё, — заметил Виктор.

Мако висела на десятиметровой глубине, течение медленно относило кровь из разорванного брюха. К удивлению Виктора, копьё оказалось крепко зажатым в пасти. Вдвоем они попытались раскачать его — тщетно! «А если отбуксировать эту рыбину в бухту? — подумал Виктор. — Мощности «Акулы» должно хватить».

Сбросив часть водяного балласта, так, чтобы только «пасть» «Акулы» осталась под водой, Виктор развернул аппарат на обратный курс. Они добрались благополучно. Лишь у входа в бухту «Акулу» слегка тряхнуло: зацепившаяся мако чуть не застряла в коралловом барьере.

На берег вышли, пошатываясь от усталости. Сняв тяжелые акваланги, опустили на песок — мягкий, прогретый солнцем. «Долгое отсутствие тренировки», — подумал Виктор.

Карлос, в последний раз окинув взглядом горизонт, бросил за спину автомат и, ловко прыгая с камня на камень, спустился к ним.

Восторженный взгляд юноши поразил Виктора.

— Что с тобой?

— Ты убил ее! — воскликнул Карлос. — Под водой! Никто еще никогда так не убил мако! Только ты...

— Ее убило электричество, — ответил Виктор и покраснел. Он вспомнил, как в полной растерянности, не целясь, ткнул в акулу копьем.

— Ее убил ты, — упрямо повторил Карлос. — Я видел.

— Хорошо, — сдался Виктор. — Убил я. Но никак не освобожу копье. Поможешь?

Мако лежала на глубине каких-нибудь трех метров. Виктор и Карлос принялись нырять в одних масках, без баллонов.

— Нужен топор, — наконец заявил Карлос.

Пришлось выбивать ряд за рядом страшные, стиснутые в предсмертной судороге зубы. Нырjali по очереди, топор переходил из рук в руки.

Наконец копье извлекли. Выбравшись на берег, Карлос с любопытством осмотрел коротенький острый наконечник, торчащий из каучукового изолятора.

— Достаточно слегка воткнуть его, — объяснил Виктор, — затем сжимается это красное кольцо и следует мгновенный электрический разряд.

С помощью небольшой лебедки они подняли «Акулу» на борт, надежно укрепили в гнездах. Затем Карлос спустился в крохотную рубку: наступало время радиосвязи.

— Порядок, — заявил он, вернувшись через несколько минут. — Желают успеха. Свяжемся завтра утром.

— Что ты передал? — поинтересовался Виктор.

— Как сказала сеньорита Галя: «Первая разведка удачна. Убита мако».

«Быть может, следовало упомянуть о встрече с теми двумя рыбаками?» — подумал Виктор. Но ничего не сказал. Карлос — умный и бдительный парнишка. Ему виднее.

Солнце уже клонилось к западу, тени пальм вытягивались к линии прибора. Блики на воде растаяли, море потемнело, приобрело темно-фиолетовый оттенок и только далеко-далеко на горизонте оно еще отливало серебром.

Палатки решено было не разбивать: опаловое безоблачное небо и ровный ласковый бриз сулили на ночь хорошую погоду. Походные раскладушки были поставлены в маленькой песчаной котловинке, возле базальтовых осколков. Крохотная дюна прикрыла их со стороны моря.

— А сейчас неврдно было бы и перекусить, — предложил Виктор. — Ведь с самого утра...

— Несчастный чревоугодник! — рассмеялась Галя.

— Чре-во... — не понял Карлос.

— Не будем уточнять, — перебил Виктор. — Ежели нет возражений, я займусь ужином.

— Кушать? — наконец догадался юноша. Он был страшно смущен: ведь обязанности фуражира лежали на нем. — Сейчас, сейчас...

Они поужинали отличнейшей копченой скумбрией, которая, как объяснила Галя, именовалась здесь макрелью.

— Завтра я достану вам пипа¹, — пообещал Карлос, указывая вверх, где среди ярко-зеленых листьев виднелись желтоватые кокосовые плоды. — Очень вкусно.

Стемнело. Небо заполнили звезды, незнакомые и яркие. Море тихо ворчал, навевая сон.

Внезапно Карлос вскочил, насторожился.

— Флотас! — прошептал он.

Молодые ученые тревожно переглянулись, прислушались. Сквозь слабый плеск волн доносился какой-то непонятный треск и шорох.

¹ Кокосовый орех с жидкой, еще не затвердевшей сердцевинной (кокосовым молоком).

Карлос заглянул через гребень дюны.
— Это флотас,— повторил он, подзывая товарищей.

В темноте они не сразу разглядели вереницу больших плоских тел, неторопливо подбиравшихся к ним со стороны моря.

— Черепахи! — тихо рассмеялась Галя. — Ну как я не догадалась сразу? Ведь флотас — флотилиями — в Америке называют стада морских черепах, собирающихся для яйцекладки.

— Че-ре-па-хи... — по складам повторил Карлос. — Че-ре-па-хи. Трудное слово. Что чере-пахи взрδες... зеленые.

— Зеленые? — воскликнула Галя. — Скорее «уши»!

Виктор сбежал с холма и, машинально пригибаясь, бросился в обход надвигавшегося стада к катеру и споткнулся в темноте об огромную, медленно волочащуюся по песку черепаху.

С трудом сохранив равновесие, Виктор замер на месте, но животное невозмутимо продолжало свой путь. «Вот это да!» — с уважением подумал он, разглядывая тускло блестящий под звездами массивный полутораметровый панцирь. Еще несколько черепах пересекло ему дорогу.

— Виктор! Да Виктор же! — услышал он. — Ну куда же ты?

— Включить «уши», — удивленно сказал он. — А в чем дело?

— Нет, вы только полюбуйтеесь на этого конструктора, — усмехнулась Галя. — Месяц просидел над схемой передатчика, чтобы включить «Акулу» на расстоянии. А теперь бегаёт к ней, рискуя сломать шею.

— В передатчике села батарея, — смущенно пробормотал Виктор. — Разве ты подзарядила?

— Представь себе... Иди сюда и не шуми: «Акула» уже слушает...

— Не обращают на меня внимания, — пожаловался Виктор. — Ползут себе, ровно я не человек, а пенек какой-то. В конце концов это невежливо с их стороны.

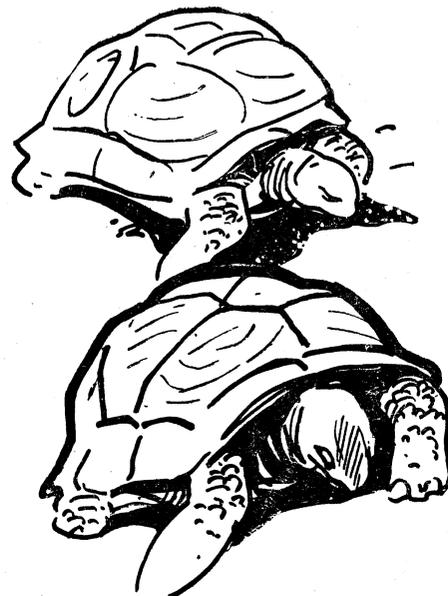
— Сейчас для них ничего не существует, — сказала Галя. — Этим-то и пользуются браконьеры, тысячами истребляя черепах во время яйцекладки.

Карлос посмотрел в сторону не видимой в темноте «Акулы».

— Я думал, она слышит только под водой.

— И под водой, и в воздухе, — не без гордости объяснил Виктор. — Наша «Акула» фиксирует даже то, что не воспринимает и человеческое ухо — ультра- и инфразвуки. Так что, если эти рептилии «разговаривают» между собой...

— Безусловно, сообщаются, — вмешалась Галя. — Как же иначе могут сбиваться они в свои огромные флотас?

— Значит, так или иначе мои «уши» подслушивают этих молчальников. Ведь наша «Акула» улавливает даже митохондриальные и нектробиотические излучения, которые...

Ты полагаешь, что говоришь о вещах общеизвестных? — упрекнула Галя.

— Извини, Карлос, — спохватился Виктор. — Понимаешь, это такие излучения организмов... Как бы тебе сказать? В общем, обнаружено, что в момент смерти любое живое существо, в том числе и человек, подает сигнал огромной мощности. Природа этих излучений ясна еще неполностью. Мы употребляем термин «нектробиотические лучи»...

— Я знаю, — кивнул Карлос.

— Знаешь? — искренне удивился Виктор.

— Нет, не лучи, — смутился юноша. — Знаю одну... один случай. Мария Хосефа, соседка, выбежала ночью из дому. «Сынок мой, бедный сынок!» — кричала она. Кричала и рвала на себе волосы. Лукас Хосефа — вот кто был ее сын. Потом узнали: в ту ночь он вез оружие. Из Мексики, для партизан Сьерра-Маэстра. Агенты Батисты схватили его в тридцати милях от берега. И бросили в топку парохода. Живого. Мария Хосефа услышала его за тридцать миль.

Они умолкли. Виктор переглянулся с Галей: вторично тени прошлого пронеслись над ними.

— Расскажи еще, — тихо попросил Карлос. — Расскажи про свою «Акулу». Это правда, что вы хотите освободить моря от хищников?

— Правда, Карлос. Если испытания пройдут успешно, можно будет начать истребление акул во всех морях и океанах.

— Большая радость рыбакам. Акулы берут половину улова — так говорят наши старики.

— Думаю, что гораздо больше, — возразила Галя. — Особенно в здешних водах. Они очень прожорливы и очень долговечны. Когда их не станет, рыбные запасы должны возрасти во много раз.

— Так и будет. Я видел, галанос кинулись к вам, как собаки на свист. Порядок!

— Нектробиотические лучи, Карлос. Мы записали их еще в Северном море, возле смертельно раненного большого тунца. А сегодня я нажал только кнопку, и акулы устремились к нам. Можно еще увеличить эффект, послав лучи че-

рез усилитель... Хочешь, послушаем? — он притянул к себе пластмассовую коробку с овальным вырезом динамика — передатчик для управления и связи с акулой.

— Потом, — остановила Галя. — Не прерывай запись.

— Старики говорят: акула идет на кровь, — сказал Карлос.

— Очевидно, так и есть, — подтвердила Галя. — Но это не все. Давно замечено, что акулы бросались к своей жертве быстрее, чем запах крови мог достичь их. Высказывались всевозможные догадки, в том числе об упругих колебаниях, расходящихся в воде от бьющегося в агонии тела. Однако главное — теперь мы убедились — нектробиотические лучи.

— Нек-тро...

— ...био-ти-чес-кие лучи, — подсказала Галя.

— Нектро-биотические лучи. Нектробиотические. Трудное слово. Но я запомню.

— Запоминай, Карлос, пригодится, — Виктор дружески взял его за локоть. — Мы заберем тебя с собою в наш институт. Там изучается воздействие на живые организмы всех видов излучений — световых, звуковых, ионизирующих.

— Я так мало учился...

— У тебя все впереди, Карлос. Виктор прав: мы обязательно возьмем тебя. Если ты только пожелаешь. Порядок?

Большая черепаха уткнулась в землю метрах в пяти от них и энергично заработала передними лапами, взрыхляя грунт. Задние конечности так же быстро отбрасывали его в сторону.

— Настоящий экскаватор, — заметил Виктор.

— Да, это механизм, — медленно произнесла Галя. — Бездумный механизм. Но, скажите, кто настраивает его, программирует?

— Не зря же мы построили «Акулу», — сказал Виктор. — Я уверен, она поможет нам подобрать ключик к этой и еще ко многим-многим тайнам...

Карлос не отрывал взгляда от упорной черепахи.

— Механизм, правильно — механизм. Ничего не понимает. Можно взять яйца, прямо из-под нее взять, ничего не заметит. Зароет пустую ямку, заровняет песок, уйдет в море. Механизм.

— Проверим? — предложил Виктор.

— Нет, нет, не сегодня,— решительно возразила Галя.— Пусть все протекает в нормальных условиях. Ведь мы включили «уши».

— Хорошо,— согласился Виктор.— Тогда предлагаю на боковую.

— На боковую? — не понял Карлос.— Какую боковую?

— Остроумные товарищи так выражают желание поспать,— пояснила Галя.

— Вот именно. Как говорится, утро вечера мудреней.

* * *

Виктор проснулся среди ночи и с удивлением прислушался к тихой музыке, рождавшейся где-то невдалеке.

В полном недоумении он приподнял голову. Карлос бодрствовал! Сидя чуть поодаль на большом базальтовом осколке, юноша осторожно перебирал струны неизвестного инструмента. Тлевший в ногах костер еле освещал его темную фигуру, застывшую на звездном фоне.

— Разбудил? — смущенно спросил Карлос, когда Виктор подошел к нему.— Не спится, понимаешь...

— Понимаю,— протянул Виктор, взглянув на неизменный автомат, лежавший на камне рядом.— Разве есть опасность?

— Нет, но...— Карлос приподнял свой инструмент, и снова ритмичные, волнующие звуки поплыли в ночи.

«Банджо,— догадался Виктор, приглядываясь к инструменту.— Это банджо. Карлос захватил его с собой...»

Отсюда, с камня, хорошо были видны и выход из бухты, и открывающееся за ним море — темное ничто, кончавшееся там, где Млечный Путь уперся в горизонт.

— Отдохни, Карлос. Я подежурю.

— Нет,— возразил юноша.— Это моя работа.

Бухта дышала. Звездный свет колебался на ее поверхности в такт волшебному напеву банджо. И какие-то смутные тени тоже колебались на берегу между стволами пальм. Несколько минут Виктор, как замороженный, молча наблюдал за их игрой.

— А черепахи? — спросил он.— Уже ушли?

— Ушли,— продолжая перебирать струны, ответил Карлос.— Теперь вернутся завтра.

— Надо выключить «уши»,— решил Виктор.— Зря расходуется энергия аккумуляторов.

Он спрыгнул с камня, сделал несколько шагов вперед и замер. Тени были живые! Они грациозно изгибались в ритме нежных звуков, рождавшихся под пальцами юного кубинца, на мгновение замирали и вновь продолжали свой медленный, жуткий танец.

— Змеи! Это змеи, Карлос!

— Змеи? — мелодия оборвалась, и тени тут же замерли.— Что это — змей?

— Змеи... Ну, понимаешь...— Виктор замаялся, не зная, как объяснить незнакомое слово юноше. Как на грех, и английское выражение вылетело из головы. Внимательно глядя под ноги, он отступил к костру.— Это... это...

— Вибрас! — внезапно догадался Карлос. Он подбросил в костер охапку сушняка, и разом ожившее пламя ярко осветило все вокруг. Жирные черные плети нехотя отползли в тень.— Вибрас! — повторил он.— Вернее, серпентос². Как ты назвал их?

— Змеи,— Виктор был не в силах оторвать взгляда от зловещих гадин.— Надо разбудить Галочку,— спохватился он.

— Зме-и,— по своей привычке повторил Карлос.— Зме-и... Пусть спит сеньорита Галя. Они уходят.

Виктор с сомнением оглянулся.

— Хорошо. Пусть спит.

Выхватив из костра пучок горящих сучьев, Виктор тщательно осмотрел стоянку.

— Надо перенести костер сюда.

— Да-да.

Они устроились на новом месте, в нескольких шагах от спящей. Правда, отсюда не было видно бухты, но сейчас это их тревожило мало: на берегу неплохие сторожа!

Костер освещал широкий круг. Змей не было больше заметно, и это на время успокоило Виктора. Пусть спит сеньорита Галя!

Внезапно Карлос схватил его за плечо.

— Слышишь?

Да, он слышал, отчетливо слышал какие-то неясные шорохи, какое-то кла-

¹ Змеи! (исп.)

² Ядовитые змеи (исп.).

цание, сопение... Что-то происходит там, за дюной, отделяющей их от пляжа.

— Что это?

— Не знаю,— признался Карлос. Он был смущен, очень смущен. Ведь это его остров!— Не знаю. У нас, на Кубе, почти нет змей.

— Да,— кивнул Виктор.— Я читал.

Карлос приподнялся, взглянул через костер, затем осторожно взобрался на дюну.

— Они... кушают,— вернувшись, сообщил он.

— Кушают?— несмотря на серьезность положения, Виктор не мог удержаться от улыбки. Змеи кушают!

→ Я не так сказал?

→ Все правильно, Карлос. Просто, несколько необычное словосочетание.

— Они кушают яйца.

— Яйца черепах?

— Да,— Карлос задумался.— Видимо, на остров случайно попало несколько... серпентос. Они размножились. Наверно, так?

— Наверно, так.

Но оба думали в это время о другом.

— Скажи-ка, Карлос, кто он, этот твой пейзаж, что за человек?

— Рамос Кандидо? Сын нашего бывшего терратениентас. Как это сказать? Хозяин земли... У вас, по-моему, нет слова.

— Слово-то у нас есть. По-русски это помещик.

— Он остался с нами. Не помещик, нет. Сын, Рамос. Не удрал. Учится в Гаване.

— Учится?

— В Национальном университете. Он изучает... пескадос. Рыба.

— Ихтиолог... Ну, а что делает здесь?

→ Он объяснил так: ловит марлина. Нужен хороший экземпляр для музея.

→ Ловит марлина? Меч-рыбу? Понятно...

Они прислушались к долетающим из-за дюны звукам.

— «Акула» тоже их слышит,— задумчиво говорит Виктор.

— Интересно пойти с ней в море,— вздыхает Карлос.

— В следующий раз мы обязательно заберем тебя.

→ Нельзя,— Карлос погладил лежащий на коленях автомат. Банджо висело сейчас у него за спиной.— Нет, нельзя.

На рассвете просыпается Галя. При виде встревоженных лиц товарищей шутовское замечание замирает на губах.

— Порядок?— неуверенно спрашивает она Карлоса.

— Нет,— отрицательно качает головой юноша.— Порядок — нет.

Втроем они поднимаются на дюну, усаживаются на прохладном отсыревшем за ночь песке. В слабом свете занимающегося дня Галя замечает странные сероватые водоросли, видимо, выброшенные на берег ночью. Хотя нет, они слишком далеко разбросаны от линии прибоя, покрыли собой чуть ли не весь пляж! А потом, что это за непонятные темные кочки. Что произошло здесь?

— Змеи,— кратко отвечает Виктор.

— Змеи?!— Галя с недоумением смотрит на товарищей.— Но откуда они? Виктор пожимает плечами.

— Здесь не должно быть змей!— продолжает горячиться Галя.— И потом, вчера ведь мы не встретили ни одной...

Вскочив на ноги, она сбегает с дюны.
— Осторожно, Галка!

Но Галя только нетерпеливо отмахивается. Биолог она или не биолог? Кто же разберется здесь лучше нее? Конечно, это не змеи. Всем известно, на Кубе они не водятся. Очевидно, какие-то обитатели морских глубин, выброшенные на берег, и...

Внезапно она замирает возле того, что приняла было за кочку. Перед нею черепаха! Великолепный экземпляр зеленой черепахи, бездыханной, окоченевшей, уткнувшейся оскаленной мордочкой в песок, с беспомощно растопыренными лапами. Однако с этими «водорослями» надо быть поосторожнее...

— Нет, нет, не подходите,— бросает она через плечо, услышав за спиной торопливые шаги.— Можете только помешать.

Она делает еще несколько шагов. Толстые, жирно блестящие жгуты медленно шевелятся. Из ближнего клубка навстречу с шипением поднимается плоская змеиная головка. Рубиновые крохотные глазки злобно сверкают.

— Гремучая,— говорит Галя, испуганно отступая.

— Кротало?!— шепчет Карлос.— Укусит — смерть!

— Они сейчас слегка оцепенели от утренней прохлады. Оживут с первыми лучами солнца.

Виктор подходит с решительным видом.

— Попытаемся забраться на катер.

— Нельзя,— останавливает его Галя.— Об этом сейчас нечего и думать.

Она осторожно продвигается на шаг, и сразу же несколько гадин с яростным шипом взвиваются ей навстречу.

— Видишь? Они не так уж спокойны. И разбросаны по всему берегу.

— Но что-то надо делать. Ты сама сказала — с первыми лучами солнца...

— Уже,— говорит Карлос.— Смотрите!

Над серо-зеленой гладью моря появляется малиновый и совсем неяркий в туманной дымке кусочек солнца. Он на глазах растет, набухает, вытягивается в какое-то странное приплюснутое яйцо, тусклое и никак не похожее на великодушное дневное светило.

— Они забьются по своим норам,— говорит Виктор, но в голосе его нет уверенности.— Вчера-то днем мы ни одной не встретили?..

Мерзкие клубки между тем шевелятся все быстрее и быстрее. Они расплетаются на гибкие, длинные, пока еще вя-

лые плети; хитиновые «погремушки» на хвостах издают негромкий характерный треск.

— Все равно днем они уйдут в укрытие,— упрямо повторяет Виктор.— А пока нам следует убраться от них подале.

Галя с ним соглашается. Лучше переждать, в жару эти твари обязательно прячутся.

— Эмпэ? — предлагает Карлос и указывает на облюбованную им скалу.

Виктор поддерживает его. НП, так НП! Правда, там не так уж комфортабельно, но для обороны самое подходящее местечко. В крайнем случае, по примеру предков, можно метать камни на голову осаждающих.

В шутовском тоне Виктора все же проскальзывает тревога, и Карлос замечает это. Сейчас он себя ругает, вспоминает свой разговор по радио. «Порядок, порядок!» Нет, не следовало употреблять вчера излюбленное словечко!..

Они быстро собрались. Это было отступление, скорее похожее на бегство. Взяли немного — продукты, выносной передатчик «Акулы», большую флягу с водой.

Карлос прихватил даже уцелевший хворост и разбросал его на последней «ступеньке» перед площадкой, призванной служить им убежищем.

— Мне кажется, это зря,— заметила Галя, разгадав его намерение.— Змеи, конечно, не последуют за нами.

— Я бы за них не поручился,— возразил Виктор.— Мне кажется, эти твари способны на любые трюки.

Карлос предложил принести походные койки — в случае нужды их тоже можно использовать для оградительного костра.

— Это совершенно невероятно,— пожалала плечами Галя, но к товарищам присоединилась.

Однако было уже поздно. На их ночной стоянке хозяйничали змеи. Ожившие гадены проворно шныряли среди разбросанного имущества, оплетали пальмовые стволы, будто забавляясь, прыгали на раскладушки.

Внезапно одна из них развернувшись пружиной метнулась на неосторожно подошедшего Виктора. Застигнутый врасплох, он бросился в сторону и поскользнулся. Галя вскрикнула от ужаса, но Карлос успел сорвать с плеча свой

неразлучный автомат. Короткая очередь — и змея с перебитым хребтом распласталась на песке.

При звуке выстрелов остальные змеи насторожились, как по команде, приподняв головы. Толстая, почти двухметровая гремучка соскользнула с брезента раскладушки и медленно, с какой-то страшной деловитостью заскользила к людям. Несколько гадин присоединились к ней.

Карлос опять поднял автомат.

— Нет,— остановил его Виктор.— Подожди.

Пятясь, не сводя взгляда с жутких своих преследователей, они вернулись на площадку. Змеи все так же не спеша скользили с камня на камень.

— Можешь бить одиночными? — спросил Виктор.

— Еще бы! — гордо ответил кубинец.— Имею четыре приза.

Опустив ствол автомата на плоский камень, Карлос тщательно прицелился и выстрелил. Возглавлявшее преследователей двухметровое страшилище забило с раздробленной головой. Еще несколько выстрелов — и с остальными змеями было покончено.

— Да ты отличный стрелок, Карлос,— обрадовался Виктор.— Ни одной пули не пропало даром!

— С такого расстояния... — пробормотал польщенный юноша.— И они шли так медленно.

— Да, если они бросятся всей массой, придется туго. Много у тебя патронов?

Карлос молча вытянул из карманов две запасные обоймы.

— Негусто,— заметил Виктор.— Будем надеяться, что новых атак не последует. А что скажет сеньорита Галя?

— Ничего, совсем ничего не понимаю,— призналась девушка.— Змеи почти никогда первыми не нападают на человека. Обычно они только обороняются. Даже гремучки и кобры. Ну, а чтобы они вот так преследовали людей — такие факты вообще не известны.

— Проклятые,— сказал Карлос, глядя вниз.— Съели яйца и уничтожили зеленых. Тортугас не придут больше.

Берег хорошо просматривался с высоты. Повсюду виднелись мертвые черепахи, песок был взрыт их глубокими следами.

— Смотри-ка! — воскликнул Виктор.— Они определенно что-то затевают.

Змеи сползались со всего острова. Внизу, под скалой, они прямо кишели каким-то фантастическим жирным варевом. Оттуда то и дело выплескивались вверх извивающиеся плети. С каждой минутой кипение все усиливалось, движения их делались все яростней и стремительней. Вот целая дюжина змей, выскочив на нижнюю ступень естественной лестницы, быстро заскользила вверх. Карлос вскинул автомат и очередью смел их с камня.

— Они стали быстрыми,— как бы оправдываясь, сказал юноша и заменил обойму.— Одиночными не успеть.

— Порядок,— ободрил его Виктор, но тут еще дюжина змей метнулась на камни.

— У кого есть спички? — спросила Галя.

— Правильно,— подхватил Виктор.— Мы запалим костер и побережем оставшиеся патроны.

Отложив автомат, Карлос вытащил коробок. Змеи приближались. Ловко перебрасывая с камня на камень свои гибкие, пружинистые тела, они легко одолевали подъем. За первой группой все новые и новые гады выползали на ноздреватый базальт.

— Можно подумать, что их кто-то гонит на нас,— прошептала Галя.

Змеи были уже почти рядом, когда Карлос чиркнул сразу несколько спичек. Хвост вспыхнул, как порох: пламя взвилось, и змеи отпрянули, заметались перед ним.

— Они уйдут,— неуверенно произнесла Галя. Никто не ответил ей.

Нет, они вовсе не собирались уходить. Одни из них нетерпеливо шныряли вдоль огненной завесы, другие, приподнявшись на хвосте и раскачиваясь, смотрели на людей злобными немигающими глазками.

— Костер прогорит быстро,— Виктор указал на прозрачное от жара пламя.— Но камни раскалятся и некоторое время еще будут ограждать нас.

Он обернулся к Карлосу.

— На который час, ты говорил, назначен радиосеанс?

— На семь тридцать,— сразу оживился Карлос.— Порядок! Осталось сорок минут. Забеспокоятся, что нет меня в эфире, и вышлют катер. Или вертолет. Это быстро, тут недалеко.

— Ты уверен?

— Обязательно. Мы так договорились. На всякий случай.

— Хорошо,— кивнул Виктор.— Часа полтора-два мы наверняка продержимся.

Это — для Гали. А в самом деле? Полтора-два часа! Легко сказать! Он уже успел осмотреться здесь, на каменном энпа. Со всех сторон — отвесные скалы, шесть метров глубины и острые обломки из воды торчат. В случае чего придется, конечно, прыгать. Ну, они с Карлосом — ладно. А Галка, Галочка?..

Солнце уже давно оторвалось от горизонта. Сейчас оно висело над морем сверкающим медным диском; золотая дорожка протянулась по воде до самого подножия скалы.

— Спрыгнуть бы на нее и убежать,— улыбнулась Галя, отрывая на минуту взгляд от затухавшего костра.

— Слушайте! — насторожился Карлос. С моря доносился далекий рокот мотора. самого суденышка не было видно: оно шло со стороны солнца, и контур его расправлялся в золотой дорожке.

— А если это они? — сказала Галя, и все подумали об одном и том же: франтоватый молодчик с приторной улыбочкой, его загадочный молчаливый спутник...

Костер угас. Последняя веточка, вспыхнув, рассыпалась мелкими угольками. Карлос приготовил автомат. Одна только горсточка горячей золы отделяла их сейчас от скопища ядовитых гадин.

— Они готовятся, — предупредил Виктор.— Смотрите, сбиваются на одном участке. Видимо, в этом месте камни не так сильно раскалились.

— Им это угадать совсем нетрудно,— подтвердила Галя.— Температуру они определяют с точностью до одной тысячной градуса.

— Великолепный термометр! Я бы не прочь включить его в комплекс нашей «Акулы»

— Берегись, Карлос! — внезапно крикнула Галя.

Но молодой кубинец был наготове. Точной очередью он рассек трех гремучек, сгрудившихся для прыжка. Новая очередь — новые змеи шлепнулись на горячий камень. Еще и еще — Карлос бил, пока не кончилась обойма. Живучие гадины извивались, как на раскаленной сковороде.

— Первый штурм отбит,— резюмировал Виктор.— А вот и спасатели.

Да, это был вчерашний бот. Он уже покачивался под скалой внизу.

— Хелло, джентльмены! — на сей раз Рамос Кандидо изъяснялся по-английски. — Что за пальба? Уж не напали ли на вас пираты?

— Хуже, — по-английски же ответил Виктор. — Мы отбиваемся от змей.

— От змей? Может быть, вам помочь?

Молодые люди переглянулись.

— В конце концов это ж люди, — шепнула Галя. — Люди, а не кулеброс. Да и вообще кто доказал, что они к чему-либо причастны?

Смутная догадка связывала их с появлением массы змей на островке, лишенном даже питьевой воды.

— Выбора нет, — согласился Виктор и крикнул вниз: — Спасибо. Ваша помощь будет нелишней.

Снизу ответили не сразу — было видно, что прибывшие о чем-то тихо спорят.

Галя первая заметила новую опасность.

— Не отвлекайся, Карлос.

Молодой кубинец проворно обернулся. Змеи, раскиданные его стрельбой, опять скоплялись на всех уступах базальтовой лестницы. Движения их были уже не так стремительны, но все же они упорно ползли вверх.

— Дает себя знать жара, — сказала Галя. — Гремучая змея — ночной хищник.

— Порядок, — Карлос занял позицию для стрельбы с упора. — Теперь можно одиночными.

— Последняя обойма, — пробормотал Виктор. — Что они шепчутся там внизу?

— Хелло, джентльмены! — донеслось оттуда. — Ловите.

Краснолицый толстяк с неожиданной ловкостью метнул веревочную петлю, и она упала на площадку.

— Другого оружия у нас нет, — объяснил кабалеро, подвязывая к концу бечевы гарпун. — Вы сохранили еще патроны?

— Немного, — признался Виктор. Поведение этих двух теперь побуждало к откровенности. — Совсем немного...

— Держитесь, — ободряюще улыбнулся Рамос. — Мы обойдем вокруг и постараемся отвлечь кулеброс, чтобы освободить вам путь на катер. В крайнем случае, подгоним его сюда и поможем спуститься.

— Видишь? — шепнула Галя. — Я ж говорила.

— Спасибо, — крикнул Виктор, вытягивая гарпун. — Но, если хотите помочь нам, поторопитесь.

Бот устремился к входу в бухту. Карлос меткими выстрелами продолжал поражать скользивших по камням кулеброс.

Наконец патроны кончились. Юноша рывком вскочил на ноги.

— Все! — воскликнул он, с досадой опуская бесполезный автомат. — Что теперь?

— А вот что! — Виктор размахнулся и плашмя метнул закрепленный на бечеве гарпун. Железо загремело по камням, раскидывая змей.

— Мы еще поборемся, — заявил он, вытягивая гарпун назад. — Повоюем.

— Недолго, Витя, — тихо возразила девушка. — Ты только раздражишь их. Впрочем... Погоди-ка, погоди...

Что-то произошло со свирепыми их преследователями. Агрессивность исчезла. Змеи мирно располагались на камнях, и только те из них, мимо которых брэнча проскакивал гарпун, вскидывали головы и молниеносными движениями клевали неуязвимое железо. Одна не выдержала, впилилась мертвой хваткой в веревочный узел, охватывающий рукоятку гарпуна, несколько метров проволоки следом, но и она отстала наконец.

— Смотри-ка, угомонились, — Виктор подхватил гарпун. — А как там наши спасатели?

В горячке они не сразу заметили, что рокот мотора смолк. Бот тихо покачивался посреди бухты. Рамос, балансируя на корме, наводил на них киноаппарат. В тишине был даже слышен треск заводного механизма.

Это было так неожиданно, что они только растерянно переглянулись.

— Эй! Что вы делаете? — закричал Виктор.

Рамос опустил киноаппарат.

— Неповторимые кадры, — сверкнул он своей ослепительной улыбкой. — С гарпуном против кулеброс! Поверьте, вы были просто великолепны, когда метнули свое грозное оружие.

Ответ был откровенно издевательским, но Виктор заставил себя сдержаться. Этот тип опаснее кулеброс. Хотя и явный позер. И пустобрех. Пусть рас-

пускает перья. Надо его здесь задержать подольше.

— Вы молчите? — продолжал тот издеваться. — Удивлены, что не спешу на помощь? Понимаете, не могу уломать товарища. Он ужасный трус, этот гринго. И ни за что не соглашается сойти на берег.

— Один патрон, — простонал Карлос. — Хотя бы один патрон!

— Спокойно, — остановил его Виктор. — Пусть разглагольствует. Чем дольше, тем лучше. Нас, вероятно, уже хвятились.

Вот этого, видимо, не следовало делать. Едва Виктор поднял руку и отогнул рукав, кабальеро засуетился:

— Вы смотрите на часы? Да, да, радиосеанс, конечно. Спасибо, что напомнили, а то я тут с вами заболтался. И так, привет товарищам? Сейчас, сейчас...

Мотор затарахтел, и бот рванулся к берегу.

— Он знает позывные и время! — Карлос в бессильной ярости стиснул автомат. — Подслушал мою радиопередачу вчера и знает все.

— Будем надеяться, что ему не удастся наших обмануть, — без большой, впрочем, уверенности произнес Виктор.

Змеи, уютно расположившиеся на камнях, казалось, совершенно успокоились. Однако осада продолжалась. Стоило только сделать шаг в их сторону, как

Встреча с моржами

Добравшись на тракторе до самого северного поселка Ингоун, на побережье Чукотского полуострова, я наблюдал охоту на кита. А на восьмой день, когда на побережье стих ветер и Чукотское море перестало швырять пенные волны на скалы Ингоунской горы, произошла новая встреча — с моржами.

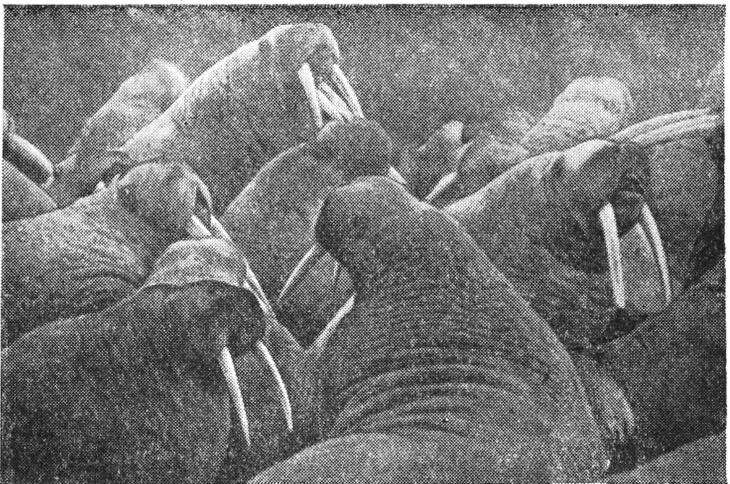
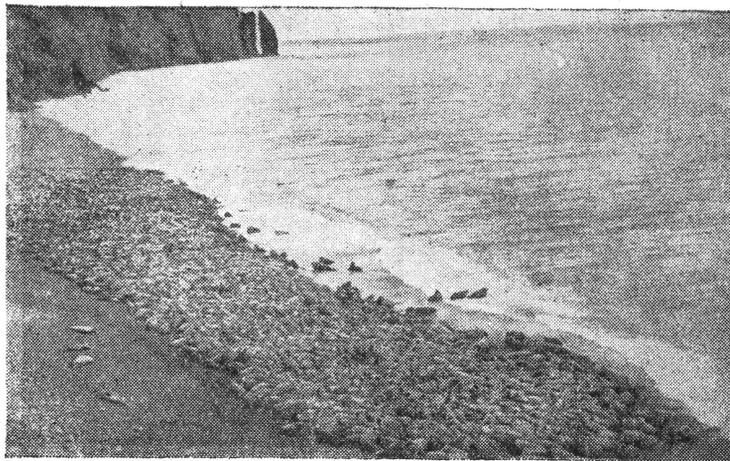
Откуда-то со стороны Аляски приплывали они парами, по четыре, а то и целым стадом — то чернея на волнах, то скрываясь в пучине.

Моржи трубили о своем прибытии и, казалось, восторгались выгнувшимся вдруг солнцем. Они вылезали на песок, с трудом делали несколько шагов, потом падали и сразу засыпали, плотно прижавшись друг к другу. Так росло лежбище, вытягивалось, ширилось у подножия горы.

На снимке: Ингоунское лежбище моржей.

Забеспокоилось стадо: донеслись тревожные звуки.

Текст и фото
Б. КОРОБЕЙНИКОВА

ближайшие гадины с шипением развали пасти, обнажая страшные, загнутые внутрь ядовитые зубы.

— В случае чего еще разок пустим в ход гарпун,— предложил Виктор.— И попробуем пробиться.

— Этот тип уверен в безуспешности таких попыток,— заметила Галя.— Иначе он не вооружил бы нас.

— Как раз неплохо, что он так уверен. Мы еще повоюем. Верно, Карлос?

— Повуюем.— Несмотря на безнадежность положения, молодой кубинец и не думал унывать. Не выпуская из рук разряженного автомата (на спине до сих пор еще болталось захваченное впопыхах банджо), он зорко следил за лодкой, только что отвалившей от их маленького катера.

— Доберусь, все равно доберусь до этих каналлас¹,— упрямо твердил он.

Рамос Кандидо остановил бот на прежнем месте посреди бухточки.

— Наилучшие пожелания и привет,— кричал он, едва смолк рокот мотора.— Слышите? Это передают ваши товарищи. Следующий сеанс завтра, в это же время. Но вы не тревожьтесь, я проведу его. Порядок!

— Пожалуй, он не врет, Карлос,— сказал Виктор.

— Нет, не врет.

— Зачем мы слушаем?— возмутилась Галя.— Ну зачем? Разве не видите, он хочет поиздеваться.

— Будем гуманными, — без улыбки заметил Виктор. — Ему столько времени пришлось молчать... Дадим выговориться.

Они присели на краю скалы. Рамос будто только этого и ждал. Подтолкнув веслами лодку ближе к скале, он расположился на корме, в то время как его молчаливый спутник невозмутимо перебирал снасть.

— Как там поживают мои маленькие питомцы?— начал он, картинным жестом извлекая портсигар.— Греются на солнышке? Великолепно. Но я не хочу вводить вас в заблуждение. Через каких-нибудь полчаса все будет кончено: атака повторится и в других масштабах. Да, да, мне жаль, конечно, но, увы, наука требует жертв. Ваш приезд оказался очень кстати. Мы с моим другом гринго

и мечтать не смели о подобном опыте. Очень-очень кстати... Однако вам должно быть интересно, что все это значит? Охотно удовлетворю законнейшее ваше любопытство. Сейчас это уже безразлично. Пусть этот маленький сюрприз хоть частично вознаградит за неприятности, которые ждут вас через полчаса... виноват, через двадцать пять минут. Разумеется, вы уже и сами догадались: кулеброс неслучайно облюбовали сей пустынный островок. Сказав, что здесь не обошлось без вашего покорного слуги, я не удивлю вас. Но, да будет вам известно, сегодня вы были свидетелями величайшего триумфа своей гипотезы заколдованных струн!

Рамос замолчал, откровенно наслаждаясь достигнутым эффектом. Последние слова его и впрямь поразили молодых ученых. Чудовищной нелепостью звучало само упоминание о струнах в устах этого фанфарона. И в то же время... Да, да, оно только подтверждало смутные, не высказанные еще догадки.

— Видишь?— шепнул Виктор.— Я говорил, его следует послушать.

— Не ожидали?— с торжествующим смехом продолжал этот молодчик.— Не думали, что в свободном мире у вас найдутся преданные ученики и верные последователи? А между тем так оно и есть. Как видите, семена ваших идей падали на благодатнейшую почву. Вскходы налицо, великолепные, я сказал бы, всходы. Не буду хвастать, роль моя не так уж велика. Один из скромных лаборантов, только и всего. Но это лишь подчеркивает величие предприятия. Таких тайничков у нас десятки! И вы нам очень помогли. Кстати, и «Акула» ваша пригодится нам для дальнейших опытов.

— Трусливый пес!— Карлос кинулся к гарпуну, но твердый каблук скользнул по камню, и кубинец упал, ударившись о базальт висевшим за спиной банджо. Не вставая, он подтянул к себе гарпун за веревку.

Виктор остановил его:

— Может пригодиться. Да и не добросишь.

— Не сидится, дружище Карлос?— заулыбался Рамос.— Потерпи, осталось минут пятнадцать. Чтобы не скучал, могу и тебе поднести сюрпризец. Как ты сказал тогда: «рекордный урожай»? Да, знаю, урожай неплох. Но ты случайно не заметил, сколько было на часах, ко-

¹ Каналла — мерзавец (исп.).

гда кулеброс атаковали вас? Не в эту ли пору уборщики тростника выходят на плантации? Догадываешься, босяк? Вот, вот. И учти: на моих питомцах — никаких тебе фабричных марок. Никаких улик, ясно? Божьи твари.

Он больше не улыбался. Злобная гримаса не сходила с его манекенного личика.

— Божьи твари — и баста. Не кто иной, как всевышний, обрушит на отступников державный гнев свой! Это будет произнесено в храме, дружнице Карлос. Ты думаешь, среди земляков наших не осталось верующих? Посмотрим, посмотрим...

Не проявлявший до сей поры никакой активности краснолицый толстяк внезапно прервал своего приятеля. Он что-то сказал ему с недовольным видом. Рамос сделал попытку улыбнуться.

— Прошу прощения, леди и джентльмены. Мой друг гринго меня торопит. Приходится прервать нашу милую беседу. Два слова перед разлукой. Дружнице Карлос помешал договорить, отвлек меня... Итак, заколдованные струны. Слегка только прикоснулись к ним — и какой эффект! Страшилища джунглей, кулеброс, оказались податливыми, как воск. Мы сместили их суточный цикл, воспитали стремление к охоте на восходе солнца. В утренние часы наши питомцы бросаются с особой яростью и буквально на все живое! Обратили внимание, с каким великолепным упорством они преследовали вас? Впрочем, это еще не все. В любой нужный момент мы можем удесятерить их ярость, пробудить от апатии и сна. Сейчас вам это продемонстрирую. Прощайте, сеньоры. Не забывайте про гарпун. Рассчитываю на новые великолепные кадры и...

Приятель гринго, не дав ему закончить, бесцеремонно оттолкнул его и запустил мотор. Лодка рванулась с такой силой, что красноречивый кабальеро едва из нее не вылетел. Молодые люди невольно рассмеялись.

Первой обрвала смех Галя.

— Работы публиковались, это верно. Но кто мог подумать, что найдутся такие изуверы...

— О чем это ты? — насторожился Виктор.

— Наши герпетологи¹ проводили опы-

¹ Зоологи, изучающие пресмыкающихся.

ты со змеями. Результаты были очень любопытные.

— Дальше, дальше, — заторопил ее Виктор. Он не спускал глаз с бота. — Понимаешь, Галочка, я хочу предугадать их ход. Это важно.

— Но я не знаю подробностей...

— Ничего. Скажи только, чем воздействовали они на змей?

— По-моему, звуковыми волнами. Да, да, это я помню точно...

— Отлично, сеньорита Галя, — оживился Виктор. — По методу факиров!

Девушка посмотрела на него с недоумением.

— Чему ты радуешься?

— Сейчас, сейчас... Смотрите-ка, они покидают бухту.

Бот отвалил от берега, за ним на буксире потянулся катер с «Акулою» на борту.

— Пройбидос! — выругался Карлос.

— Да, это несколько усложняет дело, — спокойно заметил Виктор. — Но у нас остаются акваланги.

— В аквалангах далеко не уплывешь, — возразила Галя. — Если даже мы до них и доберемся.

— А далеко нам плыть и не придется. Эти милые сеньоры оставят остров не раньше, чем попытаются осуществить свою угрозу.

Верный себе франтоватый негодяй, поравнявшись со скалой, галантно приподнял шляпу. К удивлению товарищей, Виктор приветливо помахал ему в ответ.

— Будем взаимно вежливы, — пояснил он с улыбкой и в тот момент, когда бот скрылся за камнями, проворно вскочил на ноги.

Галя и Карлос машинально последовали его примеру.

— Прими у Карлоса автомат. Скорее, — распорядился Виктор. — А твоё оружие — за спиной.

— Ты думаешь... — снимая банджо, загорелся Карлос. — Так, я читал, делают укротители змей...

— Да, да, скорее. Не забыл мелодию?

— Еще бы!

Карлос привычно вскинул руку и ударил по струнам.

Музыки не было. Струны ответили коротким жестяным звуком. Они ослабли и дребезжали, потому что был надломлен гриф. Вернее, не надломлен, а сломан. Карлос растерянно пошевелил

его и отпустил. Гриф отвалился и закачался у земли, повиснув на струнах.

— Все, — сказал Карлос. — Нельзя починить.

— С ума оба посходили! — возмутилась Галя. — Что вы задумали?

— Уже ничего, — сказал Виктор. — Теперь остается только гарпун... Хотя...

— Что «хотя»?

— Сейчас... Ты как следует подзарядила батарею?

— Я просто поставила запасную, старая не годилась.

— Отлично.

— О-о, я понял, — тихо сказал Карлос. — Но, когда она заиграет, они ее могут испортить.

— Она там будет молчать, — ответил Виктор. — Дадим звук только на динамик.

Галя смотрела на них как на помещанных.

— Сеньорита Галя все поймет, — улыбнулся Карлос. — Она просто еще не знает. Она крепко спала ночью, когда я играл.

Виктор быстро вращал тумблер. Зеленые лучи в глазке индикатора метались, как усики рассерженного таракана. Из динамика донеслись ночные шорохи, шум листвы, глухие толчки тяжелых черепаших тел.

Потом пропела струна.

Виктор до предела усилил громкость. Это была та самая мелодия, которую Карлос играл ночью.

— Смотри туда, — Виктор кивнул на лестницу. Кулеброс медленно приподнимались на хвостах, плавно раскачиваясь в такт аккордам. — Вперед! Жаль только оставлять передатчик.

— Возьмем с собой? — быстро спросила Галя.

— Нельзя рисковать — сказал Карлос. — Кулеброс пойдут следом. А музыка короткая.

Они спустились, осторожно обходя жутких танцоров.

— Скорее, скорее, — поглядывая на часы, торопил Виктор. Вдвоем с Галей они собрали акваланги — для всех троих — и устремились к берегу. Балло-

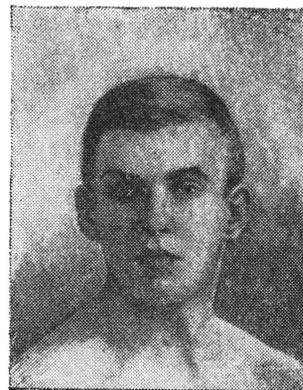
Первые пермские чемпионы

В 1913 году после циркового чемпионата французской борьбы в Перми остался борец В. Кречет (Панюков). Он решил продолжить занятия, которые проходили в его так называемом атлетическом кабинете. (Преграждены они были из-за отсутствия средств). Сняли квартиру из двух комнат верхнего этажа дома Котельниковой, на углу улиц Покровской и Камышловской, ныне Ленина и Крысанова. Половину меньшей комнаты занимала канцелярия, а другая часть служила гардеробной. Во второй комнате — зале, помимо атлетического инвентаря, лежал большой мат-ковёр из морской травы — дар горячего поклонника борьбы и

гиревого спорта юриста К. К. Павлова. Здесь и проводилось первое состязание на первенство Перми, в котором участвовали 26 борцов. Младшим по возрасту (17 лет) был я, а старшим — П. Ушаков (35 лет), по профессии портной. Помещение не было приспособлено для широкой публики, поэтому, кроме членов кружка, присутствовали лишь десять приглашенных болельщиков.

Каждый прием, контрприем, удача вызывали шумную реакцию присутствовавших. Чтобы добиться победы, надо было, поймав соперника, удержать его на лопатках не менее трех секунд. Мне посчастливилось стать первым чемпионом родного города в легком весе. В среднем весе первенствовал Борис Шаньгин — учащийся реального училища. Чемпионом Перми в тяжелом весе стал Николай Ситников.

Кабинет-школа Кречета просуществовала до февраля 1914 года и закрылась опять-таки из-за отсутствия средств. Если в 1913 году у нас было всего 30 борцов, то теперь их в области свыше 1500. 22—24 ноября Пермь отметила 50-летие состязаний большими соревнованиями по классической борьбе.

Ю. Полянин

Н. Ситников

Ю. ПОЛЯНИН

ны пристегнули прямо на одежду. Захватив снаряжение Карлоса, шагнули в воду. Со скалы продолжала звучать печальная песня струн. Где-то за скалистыми мысом шел катер диверсантов, не подозревавших, что они тащат за собой на буксире собственную гибель. Кристаллы «Акулы» неслышно посылали в эфир ночную звукозапись, а на скале в медленном танце окружали брошенный передатчик черные кулеброс — покорные непонятной силе струн, забывшие о своих жертвах.

— Это колдовство, — прошептала Галя. Она все еще не могла прийти в себя от изумления.

— Скорее! — торопил Виктор. Они помогли облачиться Карлосу и нырнули, зажав в зубах мундштуки трубок и нажав маску.

Когда миновали рифовый барьер, Виктор всплыл, жестом предложив товарищам оставаться под водой. Оба суденышка он заметил сразу — они покачивались метрах в пятидесяти от пловцов. Диверсантов не было видно.

«Порядок» — улыбнулся он, и в этот миг откуда-то сверху грянула музыка. Это был дикий поток звуков — визг и скрежет, разбавленный трубными воплями и барабанным боем. Заметив направление, Виктор нырнул.

Они вынырнули, только разглядев над головами днища лодок. Их катерок свободно болтался на буксире позади бота, притянутого к берегу.

— Быстро в их лодку! — скомандовал Виктор. Он освободил якорек из гальки. Извилистый проход вел в глубину скал и вверх. Оттуда продолжала извергаться чудовищная какофония.

— Вперед! — Толкнув бот от берега, Виктор прыгнул в него. — К мотору, Карлос!

Двигатель заработал с пол-оборота. В это время в узком проходе между скалами показался болтливый Рамос. При виде Виктора он ошалело выкатил глаза. Затем рот его широко раскрылся, видимо, Рамос звал своего приятеля, но голос его тонул в диких звуках. Виктор не удержался, послал ему приветствие.

— Он позабыл здесь свою игрушку, — объяснил Карлос, протягивая Виктору портативную кинокамеру.

— Придется нам потрудиться за не-

го, — освобождаясь от акваланга, усмехнулся Виктор. — Заскочим в бухту.

Впрочем, он остановил бот на линии барьера. «Не будем искушать судьбу, — решил Виктор. — В тайничке у них наверняка припасено оружие».

Кошачий концерт неистовствовал, гремел над островом. Даже отсюда было видно, как бесновались змеи. Они взвивались черными стрелами, кружили вокруг убитых черепах, с бессильной яростью впиваясь в растопыренные ласты. Виктор старательно снимал этот шабаш, в то время как его товарищи перебирались на подтянутый кубинцем катер.

Внезапно музыка смолкла, и автоматная очередь тут же прорезала тишину. Цепь фонтанчиков возникла у самого борта.

Виктор легко перемахнул на катер и подскочил к Гале, чтобы прикрыть ее от следующей очереди, однако проворный юноша мгновенно включил скорость, и пули обрушились на опустевший бот.

— Ты перепугался за свою «Акулу»? — спросила Галя, когда выступ базальтовой скалы загородил их от огня.

Виктор промолчал, и Карлос ответил за него:

— Об «Акуле» он в тот момент не думал.

— И напрасно. Она набита сейчас ценнейшей информацией, включая великолепный джаз.

— Хорошо, что успел зацепить их шлюпку, Карлос, — сказал Виктор, глядя, как бот диверсантов прыгает за кормой на кильватерной волне. — Мерзавцам теперь не удрать оттуда. Их накроют с поличным...

— А если нужно еще вещественное до-ка...

— Доказательство, — подсказал Виктор. — Вещественное доказательство.

Он взял поднятый Карлосом кино съемочный аппарат.

— Made in USA, — прочел он четко отпечатанную на пластмассовом корпусе надпись. — Ну вот и клеймо, которого так боялся этот кабальеро, — усмехнулся Виктор. — А, если этого мало, снятые им кадры скажут сами за себя. Да и все его откровенные излияния записаны «Акулой».

Карлос улыбнулся;

— Порядок!

ГОРЯЧИЙ ОКЕАН

БУДЕТ СЛУЖИТЬ СОВЕТСКИМ ЛЮДЯМ

О «горячем океане» — неисчерпаемых запасах в земных глубинах природного тепла, которое нужно поставить на службу человеку, — я писал в номере 10-м «Уральского следопыта» за 1962 год. Тогда же, сразу, очерк был переведен на украинский язык и его опубликовал киевский журнал «Наука и життя». Кроме того, отрывки напечатали газеты «Литература и жизнь» (Москва), «Уральский рабочий» (Свердловск) и некоторые другие. Все это говорило о том значении, какое придает наша общественность быстрейшему освоению подземного тепла.

Вскоре после появления в «Уральском рабочем» статьи «Земля предлагает свое тепло» (которая, как я уже сказал, представляла «выжимку» из следопытского очерка) на очередной сессии Свердловского городского Совета депутатов трудящихся был задан вопрос руководителям горисполкома: как они относятся к этой проблеме? Ответ был довольно уклончивый, вроде того, что это сейчас неактуально, практически неосуществимо и т. д.

На Пленуме ЦК КПСС академик М. А. Лаврентьев — вице-президент Академии наук СССР и председатель ее Сибирского отделения — во всеуслышание провозгласил: есть две проблемы, решение которых особенно важно для востока

страны, и первая из них — поиск и использование подземных горячих вод...

И вот мы снова сидим в рабочем кабинете Федора Алексеевича Макаренко на улице Дмитрия Ульянова (в недавнем прошлом — Первая Черемушевская) и беседуем на эту актуальную тему. Доктор геологоминералогических наук Ф. А. Макаренко — председатель комиссии гидрогеологии и геотермии Академии наук. Мы уже толковали с ним о термальных водах около полутора лет назад. Что он скажет теперь? Как обстоит с использованием этих вод сейчас? Что сделано за истекший период?

Дела двинулись вперед! К такому выводу приходишь после первых же слов ученого.

— Что сделано? — говорит Федор Алексеевич. — Подождите, я сейчас вооружусь некоторыми материалами...

В руках у него появляется книга — монографический труд об исследованиях подземных вод, изданный недавно Академией наук, толстая папка с решениями конференций, выкладками ученых комиссий и прочим.

— А вот, пожалуйста...

Итак, что сделано.

В марте шестьдесят третьего в Москве прошло большое совещание по изучению и использованию энергии Солнца и глубинного тепла Земли, а меньше чем

через месяц — 19 апреля 1963 года — Совет Министров СССР принял постановление «О развитии работ по использованию в народном хозяйстве глубинного тепла земли», предусматривающее организацию широкой добычи и промышленного применения нового вида энергоресурсов. Обязанности «головной организации», по выражению Макаренко, возложены на Государственный производственный комитет по газовой промышленности СССР. Значительная роль отводится Госгеолкому СССР, Комитету по энергетике и электрификации СССР, Министерству сельского хозяйства СССР и Академии наук СССР.

Задачи? В первую очередь освоить тепло Земли там, где уже вскрыты термальные воды. Для этой цели на Камчатке развернулось строительство первой в Советском Союзе геотермальной электрической станции. Спроектирована вторая, большей мощности. Новосибирские ученые (молодцы сибиряки!) сконструировали машину, с помощью которой подземное тепло будет превращаться в электрическую энергию. С пуском второй геотермической станции город Петропавловск-на-Камчатке полностью освободится от завоза горючего. Экономия — 25 000 рублей (в новом масштабе цен).

Для районов отдаленных и не имеющих собственного топлива все это имеет особое значение.

Разработан план повсеместного выявления термальных ресурсов. Он уже осуществляется, «проводится», как сказал Макаренко.

В решение важной народнохозяйственной проблемы включились теплофизики, техники. Специалисты уже размышляют над тем, как зарегулировать под-

земный бассейн (подобно тому, как это делается на реках, на поверхности земли). Утверждают, что если геологи покажут такой зарегулированный бассейн артезианских вод (а геологи обещают это сделать), то можно в одном районе получить мощность Днепрогэса или даже до 10 000 000 киловатт.

Наконец, уже совсем потрясающая идея — «орошение вулканов»: закачивать воду в вулканы, чтоб потом она возвращалась нагретой до нужной температуры. Наиболее подходящий район для осуществления этой научной мечты опять же Камчатка, Авачинский вулкан, например.

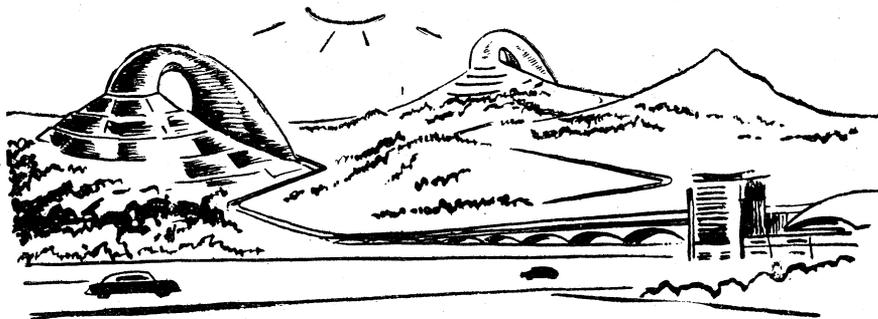
Апрель 1964 года — еще одна вежа: вновь в Москве соберутся ученые, чтобы подвести итоги и наметить дальнейшие задачи в связи с постановлением правительства.

Наши друзья — Венгрия, Болгария — тоже развивают геотермику, в первую очередь в плане удовлетворения бытовых нужд. Организация Объединенных Наций также интересуется этой проблемой, особенно важной для стран, где нет или мало топлива.

Но нам, конечно, особенно дорого, что за эту увлекательную и многообещающую проблему вплотную взялись у нас, в СССР. Жаль только, что в этом хоре плохо слышны голоса уральцев. Горногеологический институт Уральского филиала Академии наук подготовил большой обобщающий материал по горячим источникам Урала; слово — за совнархозами Уральской зоны, за инженерами и техниками.

«Горячий океан» будет служить советским людям!

Борис РЯБИННИН;

НА ЗАРЕ УРАЛЬСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Заметки библиографа

1 марта этого года исполнилось 400 лет с того дня, когда в Москве, в первой русской типографии, созданной Иваном Федоровым, вышла первая русская книга.

А когда зародилась печать на Урале, какие первые книги вышли из-под уральского типографского станка?

Все, что издано на заре уральского книгопечатания, представляет сейчас огромную библиографическую редкость и ценность. Как правило, издания сохранились в незначительном количестве, а

некоторые дошли до нашего времени всего лишь в одном экземпляре. Больше того, отдельные перепечатанные уральские книги так до сих пор и не разысканы и известны только по названиям.

Всего в течение первого периода уральского книгопечатания — условно с 1792 по 1810 годы — было напечатано восемь изданий. Два из них до сих пор не разысканы. Поиски первых уральских книг — занятие сложное, но увлекательное. Может быть, следопытам-книжникам удастся разыскать их в библиотеках или частных коллекциях?

Первая типография

Чиновники Пермского наместнического правления 12 сентября 1791 года написали на имя генерал-губернатора А. А. Волкова не совсем обычное прошение. В нем они жаловались на то, что при организации Пермского наместничества «канцелярских нижних служителей вступило количество небольшое» — вот результат: горы неразобранных дел.

«Дел же по наместническому правлению, — писали чиновники, — бывает в производстве великое количество, от чего в переписке, а паче исходящих дел, происходит медленность».

Единственным выходом из создавшегося положения, по мнению пермских чиновников, было бы заведение в Перми собственной губернской типографии, тем более, что «онье, именным ее императорского величества указом, данным Сенату в 15 день января 1783 года, заводить всякому, яко фабрики, позволено...»

Чиновники, по-видимому, были не совсем в курсе событий: как раз к этому времени в Петербурге власти разгромили типографию великого русского просветителя Н. И. Новикова, и указ 1783 года, позволяющий заводить типографии частным лицам «яко фабрики», был отменен. Ека-

терина боялась издания и распространения в России «вольнодумных сочинений»...

Генерал-губернатор А. А. Волков изъявил полное свое согласие с мнением пермских чиновников. Он обратился в типографию Московского университета с просьбой продать необходимое оборудование, а также запас шрифтов. Кроме того, Волков просил подобрать в Москве человека, желающего поехать в Пермь на должность тередорщика, т. е. печатника.

На эту просьбу «содержатель» типографии Московского университета прапорщик Окорочов ответил, что хотя сейчас у него и нет в готовности требуемого количества шрифта, но в непродолжительном времени он его достанет. Окорочов обещал продать и необходимое оборудование. Зато охотников ехать в Пермь тередорщиками никого не нашлось. Пришлось искать на месте.

Заседатель Пермского Верхнего земского суда Петр Филипов по поручению наместнического правления составил подробную смету на покупку необходимого оборудования и подыскал человека — некоего Ивана Петрова, служившего сторожем Верхнего суда, который изъявил желание учиться «тередорному мастерству».

В начале 1792 года Филипов и Петров вы-

ехали в Москву. В течение нескольких месяцев Филипов занимался приобретением оборудования и шрифта, а Петров в это время обучался искусству печатника под руководством лучших мастеров из Московского университета.

Вернулись домой, привезли с собой несколько пудов шрифта, два типографских станка, наборную кассу и другое оборудование. В середине 1792 года первая уральская типография начала свою работу.

Кроме канцелярских бумаг, в ней предполагали печатать и учебники для местных школ.

Сообщая о том, что в Перми открылась типография для «печатания указов наместнического правления», генерал-губернатор Волков просил графа Завадовского, который в это время возглавлял в Петербурге «Комиссию об учреждении народных училищ», разрешения перепечатывать необходимые учебники в Перми.

Что ответил Завадовский на это письмо пермского губернатора — неизвестно. Однако можно предположить, что он отказал в этой просьбе, так как в то время право на издание и продажу учебников имела только типография Главного правления народных училищ. Во всяком случае, учебников, изданных в Перми в конце XVIII века, обнаружить не удалось.

Что же издавалось в это время на Урале? Какой была первая уральская книга? Каковы судьбы дошедших до нас первых уральских изданий?

Сочинение штаб-лекаря Гамалея

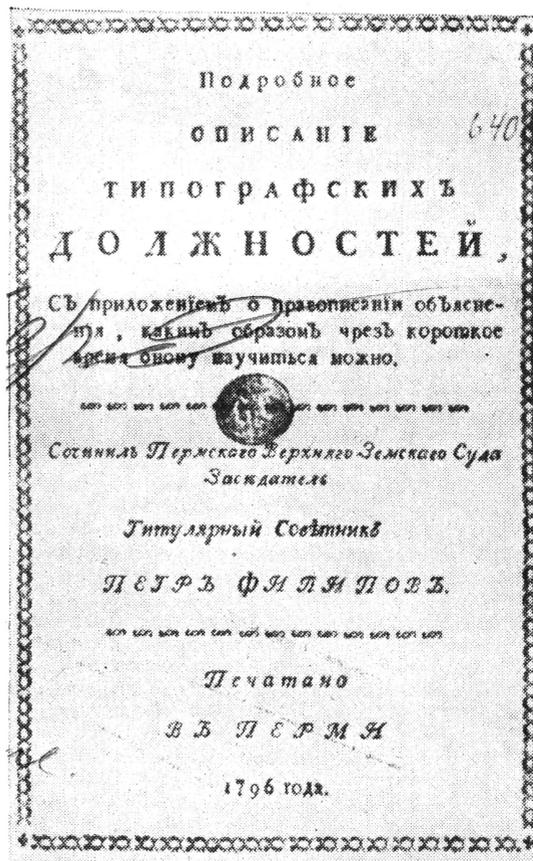
Первенец уральского книгопечатания — так с полным правом мы можем назвать эту скромную книжечку небольшого формата. На титульном листе ее напечатано пространное, как, впрочем, и на всех книгах XVIII века, заглавие:

«О сибирской язве и о ее народном лечении, с прибавлением о скотском падеже и о осторожностях, бываемых во время падежа. Сочинил штаб-лекарь Михайло Гамалея. С дозволения Государственной Медицинской Коллегии. Пермь, в типографии Губернского правления, 1792 года».

Книга эта, несмотря на примитивную типографскую технику, была издана довольно опрятно по тем временам. Даже «погрешностей», как называли тогда опечатки, в ней можно заметить очень немного. Известно, что Михайло Гамалея сам участвовал в наборе и отпечатке своего сочинения, а также «держал», т. е. правил, корректуру.

К сожалению, сведений о Михайле Гамалея сохранилось очень немного. Известно только, что в 1783 году на место первого пермского врача — доктора Карла Крока — был назначен «отправляющим докторскую должность» штаб-лекарь Михайло Леонтьевич Гамалея. Происходил он из «малороссийских», т. е. украинских, дворян и начал медицинскую деятельность в 1769 году «лекарским помощником».

Как видно уже из заглавия, сочинение лекаря Гамалея носило медицинский характер. В то время на территории Сибири и Урала разразилась эпидемия страшной болезни — так называемой «сибирской язвы». Скот погибал целыми стадами. При неосторожном обращении с заболевшими животными заражались и люди. Гамалея проявил большую энергию в борьбе с этой страшной болезнью.

Большую часть своей книги Гамалея посвятил «осторожностям и средствам от заражения оной сибирской язвы», то есть, говоря современным языком, — профилактическим мерам борьбы с ней. В книге говорилось о методах лечения, основных лекарствах, давались советы, как лучше ухаживать за больными, и т. п. Советы пермского врача, несомненно, помогли жителям Урала и Сибири повести успешную борьбу с этим страшным бедствием.

Нужно отметить также, что книга «О сибирской язве...» написана доходчивым, как сейчас говорят, популярным, языком, понятным простому люду Сибири и Урала.

Книга Гамалея дошла до наших дней лишь в 6—7 экземплярах. Они хранятся в крупнейших книгохранилищах нашей страны.

Приключения единственного экземпляра

Если вы в отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина попросите показать вам сочинение Петра Филипова «Подробное описание типографских должностей», то получите его не сразу. Со-

трудник отдела прежде всего посоветует обратиться за разрешением к заведующему отделом Б. И. Козловскому.

После того как вы получите разрешение, из стального сейфа извлекут небольшой ящичек. Открыв его, вы увидите, что изнутри он выложен замшей. Хранится же в ящичке лишь одна тоненькая книжечка в довольно скромном переплете.

В чем же дело? Специальное разрешение, сейф, ящик, обитый замшей... В таких условиях хранятся, пожалуй, только ювелирные драгоценности. Чем же вызвана такая осторожность?

Дело в том, что эта книга — уникальна. Известен всего лишь один-единственный экземпляр. Поэтому сотрудники библиотеки и берегут его как величайшую драгоценность.

Для нас же это издание представляет особый интерес: «Подробное описание типографских должностей» является одним из первопечатных уральских изданий. Это — вторая книга, напечатанная на Урале. Издана она в 1796 году, то есть через четыре года после выхода в свет первой, о которой мы рассказали выше. Вот ее полное название:

«Подробное описание типографских должностей, с приложением о правописании объяснения, каким образом чрез короткое время оному научиться можно. Сочинил Пермского Земского Верховного Суда Заседатель Титулярный Советник Петр Филипов. Печатано в Перми 1796 года».

Петр Филипов? Это имя нам что-то говорит... Да, это тот самый Филипов, который был одним

из создателей и первым управляющим типографией Пермского губернского правления. Он занимал эту должность в течение ряда лет.

Издание Петра Филипова интересно для нас не только как библиографический уникум. Исследователями недавно установлено, что оно было первой русской книгой по типографскому делу.

В ней впервые в России описано, как происходило печатание в XVIII веке, как была устроена типография. В книге определены обязанности корректора, печатников, наборщика и даже «наборщицких учеников». Автор объясняет значение слова «типография», рассказывает об истории типографского дела, изобретателе книгопечатания Иоганне Гутенберге, подробнейшим образом описывает процессы набора и печатания, дает ряд советов практического характера. Особенно интересен в этом отношении справочный отдел, где приведены ответы на вопросы, которые, по мнению автора, должны были неизбежно возникнуть при устройстве типографии и работе в ней. Вот выборочный перечень таких вопросов: «Во сколько времени, из какого шрифта литер набирает наборщик лист?», «По чему берется за набор?», «Сколько на лист потребно литер?», «Как варят олифу?», «Как мочат бумагу?», «Чернила (то есть типографскую краску) как делают?» и т. д.

Для специалистов-книговедов ответы на все эти вопросы представляют огромную ценность, как неоценимый источник сведений о типографском деле в России XVIII века.

Нам удалось проследить весьма любопытный и курьезный путь этого единственного экземпляра, прежде чем он попал в сейф библиотеки имени В. И. Ленина.

Книге П. Филипова очень не повезло с самого начала. Обычно все издания, вышедшие из-под печатного станка, регистрируются тем или иным образом в специальных библиографических справочниках. В самом начале XIX века вышел в свет знаменитый 5-томный труд «Опыт российской библиографии», принадлежавший перу В. С. Сопикова. Несмотря на то, что автор стремился в своем труде зарегистрировать все изданное в XVIII веке в России, книга Филипова была все-таки им пропущена. Не заметили ее и другие русские библиографы. На протяжении всего XIX века о ней ни разу не упомянуто ни в библиографических источниках, ни в каталогах библиотек крупных русских библиофилов.

Зато упоминание об этой книге встретилось в замечательной библиографической работе — описании библиотеки Д. В. Ульянинского, одного из крупнейших книголюбов начала XX века.

Из примечания Ульянинского можно понять, что книги П. Филипова он сам не видел и справку о ней дал лишь на основании рукописного каталога библиотеки какого-то Ф. П. Смыслова. А где же его найти? Возможно, в нем содержатся какие-либо дополнительные факты, проливающие свет на судьбу загадочного уральского издания.

Тщательно, страницу за страницей, просматривая внушительные фолианты каталога библиотеки Ульянинского, я, наконец-то, в том же втором томе нашел описание рукописи под названием: «Каталог книгам, находящимся в Библиотеке Любителя Российской Словесности Федора П. Смыслова».

Рукописи я не нашел, но зато почти вся аннотация Ульянинского на нее в своем каталоге оказалась посвященной книге Петра Филипова.

Ульянинский рассказывает довольно курьезную историю. Вот что он пишет: «Всего (в каталоге Ф. П. Смыслова) зарегистрировано 621 название исключительно русских книг, среди которых встречается несколько редкостей и, между прочим, «Подробное описание типографских должностей. Соч. Петра Филипова. Печатано в Перми. 1796» — издание, совершенно не известное в библиографии. Часть этой библиотеки была куплена в 1900 году московским букинистом-антикварием А. М. Старицыным, причем ему попала и вышеуказанная пермская книжка, которую А. М. Старицын хотел оставить для своей библиотеки, но на первых же порах ее увидел у него один книжный собиратель-библиоман и, не говоря ни слова, взял себе, отдав за нее 25 рублей. Как Старицын ни протестовал, указывая, что он вовсе не желает продавать «Описание», и как ни просил вернуть его, собиратель, придерживающийся, очевидно, девиза: «Моему ндраву не препятствуй!», не счел нужным исполнить просьбу его. Настоящий каталог получен мною в дар от А. М. Старицына в том же 1900 году».

Сейчас трудно с полной определенностью сказать, почему упоминаемого Ульянинским «книжного собирателя-библиомана» привлекла никому не известная тоненькая, в 60 страниц, книжка, причем привлекла настолько, что он, не задумываясь, заплатил за нее 25 рублей — сумму, весьма значительную для того времени. Можно предположить, что он читал или слышал от кого-либо об этой «голубой мечте» библиофилов.

*

Экземпляр книги Филипова, хранящийся в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина, на титульном листе имеет довольно неразборчивый штамп светло-зеленого цвета, на котором значится: «Из книг К. М. Соловьева. № 6409». Как выяснилось, это он и был героем рассказанной Ульянинским истории.

Третья уральская книга была издана в типографии Пермского губернского правления через пять лет после второй — в 1801 году.

Называлась она так: *«Историческо-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 года. Печатано при Пермском губернском правлении, 1801 года»*.

Это фундаментальное исследование до сих пор не утратило своего значения для историков и географов Урала; можно сказать, что оно было первым систематизированным и относительно полным сводом сведений об Урале. Книга эта уникальна — известно всего два экземпляра ее.

Екатеринбургская горная типография

История первой типографии в Екатеринбурге известна пока еще слабо.

Долгое время историки вообще не располагали достаточными сведениями. Только в 1961 году свердловскому исследователю-архивисту А. Г. Козлову удалось обнаружить в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде документ, в какой-то степени проясняющий обстоятельства основания типографии в Екатеринбурге. Им был найден краткий отчет Главного директора Екатеринбургского горного

начальства И. Ф. Германа «о управлении его по всем вверенным ему частям за 1803 год».

Вот что сообщал И. Ф. Герман своему петербургскому начальству: *«Ради лучшей поспешности письмоводства учреждена при Екатеринбургской же заводской школе небольшая типография — для отпечатывания многочисленных указов, билетов, таблиц, ведомостей и заводских описаний»*. Этот документ позволил не только установить точное время основания типографии, но и в какой-то степени выяснить характер ее деятельности. Как видно из донесения И. Ф. Германа, типография была основана первоначально при Екатеринбургской заводской школе. Позднее она перешла в ведение Главной конторы Екатеринбургских горных заводов, а затем находилась под наблюдением Главного начальника уральских горных заводов.

Кстати, несколько ранее — в 1801 году — на Урале появилась еще одна типография — в Уфе. Сведений о самом раннем периоде деятельности ее до нас дошло очень мало. В течение первых пяти лет существования Екатеринбургской горной типографии в ней не было издано ни одной книги. А за годы 1808—1810 она выпустила три книги. Одна из них до сих пор не обнаружена.

Автором первой екатеринбургской книги, как, впрочем, и остальных двух, напечатанных в этой типографии в самый ранний период ее деятельности, был Иван Филиппович Герман, академик, начальник Екатеринбургского горного правления.

И. Ф. Герман принадлежал к той категории ученых иностранцев, которые, попав в Россию, прониклись ее духом и величием и сделали немало полезного для развития ее науки, культуры и промышленности. В 1782 году Германа, занимавшего в то время должность профессора технологии Венского университета, пригласили на работу в Россию. В этом же году он был назначен начальником Екатеринбургских железодельных заводов, которые усовершенствовал, и завел ряд новых. В 1784 году Герман вернулся в Петербург и предложил свой проект реконструкции уральских горных заводов, который был принят. В 1801 году Герман вновь попадает на Урал начальником горного правления. В это время он и завел первую типографию Екатеринбурга.

Первая книга, изданная им, называлась:

«Описание заводов под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих. В двух отделениях, из коих Первое заключает Екатеринбургские казенные, а Второе Партикулярные Уральского хребта заводы. С ситуационным планом золотых рудников. Печатано в типографии Екатеринбургских горных заводов». Гола издания и фамилии автора на титульном листе нет.

Сведения об этой книге крайне противоречивы — никто не мог точно установить, когда она вышла в свет.

Но библиографы не обратили внимания на предисловие Германа к своей книге, в котором указан не только год издания «Описания заводов...», но и точная дата выхода его в свет. И. Ф. Герман пишет, что во время управления им бывшим Екатеринбургским горным начальством он старался «войти в подробное узвание положения и действий уральских заводов». Причем, продолжает он, *«...не токмо для собственного моего употребления, но и для сведения Вышнего Правительства, равно и в пользу служащих по сей части чиновников и управляющих; а в избежание медлительного копирования описаний столь многочисленных заводов, рассуждено было это сочинение*

в учрежденной мною при сем же Начальстве для отпечатания Указов, заводских таблиц и прочего типографии отпечатать, и хотя сие дело началось в первых годах существования упомянутого Начальства, но отпечатание оно по разным причинам не могло совершиться прежде ныне истекающего года. Екатеринбург, Декабря, 16 дня, 1808 года. Обер-Берг-Гауптман 4-го класса Иван Герман».

Таким образом, эта книга Германа была отпечатана в самом конце 1808 года. Внешнее оформление ее выглядело довольно неплохо. Титульный лист украшает гравюра, изображающая вид Екатеринбурга начала XIX столетия. Для историков эта гравюра представляет значительный интерес: она позволяет воссоздать вид старого Екатеринбурга.

В своей книге И. Ф. Герман описывает 124 горных завода, которые находились не только на Урале, но и в Казанской, Вятской и Тобольской губерниях. Здесь же автор приводит краткие исторические справки об основании тех или иных горных заводов, сведения об основных технологических процессах, количестве рабочих, оборудовании и т. п.

В том же 1808 году в Екатеринбургской горной типографии была напечатана книга, судьба которой до сих пор остается загадочной. Она до сих пор не обнаружена, и о содержании ее можно только догадываться. Единственное упоминание о том, что книга была издана, содержится в том же «Опыте российской библиографии» В. С. Сопикова. В одном из томов его труда содержится запись такого рода: «О составлении народных таблиц. Сочинил Иван Герман. Екатеринбург, 1808 год». По-видимому, эта книга представляла собой сборник статистических материалов по Уралу.

Некоторые косвенные сведения, из которых в какой-то степени можно понять содержание не найденной книги Германа, содержатся в «Источниках и пособиях для изучения Пермского края» Д. Д. Смышляева. Вот что пишет этот авторитетнейший библиограф-краевед старого Урала: «Во время управления Германом Екатеринбургскими заводами ежегодно составлялись, под руководством его, подробные статистические таблицы об этих заводах. В них входили: сведения о выделке металлов, о состоянии погоды, о вскрытии и замерзании рек, о числе народонаселения, о числе родившихся в продолжение года и отдельно в каждый месяц, о числе школ и учащихся на заводах, о числе домов и лавок, о посевах и урожае хлеба и т. д.».

Очевидно, книга Германа «О составлении народных таблиц» и содержала сведения такого рода, а также служила руководством для составления статистических таблиц.

Все это пока только предположения. О содержании издания можно будет судить только после того, как оно будет найдено.

В истории уральской книги имеется еще очень много «белых пятен», открыть которые предстоит исследователям и краеведам. Многие крупные уральские книгохранилища, а также частные коллекции собирателей-книголюбов пока еще слабо обследованы и изучены. Здесь следопытов могут ждать самые неожиданные открытия, которые позволят еще больше приоткрыть завесу над книжным прошлым Урала. Может быть, кто-либо из читателей журнала попытается найти исчезнувшие книги?

А. БЛЮМ

МОЙ СПУТНИК

Эти три фотографии: «Первопроходцы», «Ледовый марш» и «Цветы рихтерия-эдельвейс» сделаны с помощью моего постоянного спутника — фотоаппарата. В походах по горным вершинам он призывает меня быть более наблюдательным, уметь в будничном увидеть необычное и передать свои впечатления другим.

Е. БИРЮКОВ,
инженер

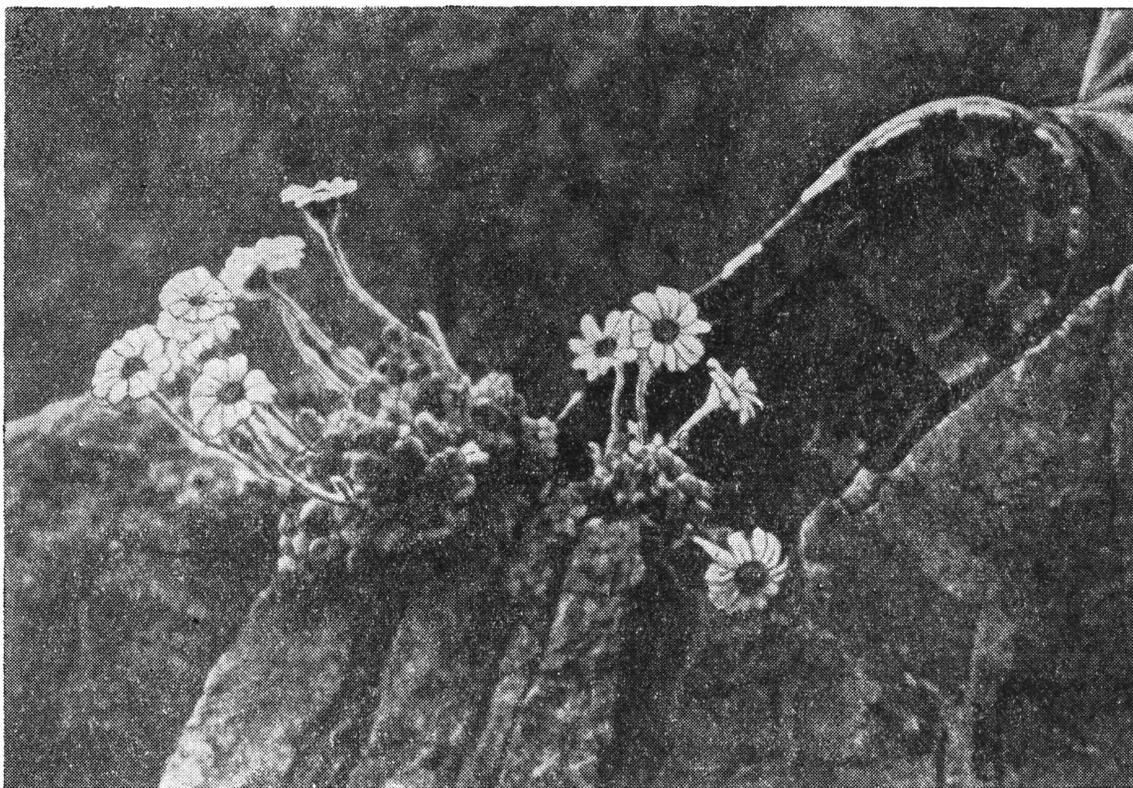

Первопроходцы.

Ледовый марш.

Цветы рихтерия-эдельвейс.

Приключенческий роман

КНИГА ВТОРАЯ

* * *

Уже две недели живет Григорий в казарме. И две недели фактически ничего не делает. Правда, полный список группы Протопопова у него уже есть. Он успел не только выучить его наизусть, но и зашифровать. А вот передать шифровку некому. Как ни присматривается Григорий к каждому из жителей казармы, а напасть на след нужного человека не может. Да и существует ли он вообще? Две недели — достаточно большой срок, чтобы выполнить он свою миссию. Но до сих пор все спокойно. Думбрайт звонит каждый вечер, он сообщил бы об опасности. Ведь их разговор крутится только вокруг этого проблематического советского агента. Вообще Думбрайт не-

доволен ходом дела. Что-то не ладится и у него самого. Фальшивые документы на каждого из «туристов» готовы, но вот вывезти их он не решается. А в последний раз даже намекнул, что возможны какие-то изменения в планах перебазирования группы. Приказал быть готовым в любую минуту.

Это больше всего беспокоит Григория. Что, если придется выехать внезапно, так и не сообщив своим про отряд душегубов, которых собираются передать в школу для их дальнейшего «усовершенствования»... Если бы мог он хоть на день вырваться в Берлин! Может, представился бы случай связаться с кем-нибудь из своих.

Все это трудно, ох, как трудно! Правда, у него есть один план, но выполнение его требует времени, потому что сделан лишь первый шаг: Григорий предложил Хендкопфу привести в порядок антикварные вещи, что кучей свалены в его кабинете.

— Понимаете, мистер Хендкопф, — объяснил он, — то, что я к вам часто захожу, может вызвать подозрение у моих соседей по казарме. А если они узнают, чем я занимаюсь здесь, мои посещения будут как-то оправданы. Вам от этого только польза, а мне даже интересно покопаться в этих старинных безделушках. Я начинаю понимать, почему люди увлекаются ими. После войны хочется с головой окунуться в древность, отвести душу, любясь произведениями искусства.

— О, мистер Сомов! Вы окажете мне колоссальную услугу! Сам я никогда на это не решился бы. Копаться в таком старом хламе? Покорно благодарю! От пыли истории мне хочется только чихать... Да, да, я человек здравого смысла! Я живу настоящим. А над вами, европейцами, слишком довлеет старина, вы просто млеете над ней от восторга, поэтому мы и опережаем вас во всем. Для нас минувшие века — только удобрение, внесенное в почву, не больше... О тех чудаках, которые охотятся за всем этим, конечно, разговор отдельный. Снобы! А поскольку карман у них толстый, таким, как я, и приходится копаться здесь на свалках... Честное слово, я буду безгранично признателен вам, мистер Сомов!

Работа по расчистке «свалки» была нелегкой и очень кропотливой. Приходилось обращаться к каталогам личных коллекций и даже музеев, затем составлять карточку на каждую отдельную вещь, вносить ее в общий реестр и тому подобное. Среди приобретенного Хендкопфом и в самом деле было много хлама. Приходилось по требованию этого любителя бизнеса выдумывать разные фальшивые данные, придавая им вид исторической достоверности.

Так могло тянуться без конца, и Григорий решил ускорить ход событий.

Однажды, придя в кабинет заместителя начальника лагеря, он, как всегда, сразу же принялся за работу. На этот раз даже с особенным рвением.

— Знаете, мистер Хендкопф, — радостно сообщил он через полчаса, — сегодня вы можете поздравить меня с успехом. И немалым. Я, наконец, узнал, кто автор той скульптуры, что стоит у вас на столе. Оказывается, вы сделали неплохую покупку! Фамилиа Шульце, вырезанная вот здесь, на уголке, мне ничего не го-

ворила, но, сверившись с каталогами, я установил, что автор «Фавна с соловьем» входит в плеяду классиков немецкого вааяния. Взгляните на эту справку!

Хендкопф был в восторге.

— Просто колоссально! Ведь теперь я могу запросить за этого козлоногого... Постойте. В самом деле, сколько можно за него запросить?

— А вот в этом вопросе советник из меня никудышный! Но мне кажется, что произведение скульптора такой руки должно стоить немало. Советовал бы вам проконсультироваться с кем-нибудь из искусствоведов.

— Здесь, в Мюнхене? Но, если это классика, вы знаете, какой они шум поднимут?!

— Вы можете не объяснять истинных причин своего интереса... Хотя... все они связаны между собой, и то, что кто-то продал вам «Фавна»...

— Вот-вот, плакали тогда мои денюжки!

— А что, если съездить в Берлин? Там было много комиссионных магазинов, надо попытаться разыскать кого-нибудь из бывших антикваров... Да, я все забываю у вас спросить: почему вы покупаете только вещи случайные и большей частью немецкого происхождения? Я слышал, будто американцы увлекаются старинными русскими иконами. Немцы вывезли их из России довольно много, и я уверен, что в Берлине...

— Берлин! Берлин!.. Не могу же я стать посреди площади и выкрикивать: «Покупаю русские иконы!..», «У кого есть русские иконы?..»

— Наверное, в Мюнхене вам тоже не приходилось к этому прибегать?

— Ну, тут меня все знают... Достаточно было намекнуть одному завсегдатаю черного рынка, которого задержал наш патруль...

— Но в Берлине тоже есть черный рынок, а на нем, безусловно, можно найти нужного человека. Поручите это мне, я с такими людьми сталкивался. Кстати, если мне не изменяет память, один из моих однополчан, с которым я однажды встретился, продавал именно что-то подобное... Как же его фами-

лия? Грумгорн... Крумгорн... Что «горн» — помню, а вот первые буквы... Кажется, все-таки не Грумгорн, не Крумгорн, а Грюнгорн. Именно так! Хотя сам он и коренной берлинец, рассчитывать на то, что он остался в Берлине, конечно, нельзя, но... разве мало счастливых случайностей в жизни! Впервые я столкнулся с ним на рынке, потом увидел в каком-то кабаре... Он хвастался, что постоянно бывает в этом значном месте, потому что встречается здесь со своей клиентурой, если речь идет о каком-то крупном бизнесе... Можно попробовать его разыскать.

— Иконы... Вы знаете, это идея! Соблазнительно... В конце концов, я ничего не теряю! И если ехать, то надо спешить. Там много наших ребят, и не может быть, чтобы никому не пришло в голову... Боюсь, они все сливки уже сняли!

И Хендкопф начал озабоченно соображать, как подкатиться к начальнику лагеря, чтобы тот хотя бы дня на два отпустил его в Берлин.

— Сошлюсь на личные дела, скажу, что у меня там пассия,— наконец решил он.— Пол-

ковник сам увивается сейчас за одной певичкой, настроен лирически... Сегодня вечером попробую поговорить. Может быть, завтра же и выедем.

— Боюсь, вам придется путешествовать одному. Едва ли Думбрайт согласится, чтобы я выехал теперь, когда вопрос с отправкой ваших подопечных вот-вот должен решиться.

— Подумаешь! Проще простого доказать ему, что нам с вами срочно нужна его квали-

фицированная консультация. И повод для этого у меня самый убедительный: посоветоваться, как быть с завербованными в националистические отряды. Едва ли утрата такого количества власовцев будет очень приятна Думбрайту.

— Вы правы. В таком случае, я полагаюсь на вас...

Весь вечер Григорий нервничал, не зная, получит ли Хендкопф у начальника лагеря разрешение и чем закончится его телефонный разговор с Думбрайтом. Беспокоила его и мысль о том, как сложатся дела в Берлине, если удастся туда выехать. Можно ли ему будет хоть на два-три часа остаться одному и уладить дело, ради которого придумал всю эту поездку? Может быть, Хендкопф никуда его от себя не отпустит и вообще не представит возможность проникнуть в восточную зону? Эти опасения изнурили больше, чем непосредственная опасность, и утром Григорий поднялся совсем измученный.

К тому же вечером в казарме была драка. Запертые в этом глухом лагере, без перспектив на будущее, бывшие власовские офицеры жили животной жизнью. Все, у кого были деньги, напивались с утра, потом несколько часов спали, чтобы снова отправиться в бар и снова напиться. Те, у кого денег не было, прислуживали «счастливчикам» за игрой в карты, бегали за цнапсом, выполняли разные мелкие поручения. С появлением Черногуза денег стало больше, а благодаря этому увеличилось и количество столкновений. Вчерашние лакеи, почувствовав в своих карманах сладкую тяжесть, всячески бахвалились перед теми, у кого недавно были на побегушках. Тем более, что надеялись на скорый отъезд и безнаказанность.

На этот раз стычка была особенно острой и драка ожесточенной. Протопопов, которого Хендкопф последнее время немного прибрал к рукам, будто с цепи сорвался. Не разбираясь, он бил «своих» и «чужих», мстя за неудачи последнего времени, за то положение заключенного, в котором оказался. Григорий ждал, что вот-вот вожак власовцев набросится и на него, ему даже пришлось в голову, что сама драка спровоцирована Протопоповым с этой целью: в общей свалке легко было спрятать концы в воду, свалив вину на кого-нибудь другого. Но, когда рядом с Сомовым выросла могучая фигура Середы, Протопопов остыл.

На другой день Хендкопф сам появился в казарме.

— Сомов, немедленно собирайтесь! Вы едете со мной по срочному делу. Поторопитесь!— сухо приказал он.

А минут через пятнадцать машина Хендкопфа уже мчалась по направлению к Берлину. Собственно, сказать «мчалась» означало бы допустить явное преувеличение, потому что по дороге из Берлина на Мюнхен встречным потоком двигались колонны грузовиков, а шоссе местами было совсем разбито. Поэтому со скоростью сто километров машина летела лишь на отдельных, очень коротких участках.

В Берлин приехали только на следующее утро и в десять часов уже были у Думбрайта, в какой-то таинственной конторе, располо-

женной в только что отстроенном крыле полуразрушенного дома.

Мистер Думбрайт заставил ждать себя довольно долго. Не увидевшись с ним, Хендкопф бродить по Берлину не решился, и поэтому им пришлось терпеливо изучать потолок приемной.

Прибыли их шеф около двенадцати часов и, небрежно поздоровавшись, пригласил посетителей к себе в кабинет.

— Вчера по телефону вы, мистер Хендкопф, намекнули мне на некоторые неожиданные возникшие осложнения. В чем они заключаются?

Хендкопф, избегая излишних подробностей, рассказал, что под давлением «сверху» начальник лагеря должен был согласиться на вербовку власовцев для руководства отрядами националистов, которые будут действовать на территории Западной Украины, и что около половины всех перемещенных, скрывающихся в лагере, дали свое согласие и даже получили авансы.

К удивлению Хендкопфа, Думбрайт принял это сообщение довольно спокойно.

— Я считаю, что укрепление таких отрядов будет полезным для нашего дела: это направит все внимание большевиков на западные границы, и нам легче будет действовать в глубоком тылу. Меня предупреждали о возможности такого варианта, и я ничего не имею против. Когда думаете приступить к их отправке?

— В ближайшие два-три дня.

— О'кэй! А что можете сообщить мне вы, мистер Сомов?

— К сожалению, или лучше сказать к счастью, ничего нового. У русских есть поговорка: у страха глаза велики. Не помню, есть ли аналогичная у нас, немцев, и как она звучит, но я уверен, что все подозрения о проникновении в лагерь советского агента безосновательны. За время, истекшее со дня перевода группы в лагерь под Мюнхеном, он успел бы проинформировать русских о новом адресе и каким-нибудь образом передать списки. Но этого не случилось. Еще до моего приезда четверо из перемещенных, как я вам уже докладывал, погибли. Возможно, среди этих четверых был и тот, кто сообщил о группе. Думать так меня заставляет и следующее: все четверо враждебно относились к руководителю группы Протопопову, потому что он категорически возражал даже против обсуждения вопроса о возвращении. Да и гибель их таинственна. Думаю, что Протопопов мог бы кое-что рассказать по этому поводу.

— Ваши соображения достаточно убедительны,— согласился Думбрайт.— Считаю, что мы сможем без риска приступить к вывозке группы. Сколько человек остается после отправки завербованных?

— Из пятидесяти четырех, о которых шла речь, четверо погибли. Значит, осталось пятьдесят. Из них двадцать два завербовались. Таким образом, имеем двадцать восемь человек, считая и Протопопова.

— Он не в счет. Для него есть особое задание... Таким образом, мы должны отправить двадцать семь человек. Перебрасывать их будем небольшими группами. Договоренность о самолетах есть. На первом из них я сам при-

лечу в Мюнхен, а вы, мистер Хендкопф, к тому времени должны укомплектовать эти группы, чтобы можно было без проволочек доставить их на место посадки.

— Мне кажется, этим удобнее заняться мистеру Сомову,— возразил было Хендкопф.

— Он сегодня же...— Думбрайт взглянул на часы,— нет, завтра, потому что сегодня вы, Фред, не успеете, в четырнадцать двадцать отправляется в Испанию. Самолет летит через Париж. Во время остановки бросите в почтовый ящик вот эту открытку. Не надо, чтобы иностранный штемпель на ней привлек чье-либо внимание, хотя содержание ее, на первый взгляд, совсем невинное, едва ли сможет кто-нибудь расшифровать. Предупреждаю вас, что поручение это очень важное, поэтому отнеситесь к нему внимательно! А в школе немедленно позаботьтесь об изолированном помещении для тех, кто вновь прибывает. Соответствующие указания Нунке уже получил. У меня все. Есть у вас еще какие-нибудь вопросы?

— У меня один. И даже не вопрос, а скорее просьба,— сказал Хендкопф.— Разрешите возвратиться в Мюнхен не сегодня, а завтра. Я обещал полковнику Гордону вернуться немедленно, но, понимаете...

— Хотите развлечься?... впервые улыбнулся Думбрайт.

— Конечно, и это. Если удастся управиться с делами.

— У вас есть какие-либо дела в Берлине?

— Чисто личного порядка. Маленький бизнес...

Думбрайт расхохотался от души.

— Каждый из неудачников, оставшихся в оккупированной зоне, мечтает возвратиться домой миллионером... Узнаю наших ребят! И, признаться, одобряю! Деловая хватка, черт побери! Это тоже талант!.. Что ж, мистер Хендкопф, пусть будет по-вашему. В случае чего, можете сказать добряку Гордону, что задержал вас я. Но беру с вас слово: только до завтрашнего утра!

— Безгранично благодарен вам, мистер Думбрайт.

В наскоро построенную и донельзя набитую жильцами гостиницу Хендкопф возвратился в чудесном настроении.

— Так с чего же мы начнем, мой добрый гений?

— С разведки, конечно. Если вы подождете меня часок...

— А может, мы отправились бы на розыски вдвоем?— неуверенно и даже заискивающе предложил Хендкопф.

— Чтобы испортить все дело? Вы забываете, что ваша форма будет обращать на себя внимание, а я — в штатском, да и по происхождению — вы же знаете!— немец. Меня остерегаться не будут.

— Так-то оно так... Но я заболел от нетерпения, ожидая вас! Вы хоть не задерживайтесь больше чем на час... Честное слово, я просто места себе не найду!

Не вернулся Сомов ни через час, ни через два. Он появился перед вконец встревоженным Хендкопфом только в восемь вечера, еще более возбужденный и радостный, чем ушел,

— Все в порядке. Поезжайте! Получите такие вещи, что всю жизнь будете меня вспоминать. Вот вам адрес. Завтра ровно в четырнадцать позвоните в эту квартиру. Вас встретит старичок, и вы у него спросите: «Фрау Эльза дома?» Он ответит: «Вы — от Карла? Пожалуйста!» Смело идите с ним в подвал. Иконы я отобрал — восемнадцать штук. О цене не договаривался. Торгуйтесь за каждую, хоть запросит он, мне кажется, не так уже много: по всему видно, бедняга в тяжелом положении. Очень сожалею, что мой самолет отлетает в четырнадцать двадцать — вдвоем мы это дело провернули бы скорее. А теперь спать...

Хендкопф выехал из Берлина на утро следующего дня, как обещал Думбрайту, а только перед вечером. Это немного беспокоило его, но в то же время он был очень доволен: на заднем сиденье лежали все восемнадцать икон. К счастью, он не знал, что везет старый хлам, наскоро собранный друзьями того, кто был ему известен как мистер Сомов.

А Григорий Гончаренко сидел в это время в ресторане аэропорта «Орли» вблизи Парижа. Открытку, врученную ему Думбрайтом, он бросил в почтовый ящик. На той стороне, где был написан текст, она немного потерлась. Каким только случаям не подвергается корреспонденция, попав в руки невнимательных почтальонов!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Будни школы

«Рыцарей благородного духа»

Короткое пребывание в Париже выбило Гончаренко из колеи. Минувшее подошло вплотную. Слово время с бешеной скоростью помчалось назад, к тому дню, когда телеграф принес ему известие о смерти Моника.

Содержание телеграммы навеки запечатлелось в его памяти, и вот теперь вновь возникла она перед его глазами: узкий серебристо-голубой бланк с черными, казалось, выпуклыми буквами: «Через три часа после вашего отъезда неизвестная грузовая машина сбила ехавшую на велосипеде мадемузель Моника, и она, не приходя в сознание, умерла в тот же вечер, подробности письмом, возложу венки вашего имени. Кубис».

Соучастник заранее подготовленного убийства возложил венки на могилу своей жертвы!

Григорий редко разрешал себе думать о Монике. Не потому, что хотел забыть о ней, а скорее спасая ее образ от забвения. Ему казалось, что воспоминания потускнеют, если он будет часто возвращаться к ним. Так стирается и блекнет фотография, которую без конца то вынимают, то опять вкладывают в бумажник.

На мгновение у Григория мелькнула мысль махнуть рукой на все указания Дум-

брайта и съездить в Сен-Реми, туда, где на Предгорье приютилось тенистое кладбище, постоять у маленького зеленого холмика, на который он второго мая тысяча девятьсот сорок пятого года положил букет огненных роз. Григорий бросился к билетной кассе, но сразу же опомнился. Нельзя рисковать именно теперь, когда он подал о себе весточку Титову, когда ему нужно законспирироваться так, чтобы никому и в голову не пришло, что фон Гольдринг, именуемый теперь Фредом Шульцем, строит какие-то планы, связанные со школой черных рыцарей. Разве так уж необходимо побывать в Сен-Реми? Ведь где бы он ни был — Моника всегда рядом. Даже не рядом. Он просто впитал в себя ее жизнь, короткую, но такую прекрасную, и теперь должен продлить ее в своих делах, в борьбе за исполненный правды и счастья мир, о котором она мечтала.

Он вспомнил, о чем говорили они в день разлуки, когда, пораженные величием и красотой безбрежного звездного неба, стояли, прижавшись друг к другу, у открытого окна. Внезапно плечо девушки вздрогнуло, по щекам ее покатались слезинки. «Моника, ты плачешь?» — спросил он. Она стремительно обернулась, и глаза ее вспыхнули, как две звезды. «Не обращай внимания, милый! Я плачу потому, что мир так чудесен, плачу от благодарности, что я живу, что живешь ты... И чуточку от страха: ведь мы с тобой лишь две маленькие песчинки в этом бесконечно большом мире...».

До острой боли в сердце почувствовал он тогда: этот необъятный мир — в нем, в ней, а они — его неотъемлемая часть, и в их силах сделать жизнь по-настоящему прекрасной...

Но через какие испытания, через какие муки надо пройти, чтобы достигнуть этого! Все зло мира, все темные силы его объединились сейчас, чтобы преградить людям путь к счастью. И террариум под Фигерасом — это только одна точка на оперативной карте врага, крошечная капелька сконцентрированного яда. Просто дрсжь пробирает при одной мысли с том, что он должен вернуться туда... Здороваться с Нунке, Шлитсенем, Вороном, выслушивать установки Думбрайта... До чего же противно! Будто оказался среди болота и тебя вот-вот засосет вязкая трясица, задуют ее смрадные испарения.

А что, если и в самом деле задуют? Что может сделать он, один-одинешенек?... Но один разведчик в силах сорвать план целой операции, если он сумеет узнать о ней и вовремя сообщить своим. Один человек может спутать все карты в игре партнеров, незаметно внося в эту игру свои коррективы... Да и всегда ли остается человек в одиночестве, даже если находится во вражеском лагере?

Силы добра могущественнее, чем силы тьмы! Осторожно действуя, можно найти и сочувствующих людей, и помощников... Утвердись! Получить возможность свободно выходить за территорию школы, во что бы то ни стало связаться с испанским подпольем. Сумел же он сделать это во Франции, а потом и в Италии. А если не выдержат нервы, если где-нибудь ошибешься? Что ж, сложить голову в борьбе за правду — тоже счастье...

Возвратясь в Фигерас, новый воспитатель Фред Шульц с головой окунулся в работу. На протяжении дня он успевал побывать всюду: в аудиториях, где читались лекции; в спортивном зале, где воспитанников обучали боксу, джиу-джитсу и другим приемам борьбы, в лабораториях, где проводились практические занятия по таким специальным предметам, как радиодело, фотографирование, шифровка; на стрелковом стенде; в комнатах своих подопечных.

— Как видите, я не ошибся в своем выборе. Шульц набросился на работу, как изголодавшийся человек на кусок хлеба, — с удовлетворением констатировал Нунке на первом же узком совещании руководства школы.

— Исключительная энергия! — согласился Шлитсен. — И я советовал бы не отвлекать его для выполнения отдельных поручений, подобных поездке в Мюнхен. Воспитательный процесс — это процесс непрерывного присмотра и влияния. Небольшое ослабление...

— Понятно, понятно, — сразу же согласился Нунке, не терпевший прописных истин, которые так любил провозглашать склонный к резонерству Шлитсен...

Вскоре Фред Шульц был уже в курсе всех дел школы и хорошо ознакомился с ее структурой.

Кроме русского, в школе были отделы — немецкий, венгерский, румынский, польский, чехословацкий, болгарский. Кроме того, готовился югославский отдел. Все они имели одинаковую структуру и, подобно начальной школе, состояли как бы из четырех классов.

Первый класс, подготовительный, располагался в нескольких изолированных друг от друга домиках в пригороде Фигераса. Фактически это был даже не класс, а контрольно-отборочный пункт, потому что именно здесь начиналась невидимая, но непрерывная работа: изучались не только характер и вкусы будущего кандидата в «рыцари», но и его наклонности, так сказать, потенциальные возможности.

Переброшенного в Испанию иностранца поселяли, как гостя, в одном из таких домиков. Излишне говорить, что внимательный, милый владелец этого гостеприимного приюта был смотрителем высшего класса. Достаточно образованный, чтобы поддержать интересный разговор, достаточно слыханный, чтобы направить его в нужное русло, он постепенно завоевывал доверие своего жильца, становился его ближайшим другом, советчиком и участником скромных развлечений. Если же гость начинал скучать, на сцене появлялась близкая или далекая «родственница» хозяина, обязательно молодая, красивая и — о, счастливое стечение обстоятельств! — богатая. В дальнейшем партия разыгрывалась с вариациями, но как по нотам: мечтательная влюбленность или бурная исповедь одинокой души, жаждущей забвения, и, конечно, вино. Как можно больше вина! А когда у подвыпившего героя скороспелого романа окончательно развязывался язык, молодая красавица включала магнитофон. Через определенное время, выполнив свои функции, она внезапно исчезала.

Все сведения, собранные этими сиренами из школы «Рыцарей благородного духа», пере-

давались администрации школы, потом воспитателям, перед которыми стояла задача: с помощью угроз и поощрений, денег и обещаний добиться у новичка письменного согласия на вступление в тайную армию разведчиков.

Как только завербованный ставил свою подпись под таким документом, его сразу же из подготовительного переводили в первый класс «Д», то есть класс диверсии.

Для тех, кто отказывался, возврата не было, и они становились жертвой автомобильной катастрофы или мишенью для выстрела из-за угла. Живыми оставались только те, кто безоговорочно принимал все условия устава школы. Они же, эти новые ученики класса «Д», уничтожали неподатливых, превратившихся в никому не нужный балласт.

В классе «Д» все внимание преподавателей было направлено на то, чтобы определить способности будущих агентов. Здесь же проверяли, как усвоили они предметы, изучавшиеся в свое время в школе или институте, повышали квалификацию завербованных, если они ее имели. Много внимания уделялось приемам самбо, а также умению владеть огнестрельным и холодным оружием, пользоваться минами, бомбами, ядами, быстро шифровать и расшифровывать, замечать следы после диверсий.

Иногда случалось, что завербованный, попав в класс «Д», оказывался человеком весьма заурядным. С такими не цацкались, но при школе их все же оставляли. Они, эти неудачники, составляли так называемую «подсобную группу»: их обучали профессиям слесарей, стрелочников, швейцаров, парикмахеров. Когда они приобретали соответствующую квалификацию, их забрасывали в Советский Союз, где они должны были играть роль «почтовых ящичков»: один агент или диверсант вручал такому человеку шифрованное письмо или условный знак, другой приходил и забирал.

Тех же, кто проявлял недюжинные способности, переводили в высший класс «А», то есть класс агентуры.

Занятия в классе «А» были значительно сложнее: будущие агенты знакомились с новыми теоретическими исследованиями, взятыми на вооружение разведкой; получив специальное задание, самостоятельно составляли планы операций, филигранно «отрабатывали» каждую ее деталь и осуществляли эти планы в условиях, близких к задуманной ситуации. Кроме того, они должны были овладеть всеми видами агитации и пропаганды: белой — когда пропаганда основывается на достоверных, но тенденциозно подобранных фактах; серой — когда достоверные факты комментирует сам агент; наконец, черной — когда факты выдуманы, ложны и, к тому же, прокомментированы откровенно враждебно, как обычно строит свои передачи «Голос Америки». Наряду с этим будущие агенты обучались искусству вербовки. Они должны были уметь использовать в качестве своих помощников шептунов всех видов, людей легковых, чрезмерно доверчивых и болтливых.

Наивысший класс «Р» — резидентов — считался привилегированным. Сюда попадали немногие. И программа обучения была здесь иной. Какой именно, Фред Шульц до конца еще не разобрался.

Домонтович уже пятый день живет в уютном домике, окруженном таким высоким забором, что не приходится даже думать о том, чтобы выглянуть на улицу. Вдоль забора густо посажены деревья. Растут они ровной широкой полосой, и только один развесистый великан, будто выбежав из строя, стоит поодаль. Ветви его тянутся до самой крыши дома, а у подножия будто мертвая зона: ни травинки, ни цветочка.

Спросить бы хозяина, что это за красавец и почему такая голая под ним земля. Но хозяин глухонемой. Приветливый, гостеприимный, глаза у него живые, умные, а с губ срывается только какое-то неясное мычание, с помощью которого бедняга силится выразить все: и свою признательность, и приглашение к столу, и неудовольствие, если у гостя плохой аппетит.

В первый же вечер, во время ужина, заметив, что новый квартирант почти совсем не прикасается к еде, хозяин принес большой кувшин красного вина, холодного, душистого и чуть-чуть терпковатого. В другое время Домонтович с удовольствием выпил бы, наверное, не один стакан, но сейчас к вину душа не лежит. Хоть бы какая-нибудь газета, что ли, попалась на глаза: может быть, хоть она поможет догадаться, где он находится! Но ни газет, ни журналов нигде не видно. Табак есть, сигареты любые, вино — пей хоть прямо из кувшина, еды вволю, и не единого печатного клочка бумаги. Конечно, это сделано с умыслом, чтобы сбить его с толку. Прием, рассчитанный на угнетение его психики. Как бы не так!

Домонтович вспоминает Мюнхен, многочасовой ночной перелет, аэродром, на котором приземлились, силуэты гор, едва видимых в предутренней мгле, приглушенные голоса, звуки то русской, то немецкой речи, поездку в закрытой машине в сопровождении какого-то полного, всю дорогу молчавшего старика.

— Выходить за границы усадьбы запрещено! Смерть! — прорываясь, только и бросил его спутник на чистейшем русском языке и поднялся на крыльцо, даже не оглянувшись.

Куда же все-таки его привезли? Была в этом загадочном доме единственная вещь, которая хоть о чем-то говорила Домонтовичу: в углу висела икона с изображением Пантелеймона-исцелителя. В правой руке он держит ложечку, в левой — большую чашу. Домонтович где-то видел уже такую икону и был уверен, что она русского происхождения.

Увидев икону впервые, он знаками спросил у глухонемого: кто это? Хозяин дома ударил себя в грудь и широко по-православному перекрестился. Домонтович понял, что хозяина тоже зовут Пантелеймоном.

Но Пантелеймон — это же чисто русское имя! Неужели он в России? Нет, не может быть! Если это так, так почему же на аэродроме разговаривали по-немецки? Во время посадки он видел силуэты гор, деревья во дворе похожи на субтропические... Где же он? На Кавказе? В Абхазии? Ясно одно: где-то на юге. Но где? Э, незачем сушить голову! Придет время, и все объяснится. Правда, скучно, но что поделаешь. Надо чем-нибудь занять-

ся — починить скамейку, что под развесистым деревом, а может быть, поработать в саду. Рукам работа — голове отдых, как говаривала когда-то бабушка, отрывая его от книжки, чтобы он нарубил дров или принес воды. Завтра он найдет себе какое-нибудь занятие, и оно поможет хоть немного отвлечься от надоедливых мыслей.

Осуществить этот план ему не удалось. На следующее утро, в половине восьмого, а не в восемь, как обычно, глухонемой вошел в комнату Домонтовича и открыл жалюзи на обоих окнах. Потом, радостно и широко улыбаясь чему-то, знаками начал приглашать квартиранта в столовую.

Домонтович плохо провел ночь и знаками же попросил, чтобы хозяин не беспокоился и поставил завтрак на маленький столик в углу комнаты. Так случалось уже не раз, и глухонемой охотно выполнял его просьбу. А на этот раз он заупрямился и, продолжая улыбаться, даже стянул с молодого человека простыню. Хочешь-не хочешь, пришлось встать. Каково же было удивление Домонтовича, когда хозяин принес из соседней комнаты и протянул ему шелковую кремовую рубашку и яркий голубой галстук! Рубашка, очевидно, принадлежала глухонемому и была великовата: пришлось закатать рукава и оставить расстегнутым воротник. Даже без галстука вид у Домонтовича был совсем приличный, и он в глубине души порадовался, что сегодня может не натягивать на себя старый, порядком потрепанный мундир.

Поведение глухонемого стало понятным, как только Домонтович переступил порог столовой: у сервированного по-праздничному стола хозяйничала молодая красивая девушка. Курносый нос придавал ее лицу немного задорное выражение, а большие карие глаза смотрели на вошедшего с интересом и приветливо.

— Сестра вашего хозяина, Нонна! — ласково улыбнулась девушка, продемонстрировав очаровательные ямочки на румяных щеках. Говорила она по-русски с милым сердцу Домонтовича оканьем.

— Очень приятно познакомиться! — искренне обрадовался Домонтович. За пять дней он впервые услышал человеческий голос и был доволен, что, наконец-то, может хоть с кем-то перекинуться словом.

— Я попросила брата пригласить вас к завтраку немного раньше, потому что я проголодалась и...

— О, в дороге всегда почему-то разыгрывается аппетит! А вы издалека приехали? — будто проявляя обычное в таких случаях любопытство, спросил Домонтович, хотя сердце его затрепетало в ожидании ответа.

— Издалека, отсюда не видно, — непридуманно рассмеялась девушка, жестом приглашая к столу. — Вам вина или коньяку?

— Утром я вообще не пью, но сегодня, по случаю вашего приезда... Вы представить себе не можете, до чего тоскливо мне было здесь. Я...

На лице Нонны появилось грустное выражение.

— Бедный Паня, с непривычки с ним, конечно, не легко. Особенно человеку, который встречает его впервые...

— Извините, я не хотел...

— Мне тоже не хотелось затрагивать эту невеселую тему, просто вырвалось как-то... А теперь — ни слова о печальном и неприятном. Согласны?

— Еще бы. За такой тост я выпью даже коньяк. А что налить вам?

— Сейчас погадаю! — Нонна широко раскинула руки, закрыла глаза и начала приближать друг к другу разведенные пальцы. — Тоже коньяк! — воскликнула она с наигранным ужасом. — Ну и достанется же нам обоим, если я напьюсь!

— Опьянеть немного — это даже приятно...

— О, что было бы, если бы услышали вас мои домашние! Тетка, с которой я живу, обязательно решила бы, что вы хотите совратить с пути праведного ее бедную крошку! Никак не привыкнет к мысли, что я уже взрослая... Знали бы вы, с каким трудом я умолила отпустить меня к Пане!

— А вы надолго приехали к брату?

— Это будет зависеть от того, как меня здесь примут!

— Если бы это зависело от меня...

— А почему бы и нет, — лукаво улыбнулась она. — Брат, вы же видите... С ним ни поговорить, ни погулять. Из-за своего увечья он превратился в настоящего отшельника, а знакомых в городе у меня нет... Я ведь приехала сюда впервые.

— А почему вы с братом живете в разных местах? И вообще как вы, русская, очутились в этих краях?

— О, это история длинная. Кроме того, мы же с вами условились предметов невеселых не касаться. Но, чтобы вас не разбирало любопытство, скажу в двух словах. Родители

наши умерли, когда мы были совсем маленькими. Меня удочерила богатая тетка. Она же содержит и брата, но не хочет, чтобы он жил с нами: боится, что ее единственная наследница станет мизантропкой, постоянно имея перед глазами вечного молчальника Паню. Ничего больше вспоминать я не хочу! Лучше выпьем, только не коньяк. Налейте мне вина, да и себе тоже. Мне очень хочется, чтобы и у вас немного кружилась голова. Ровно столько, чтобы вы были интересным собеседником.

— За интересную беседу!

Когда они чокнулись, тонкое стекло зазвенело, и Домонтовичу показалось вдруг, что в лице его хозяина что-то дрогнуло. Лишь на какой-то едва уловимый миг. И вновь застыло на нем выражение радостной взволнованности. Поспешно наполнив коньяком рюмку, Паня высоко поднял ее вверх, будто собирался произнести свой безмолвный тост, но сестра мгновенно схватила его за руку. Брови ее недовольно нахмурились. И глухонемой медленно поставил рюмку на стол.

— Вы слишком суровы, — заступился за него Домонтович. — Что плохого в том, что брату хочется отпраздновать ваш приезд? Одна-две рюмки ему не повредят!

Нонна капризно надула губы.

— От коньяка брат быстро пьянеет. И вообще пить ему вредно!

— В течение тех пяти дней, что я здесь живу, мы выпили с ним не один кувшин вина, и, уверяю вас, ни одного раза...

— Вино — это другое дело... — Произнося эти слова, Нонна так посмотрела на брата, будто он мог слышать их разговор с Домонтовичем.

— Ну жжалитесь же над ним! Разрешите ему выпить хоть бы эту, налитую. Взгляните, как загрустил он, как смутил его ваш взгляд. Нонна подняла на Домонтовича глаза, и в них промелькнула тень то ли неудовольствия, то ли тревоги. Но голос ее прозвучал вежливо и непринужденно:

— Чтобы доказать, что я совсем не такая жестокая, как вам кажется, так и быть: пусть выпьет, но с одним условием...

— Заранее согласен на все.

— Стоит брату опьянеть — и он сразу же засыпает, а мне так не хочется оставаться одной...

— А я?

— Условие в том и заключается, что вам придется развлекать меня весь день.

— Охотно, но я должен знать ваши вкусы.

— О, они неизысканны! Я люблю пение...

— А что, если я не умею петь?

— Значит, вам придется слушать, как буду петь я! Под аккомпанемент гитары, как цыганка. Вас это устраивает?

— Слушаю я с большим удовольствием, чем пою! Что еще?

— Будете рассказывать мне всяческие интересные истории... Но, чур, не выдуманные, а случаи из своей жизни. Я, как и все дочери нашей праматери Евы, страшно любопытна.

— Согласен.

— А когда надоест разговаривать, будем танцевать...

— Вот тут я — на коне, танцовщик я заядлый! А когда и танцевать надоест?

— Будем делать, что вздумается. А вообще ухаживайте за мной так, словно с первого взгляда влюбились в меня по уши!

— А вот этого я не умею.

— Чего не умеете?

— Ухаживать, представляясь влюбленным. Если уж буду ухаживать, то по-настоящему, от чистого сердца.

С братом Нонны, незаметно выпившим не только налитую, но и еще две рюмки коньяка, творилось что-то неладное. Покраснев, опершись руками о край стола, он, будто баюкая сам себя, раскачивался вперед и назад.

— Вот видите, я же говорила! Теперь я одна с ним не справлюсь. Помогите мне, пожалуйста. Потом опять сядем за стол.

Нонна и Домонтович подхватили Паню под руки.

— Уложим его во дворе под пробковым деревом. Одеяло можно взять с веранды.

«Пробковое дерево!.. — гвоздем сидело в голове Домонтовича, пока он с Нонной укладывал опьяневшего хозяина дома. — Где же оно, черт бы его побрал, растет?!»

...Завтрак подходил к концу. Болтая о разных пустяках, Нонна то и дело наполняла коньяком рюмку своего собеседника. Домонтович не возражал.

— Ну, а где же ваши интересные истории? — капризно воскликнула Нонна, заметив, что ее новый знакомый тоже не прочь заснуть. Близко склонившись к его лицу, она одарила Домонтовича не раз уже проверенным в подобных ситуациях взглядом.

— История? Да, история... — потирая лоб, будто силясь протрезвиться, заговорил Домонтович. — Ладно, девочка, я расскажу тебе

одну. Только тс-с, никому ни гу-гу! А может, не надо? Понимаешь, как получилось: я в это гнездышко прямо с неба упал! Кля-нись... Ну, небо — это небо, по нему куда хочешь лети. Над всем миром оно одно... О чем это я? Ах да, о гнездышке, в которое свалился. Вот об этом, где мы с тобой сидим... и где дерево пробковое... Почему пробковое?.. Вот и поймал кота за хвост. Пробковое, понимаешь? А вот где оно растет, это пробковое дерево, ты сама угадай!.. Я уже угадал, я знаю. Я еще в школе когда-то учил, где пробковый дуб растет! А ты тоже с неба сюда упала, с самолета? Знаешь что, оставайся здесь. Пусть Пантелеймон-исцелитель — под пробковым дубом, а мы здесь. Хочешь, я тебе на уголке салфетки напишу, где мы? Или нет. Лучше напиши ты, а я угадаю! Не читая! Если я проиграю пари — что угодно проси... Но если выиграю — берегись!.. Ну, согласна?

То, что он так быстро опьянел, смешало Ноннины карты, выбило ее из колеи. Это не прошло мимо внимания Домонтовича, и ему захотелось, воспользовавшись растерянностью девушки, немедленно уточнить, куда именно забросила его судьба.

Как жалела потом Нонна, что вовремя не выключила магнитофон! Сделай она это — и лента аппарата не зафиксировала бы ее поражения. Девушка согласилась на предложенное Домонтовичем пари. Она, закрывшись рукой, быстро написала что-то на бумажной салфетке и, свернув ее вчетверо, спрятала за корсаж.

Домонтович, будто стараясь собраться с мыслями, прищурил глаза и уставился в одну точку — на угол стола, от которого только что отошла Нонна. Его острый взгляд заметил на скатерти след, оставленный карандашом, — две буквы, которыми начиналось слово: «Ис...»

— Испания! — радостно воскликнул он. — Кто же из нас выиграл, а кто проиграл? Ей-богу, в голове так гудит, что сообразить не могу.

Девушка нахмурилась было, но сразу же звонко и весело рассмеялась.

— Представьте, у меня тоже! Перед глазами будто мотыльки какие-то кружатся, кружатся... В самом деле, кто из нас проиграл пари: вы или я?

Долго спорили они шутя и только под вечер, выпив по чашке крепкого черного кофе, пришли к выводу, что победа все-таки на стороне Домонтовича.

— Хорошо, какой же выкуп или штраф я должна вам уплатить? Надеюсь, вы не потребуете невозможного?

Домонтович на минуту задумался.

— Знаете, Нонна, мне так надоело целыми днями смотреть на эти стены! А нельзя ли сделать так, чтобы мы с вами сегодня вечером куда-нибудь сбежали? В ресторан или бар какой-нибудь, что ли...

— Не знаю, разрешит ли брат...

— Давайте его разбудим. Он и так проспал почти весь день. За это время я успел опьянеть, протрезвиться, влюбиться и от этого еще раз опьянеть. Видите, сколько событий? А он все спит.

— Ну что ж, пойду, попробую уговорить...

— Уговорить?

— Я привыкла разговаривать с братом при помощи жестов. Мы прекрасно понимаем друг друга.

Домонтович видел из окна, как Нонна, разбудив глухонемого, тормошила его за плечи и, быстро шевеля пальцами, объясняла ему что-то.

— Все в порядке! — возвратясь, радостно сообщила девушка. — Только...

— Не пугайте меня! Что «только»?

— Пания хочет ехать с нами, — будто извиняясь, объяснила Нонна.

— О, нам он не помешает!

— В таком случае, я пойду закажу такси.

Поправляя на ходу прическу, Нонна заторопилась к брату. Тот, нехотя и едва передвигая ноги, направился к массивным воротам. В руках его блеснули ключи. Калитка распахнулась и, пропустив девушку, захлопнулась опять.

Возвратилась Нонна, когда было почти совсем темно.

— Куда это мы едем? — стараясь казаться равнодушным, спросил Домонтович, заметив, что машина двинулась не в город, а в совершенно противоположном направлении, в степь.

— Невдалеке, километрах в тридцати, шофер знает один уютный ресторан. Там очень мало людей, чудесное вино, есть радиопла...

— Значит, все необходимое для тела и души.

Ехали полчаса. Домонтович то и дело поглядывал в окно, тщетно пытаясь рассмотреть окутанную мраком местность. Девушка, прижавшись к его плечу, казалось, дремала. Глухонемой, как и подобало ему, молчал.

— Ну, вот мы и приехали! — сразу ожили Нонна, когда машина остановилась возле знакомой уже читателям таинственной таверны, принадлежавшей школе «Рыцарей благородного духа».

Стуча деревяшкой, хозяин провел гостей в уютный уголок, отделенный от зала каким-то подобием ширмы. И, извинившись по-немецки за скромность обстановки, спросил, не хочет ли уважаемая фрейлейн послушать музыку? И что приготовить им на ужин? Проявив редкую для девушки опытность, Нонна сама выбрала вино и блюда.

А потом все пошло по заранее намеченной программе: надрылась радиопла, пустые бутылки на столе заменялись полными, он то признавался в любви, то лепетал что-то о злой судьбе, то порывался петь...

Через час пришлось ехать домой, а потом волоком тянуть полусонного Домонтовича в дом и укладывать в постель.

— Нонночка! — позвал девушку Домонтович, когда она вслед за братом собиралась выйти из комнаты непутевого квартиранта.

— Ну, что тебе? — сердито откликнулась она.

Домонтович приподнялся, и глаза его блеснули насмешливо и остро.

— Знаешь, Нонна, — совсем трезвым голосом произнес он, — передай своим шефам, что я — уже стрелянный воробей и на всю сегодняшнюю музыку мне наплевать. А брату скажи, пусть не мучается, играя роль глухонемого. Спокойной ночи, милочка!

* * *

— Да у вас настоящая келья! — пошутила Нонна, входя в недавно оборудованный кабинет Фреда. Хотя она и улыбалась, на душе у нее было совсем невесело.

— А тут и в самом деле когда-то жили монахи. Ну как, познакомились?

Нонна утвердительно кивнула и молча протянула ленту с магнитофонной записью.

Фред вставил ее в свой аппарат и начал слушать.

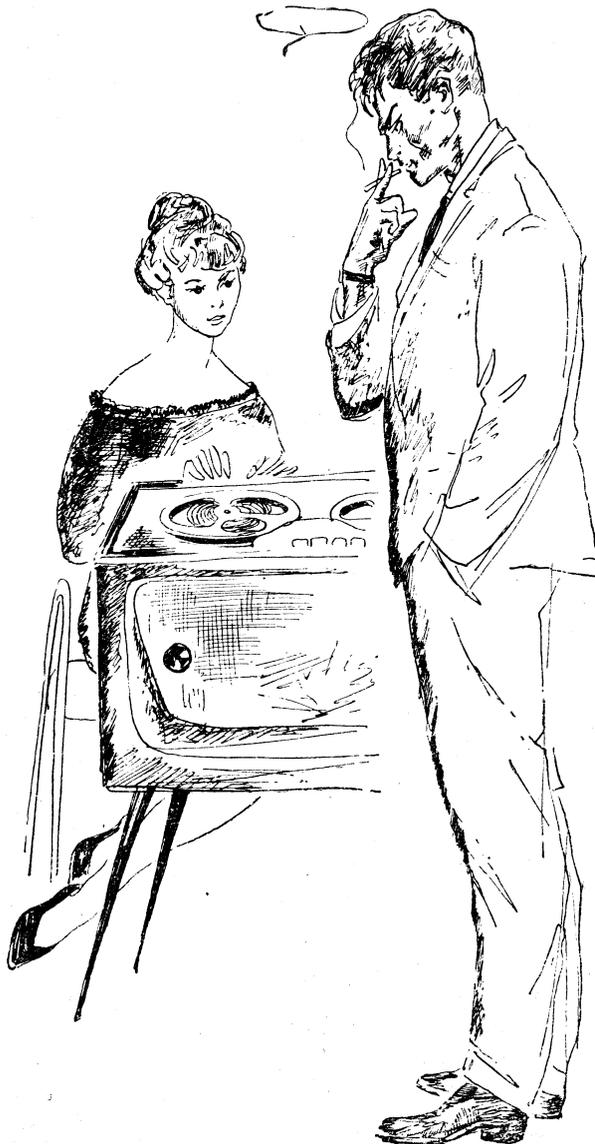
Когда лента добежала до разговора о пробковом дереве и Испании, Нонна, чтобы смягчить ожидавшую ее неприятность, бросила:

— А вот здесь я допустила ошибку...

— Это не так важно, хотя надо сказать, что вели вы себя в общем-то неосторожно!

— Неосторожно? Почему?

— Потом скажу. А пока продолжим...

Прослушивание длилось довольно долго.
 — Он и в самом деле быстро опьянел?
 — Что вы! Просто умеет представляться пьяным, да так, что ни я, ни дядя Паня не догадались.
 — А почему вы думаете, что он и в самом деле не был пьян?
 — Знаете, что он сказал на прощание?
 — Повторите, только точно.
 Нонна слово в слово передала сказанное Домонтовичем.
 Фред сокрушенно покачал головой.
 — Ну и рыбка поймалась!
 Он задумался.
 — А почему вы считаете, что я вела себя неосторожно?
 — Потому что с места в карьер начали кокетничать.
 — Но Ворон мне приказал...
 — Значит, он не учел всей психологии... Ну, хватит об этом. Возвратясь в Фигерас, позвоните дяде Пане, что он уже неглухонемой, и передайте ему мой приказ: с Домонтовичем много не разговаривать. Две-три фразы служебного характера в течение дня — и только. Я приеду через неделю, а то и через полторы. Пусть поскучет немного. Попробуем расшифровать и этого стреляного воробья. А вам у дяди Пани больше делать нечего.
 — Выходит, не справилась?
 — Просто этот молодчик сильнее вас, Нонна. Очень уж вы молоды...
 — З молодых та рання! — вдруг вырвалось у девушки по-украински.
 — Давно не слышал украинского языка.
 — Вы бывали на Украине? — радостно воскликнула Нонна.
 — Где меня только не носило. Скучно в чужом краю?..
 Нонна отвернулась к окну и задумалась. Фред незаметно наблюдал за ней. В его голове рождался план. Он открыл сейф, достал

оттуда какую-то папку и начал ее перелистывать.
 — Зачем вам понадобилось мое дело? — спросила Нонна.
 — Почему вы думаете, что оно — ваше?
 — Я узнала свой почерк. Ведь перед вами — моя автобиография.
 — Так, так... Значит, вы харьковчанка... были переводчицей у немцев... Вспомнил, все в порядке...
 — Что именно?
 — Слушайте, Нонна, как вы посмотрите на то, чтобы недели на две съездить в Россию? Совершенно легально, с паспортом, советской визой и всем прочим.
 Нонна побледнела.
 — Диверсия? — тихо спросила она.
 — Небольшое поручение...
 — Я могу подумать до завтра?
 — Это даже необходимо.
 — Мне хотелось бы побывать дома, но...
 — Немного страшно, да?
 Она кивнула.
 — Хорошо, что вы не скрываете этого. Итак, советую хорошенько все обдумать. Не торопитесь. Даю вам неделю срока. Но, когда вызову, будьте готовы сказать «да» или «нет». Откровенно!
 — Конечно... Я и сейчас разговариваю с вами откровенно. До сих пор я говорила обо всем только с Мэри... Мы с ней изредка разрешаем ослабить вожжи и отправляемся путешествовать в прошлое. Но только изредка...
 — Поэтому-то она время от времени и напивается! Мэри полька? Она, кажется, из-под Лодзи?
 — Да.
 — Передайте ей, чтобы поменьше пила. Возможно, я и для нее что-нибудь придумаю. А пока что никому ни слова.

Перевод с украинского Н. Николенко.

Продолжение следует.

Друзья

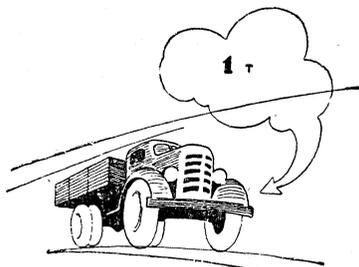
На снимке: пес Тарзан и котенок Мишка. Дружба их родилась, когда Мишка только-только начинал ходить. Пес всячески опекает его.

Если Мишка возвращается домой и дверь закрыта, то Тарзан стучит лапой до тех пор, пока хозяева не услышат. Зато псу, благодаря котенку, часто достаются лакомые кусочки.

Словом, друзья! Несмотря на разницу в годах.

П. ПЕРЕВОЗКИН

Блокнот любознательных

Одна тонна природного газа дает 400 килограммов этилового спирта. Раньше для получения такого же количества спирта затрачивали 1,7 тонны зерна или 4,1 тонны картофеля.

Из одной тонны газа получают 500 килограммов синтетического каучука или 350 килограммов полиэтилена.

Одна тонна газа — это три тысячи метров синтетической прочной ткани. Чтобы выработать такое количество натуральной шерстяной или шелковой ткани, нужны шерсть с 50 овец или 530 тысяч коконов шелкопряда.

На Салаватском нефтехимическом комбинате недавно стали производить синтетический аммиак. Сырьем для него служат водород, который получают расщеплением простейшего углеводорода — метана, и азот из атмосферного воздуха. Двадцатипятипроцентный раствор аммиака в воде называют аммиачной водой. Если килограмм ее влить в почву, то повысится урожай: пшеницы — на 13, картофеля — на 120, сахарной свеклы — на 140 килограммов с гектара.

В аммиачной воде содержится азот. Он сразу попадает к корням растений и дает (в отличие от твердых минеральных удобрений) немедленный эффект. Настоящая живая вода!

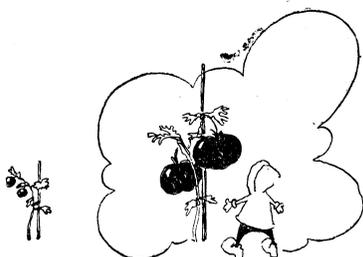
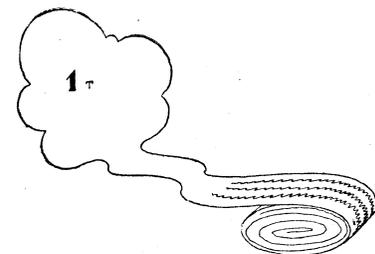
А в животноводстве? Обработка обычной соломы аммиачной водой резко повышает ее питательность: азот, соединяясь с органическим веществом соломы, становится «органическим» азотом. Он быстро переваривается и усваивается животными. Только в одной Башкирии в 1963 году аммиачной водой обработано 300 000 тонн соломы.

Всем хороша аммиачная вода, но неудобна для транспортировки на далекие расстояния. В ней слишком много балласта — воды. Поэтому химики разработали способ получения из аммиака твердого азотистого удобрения — мочевины, или карбамида.

Ученые назвали свой волшебный препарат «активированным креолиновым маслом» — сокращенно АКМ. Для того чтобы надежно защитить посевы от насекомых-вредителей, достаточно трех литров АКМ на один гектар.

В газах нефтепереработки содержится углеводородэтилен. Он обладает чудодейственным свойством — ускоряет созревание многих плодов. Если в каждом кубометре окружающего воздуха содержится пол-литра этилена, то помидоры дозревают вместо 12 за 5 суток; апельсины, мандарины, лимоны — на 20 суток быстрее, чем обычно.

К. КОСТРИН

ГАЗ — ДЛЯ НАС

**Уральские
почтовые
и
памятные...**

Несколько лет назад в «Огоньке» была напечатана заметка об единственной марке, выпущенной на Урале. Филателисты довольно хорошо ее знают: большая красная марка с изображением молота, наковальни, косы и граблей и надпись: «Пермский уездный совдеп». Но, оказывается, она — совсем не единственная уральская марка.

В 1920 году Народный Комиссариат почт и телеграфов издал указ о переоценке некоторых сохранившихся марок царской России выпуска 1909—1917 годов. Надо было пополнить марочные запасы и не допустить притока в почтовое обращение случайных марок. Переоценка проводилась надпечаткой новой цены. Тогда и появилась на Урале серия, изготовленная в Челябинске. Она состоит из четырех штук — трех беззубцовых (надпечатка 35 копеек на 2, 50 и 70 копеек на 1) и одной зубцовой (50 копеек на 3).

Эти марки похожи на выпущенные в 1919—1920 годах в Сибири, но имеют существенное отличие: надпечатка на уральских сделана ручным штампом, а не типографским способом.

В 1956 году в честь областного фестиваля молодежи Свердловская офсетная фабрика выпустила специальную марку. На ней изображен памятник Я. М. Свердлову и на фоне Красного знамени надпись: «Фестиваль». Но для почтового обращения она не предназначалась, и поэтому номинал не указан.

Я. Л.

В НОМЕРЕ:

ХОЗЯЙКА ПОГОДЫ. Ефим Липович. Стихотворение . . .	1
РЕСПУБЛИКА НА КОЛЕСАХ. Из дневника изолированного. Владимир Туболев	2
КРЫЛАТЫЙ ОТК. В. Сибирев	5
СКВОЗЬ ТАЙГУ И БОЛОТО. Владимир Еременко . . .	13
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	18
МОЙ УРАЛ. ЕСТЬ МАЛЬЧИШКА... ВСТРЕЧА СЕСТЕР. Нина Страхова. Стихотворения	20
«ЗЕМЛЯК ИЗ ОСТРОВНОЙ». Л. Большаков. К 150-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко	22
КОМБАИН-ЭКСКАВАТОР. Г. Стороженко	26
ОНИ ПРОДОЛЖАЛИ СРАЖАТЬСЯ. Л. Ахмин	27
«ТРИ БОГАТЫРЯ». ПОРОШОК-ВОЛШЕБНИК. БУДУТ ОРЕХОВЫЕ РОЩИ. Э. Ермакова. Заметки	28
ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ	30
В ПАМЯТЬ О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ. Л. С.	31
«ЗОЛОТАЯ КНИГА» ЗАВОДА. Е. Константинова . . .	32
УЛЫБКА МОРЯ. Григорий Пятков. Поэма	33
РИТА-ФАРИДА. Владимир Новоселов. Очерк . . .	37
ВОЛШЕБНЫЕ ЗВУКИ БАНДЖО. Я. Левант. Конкурс научной фантастики	41
ВСТРЕЧА С МОРЖАМИ. Б. Коробейников	55
ПЕРВЫЕ ПЕРМСКИЕ ЧЕМПИОНЫ. Ю. Полянин.	58
ГОРЯЧИЙ ОКЕАН БУДЕТ СЛУЖИТЬ СОВЕТСКИМ ЛЮДЯМ. Борис Рябинин	60
НА ЗАРЕ УРАЛЬСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ. А. Блюм. Заметки библиографа	62
МОЙ СПУТНИК. Е. Бирюков	66
И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН. Ю. Дольд-Михайлик. Приключенческий роман. Книга вторая. Часть вторая. Продолжение	68
ДРУЗЬЯ. П. Перевозкин	78
ГАЗ — ДЛЯ НАС. К. Кострин	79
УРАЛЬСКИЕ ПОЧТОВЫЕ И ПАМЯТНЫЕ. Я. Л.	80

Обложка Г. Перебатова.

На первой странице вкладки фото Н. Заузолкова, на второй странице обложки рисунок Г. Метелева, на третьей странице — фото С. Слепынина.

Главный редактор В. ШУСТОВ
Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, В. ОЧЕРТИН, Б. ПАВЛОВСКИЙ, Г. РАМАЗАНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Г. ТРИФОНОВ

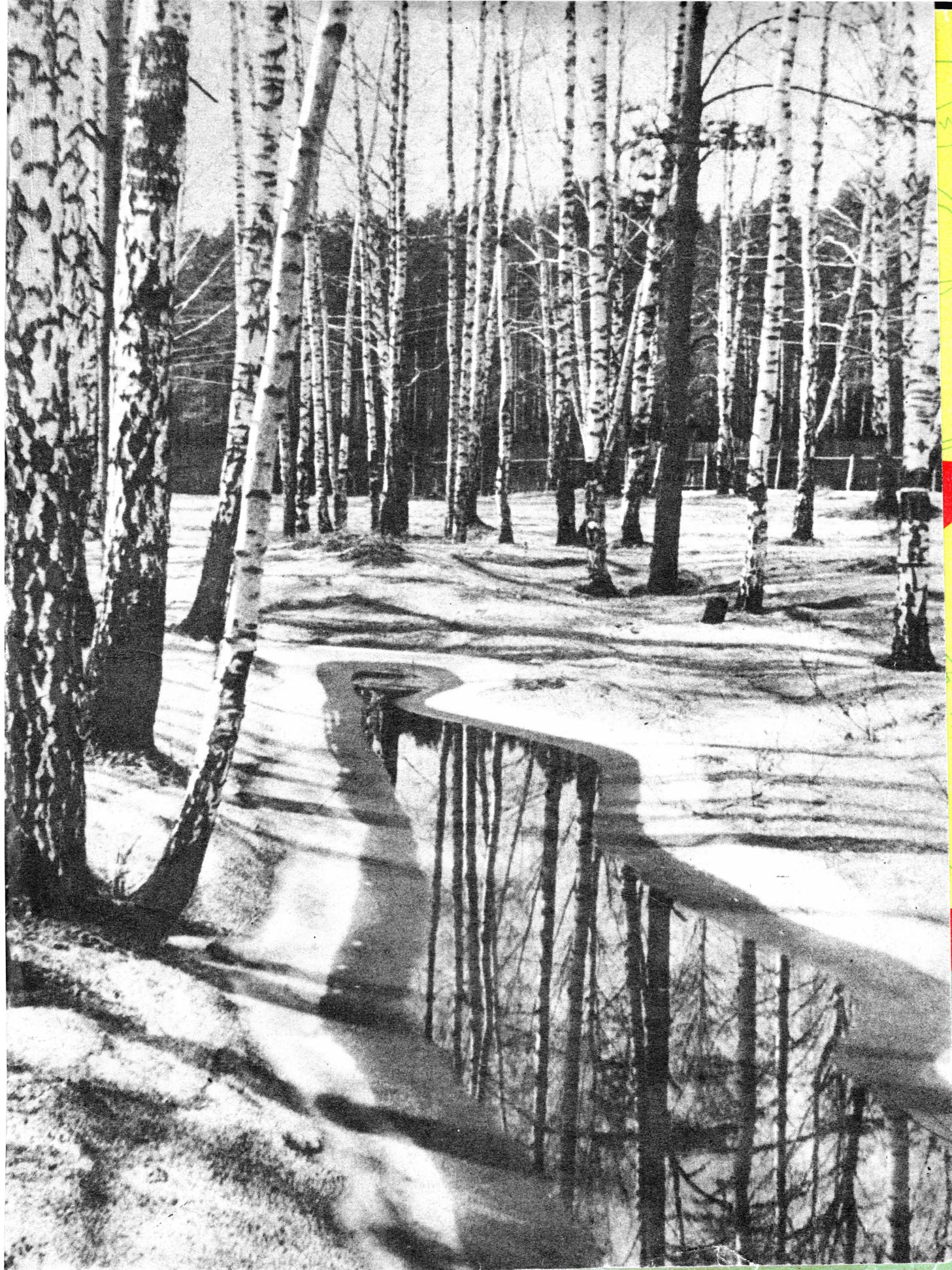
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор Г. Стороженко

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефоны Д1-22-40 (для справок), Д1-26-01 (редактура), Д1-85-70 (доб. 7-49) производ. отдел. Средне-Уральское Книжное Издательство

Подписано к печати 27/II 1964 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.— 8,61 печ. л.— уч.-изд. л. 9,28
НС 29107. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ № 22.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

30 коп.

73413

